

- - [Русская идеология](#)
 - [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)

Введение

Содержание

На Соборе Архиереев Русской зарубежной Церкви, бывшем в декабре 1937 г., Председателем Русского Архиерейского Синода, Высокопреосвященнейшим Митрополитом Анастасием мне предложено было дать идеологию Русскому Христианскому Трудовому Движению. Это предложение мною было исполнено. Составленный мною доклад касательно русской идеологии был заслушан на Архиерейском Соборе в августе 1938 г. Выводы доклада были Собором приняты, и в соответствии с этим было вынесено соборное постановление.

Помимо этого, на Соборе 1938 г. Русских Архиереев при участии мирян, некоторые из мирян — членов Собора, представители от епархий в Югославии и Западной Европе, просили меня дать им сведения относительно русской идеологии и в частности — обоснования царской самодержавной власти.

Это побудило меня заняться выяснением настоящего вопроса, животрепещущего и столь близкого для сердца русских людей, плодом чего и явилась моя книга: «Русская идеология».

В первой главе этой книги указывается, что русская идеология состоит в православной вере и основанной на ней жизни русского человека во всех ее проявлениях. Эта вера была усвоена русским народом с самого момента его крещения, как главное правило жизни, что свидетельствуется тем, что самыми любимыми книгами для чтения русских людей, помимо книги живота — Библии, были — Жития Святых (Четыри Минеи). Но особенно о жизненности этой веры свидетельствовала святая иноческая жизнь в монастырях и благочестивая жизнь мирян, о чем говорит безчисленное множество в России храмов и церковный быт наших предков, которым они открыто исповедывали свою веру, — их великие молитвенные подвиги и в храмах, и у себя дома, — их искреннее глубокое покаяние во грехах и чистота их православной веры. В той же главе отмечается то дивное покровительство и заступление, которые оказывал Господь русскому народу за его преданность православной вере и стремление к святости, что то же — к жизни, сообразной с этой верою.

Во второй главе нашей книги изображается другая — печальная сторона жизни русского народа — его отступление от православной веры и прежде всего посредством усвоения им протестантизма. Здесь показывается, что не сразу произошло это отступление, а постепенно, начиная с Иоанна III-го, со времени поступления на русскую службу немцев. Но особенно катастрофичным для России было отступление от православной веры при Петре Великом. Этому несчастью содействовали его противоцерковные реформы, которыми производилась ломка самой православной веры.

Особенно пагубными были реформы в отношении монастырей с отобранием монастырского и вообще церковного имущества. Вследствие этого, монастыри утратили свое великое значение церковных просветительных центров в жизни русского народа. Воспитание и просвещение были отняты от Церкви и перешли в руки государства и стали вестись по линии удаления от Церкви и Ея спасительного влияния. К отступлению русского народа от православной веры было направлено и личное поведение Петра.

Конечно, такие его мероприятия не остались без протеста со стороны последнего патриарха Адриана, Местоблюстителя патриаршского престола Митрополита Рязанского Стефана Яворского и вообще епископата русской Церкви. Но эти протесты не только не имели никакого успеха, но вызывали со стороны Петра лишь суровые репрессии. Благодаря противоцерковным Петровским реформам, появилось в образованном русском обществе охлаждение к православной вере, умножение сектантства и даже неверия, таившего в себе начало гибели России.

К сожалению, это неверие еще более стало укрепляться у нас в царствование императрицы Анны Иоанновны, чрез открытое гонение на православие со стороны Бирона, и в особенности в царствование императрицы Екатерины II-ой. Она открыто преклонялась пред безбожником Вольтером и окончательно отобрала в пользу государства церковныя имущества.

Конечно, такое отрицательное и пагубное для России отношение к Церкви императрицы не могло остаться без протестов со стороны представителей русской Церкви, и мы подробно остановили свое внимание на Митрополитах: Ростовском Арсении Мациевиче и Тобольском Павле, которые своим исповедническим протестом против отнятия церковных имуществ, вместе с тем, выступали против уничтожения русской идеологии, долженствующей быть в основе жизни каждого русскаго человека и всего русскаго государства. Своим протестом они предвозвестили гибель его, хотя она наступила не сразу, и показали, что с потерю церковных имуществ Церковь потеряла одно из главных средств распространять православную веру и бороться с ея врагами. Эта потеря лишила Церковь возможности надлежащим образом организовать, для укрепления православной веры, школьное просвещение.

Поэтому неверие продолжало сильно распространяться в России даже и в царствования последующих императоров, покровительственно относившихся к Церкви. Они уже не нашли в себе силы идти против всего русскаго интеллигентнаго общества, которое настолько удалилось от Церкви, что следовало не ея учению, а учению богоборческаго гуманизма, давшаго русским людям авторитет научности вместо Божественнаго церковнаго авторитета. Оно уже глубоко и сознательно стало воспринимать толстовское и социалистическое учения, ядь которых почти безпрепятственно разливался по всей русской земле в сельских и городских земских школах, обладавших большими государственными средствами. Земство явилось пагубным учреждением для России.

Неверие нашей интеллигенции вылилось, наконец, в освободительное движение с кровавым террором, направленным к ниспровержению царской власти. Это движение разделило всю Россию на два лагеря — левых и правых, и, имея въ своем полном распоряжении Государственную Думу, открыто и легально насаждало чрез нее въ государстве не только противоцерковныя, но и революционныя идеи, вынудив правительство издать в 1905 г. в высшей степени вредный закон о свободе совести, и, наконец, чрез заговоръ против Государя, низвергло его с престола и погубило Россию.

В третьей главе нашей книги констатируется истина: так как Россия погибла вследствие отступления русскаго народа от православной веры, то для спасения и возрождения России необходимо всем русским людям вернуться къ этой вере, отвергнуть все еретическия и богоборческия учения и положить в основу своей жизни учение православной Церкви и все ея уставы. Подобно нашим предкам, мы должны иметь веру аскетическую, живую, которая сопровождается всеми христианскими добродетелями; а вместе съ нею — свято блюсти чистоту нашей веры во всей ея апостольской непорочности, чуждой всяких еретических приражений. За это Господь пошлетъ нам, как посылал нашим предкам, внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа, как Царство Божие в его дивных, благодатных проявленияхъ правды, мира и радости. ([Рим. 14:17](#)) К стяжанию этой благодати мы, русские люди, должны стремиться, прежде всего, как к своему небесному счастью, как к высшей цели своей жизни и величайшему своему сокровищу, чрез веру аскетическую и православную.

Отсюда понятно, что мы должны тщательно хранить свою православную веру от ея смешения съ инославными исповеданиями и, в частности, католическим и лютеранским. При такомъ смешении благодать не будет с нами, а безъ благодати мы никогда не достигнем, как учатъ св. отцы, истинной нравственности или христианской жизни, и не войдем в вечный небесный чертог.

В той же главе нами отмечается, что это высшее благо — благодать Св. Духа, как внутренняя перерождающая сила, может быть только в православной Церкви. Поэтому мы должны тщательно хранить православную веру, сделать ее основой всей своей жизни, подобно нашим предкам, открыто ее исповедывать и всячески избегать ложного пагубного стыда. Чрез эту исповедническую веру Господь будет царствовать в сердцах наших Своею благодатию с ея святостью и блаженством и дарует нам опять великую, славную Россию, какою она была, благодаря истинной вере наших предков.

Но вере предков было присуще смирение с его покаянием. Благодаря этому смирению, их вера была аскетической и переходила в исповедническую. Без смирения, по Богооткровенному и святоотеческому учению, нет и не может быть никаких истинных христианских идеалов. Истинная православная и духовная жизнь начинается смирением, им развивается и доходит до совершенства потому, что только чрез него Господь посылает нам благодать Св. Духа, эту Божественную силу, без которой мы, по слову Христа, ничего доброго не можем совершать. ([Ин. 15:5](#))

Но если это смирение сделало веру наших предков аскетической, то смирение сделало ее и чистою от всяких ересей, ибо гордость, по учению Св. Писания, есть начало греха и отступления от Господа ([Сирах. 10:15](#)) и является причиною всех ересей, как учат и св. отцы Церкви. Смирением и покаянием предки наши ограждали и свою веру от ересей, и свою Родину от гибели; и как только русские люди вступили на путь отступления от православной веры, на путь гордости, так постепенно и прежде всего в очах Божиих началась гибель нашей Родины, несмотря на то, что после Петра Россия внешне увеличивалась в своем могуществе и славе. Но это могущество и слава обязаны той же вере русского народа, который в своей массе и в своем низу не мог так скоро отступить от православной веры, вопреки всем усилиям безбожной русской интеллигенции скорее развратить его.

Будем всегда помнить, за что мы наказаны Богом, и не только помнить, но и стремиться возродить Россию своим возвращением к вере наших предков, основанной на смирении и покаянии, вере аскетической, православной и исповеднической.

Поэтому пусть в жизни нашей будет эта вера, и, прежде всего, как вера смиренная с покаянием в самом тяжком грехе, в котором повинны русские люди или активно, или пассивно. Мы имеем в виду грех бунтарства против самодержавной власти царя — Помазанника Божияго. Этот грех является крайне тяжким, ибо он есть следствие отступления русского народа от православной веры, от Церкви и от совести.

В четвертой главе указывается, в чем должно состоять покаяние русских людей в их тяжком грехе бунтарства против самодержавной царской власти. Не все одинаково повинны в этом грехе, почему и покаяние должно выразиться не у всех в одинаковой степени. Для одних оно должно состоять в радикальной перемене своей греховной настроенности на благодатную, чем сам собою уничтожится у них тяжкий грех бунтарства и произойдет изменение в их отношении к самодержавной царской власти. Для других покаяние должно состоять в открытом исповедании истины, что одною из основ возрождения России является исконная царская самодержавная власть Помазанника Божияго; что никакая другая форма государственного правления не приемлема для России, ибо несообразна с православной верой и на ней не основана.

Мы так говорим потому, что только эта власть, по учению Свящ. Писания и св. отцов, является Богоустановленной и происходит от Бога, о чем прекрасно говорит Митрополит Московский Филарет. Он же очень хорошо свидетельствует о благодетельном значении для человеческой жизни царской самодержавной власти на основании Священного Писания, резко осуждая посягателей на эту власть, хотевших в России вместо нея ввести слепую, жестокую

власть не от Бога, а от народа — власть народной толпы. Означенное учение М. Филарета о происхождении царской самодержавной власти и ее благодетельном значении для народа не только основано на Св. Писании, но совпадает с таким же учением и св. Феодора Студита.

Впрочем, в Св. Писании мы находим еще учение о царе, как Помазаннике Божиим. ([1 Цар. 9:16](#); 10, 6; 16, 12—13) Отсюда ведет свое начало таинство миропомазания, которое совершалось и над царями в Византии, а затем стало совершаться и у нас, в России. Таинство св. миропомазания делает личность царя священной, сообщает благодать Св. Духа для несения подвига царствования, возвышает его авторитет в глазах всего народа, какъ нации, возводит царя на степень верховного покровителя православной Церкви в защите ее отъ еретиков и всех ее врагов, почему св. Иоаннъ Златоуст и учил, что царская власть, разумеется христианская, есть начало, которое удерживаетъ пришествие антихриста.

Таковыми покровителями св. православия не только для России, но и для других православных стран, были и наши русские цари, благотворное влияние коих ощущалось даже во всем мире, как об этомъ печатно свидетельствовал так недавно италианский профессор-историк Ферреро.

В той же четвертой главе мы указываем, что къ учению Священнаго Писания о царской власти нужно отнести и учение об отношении к царю со стороны его подданных. Это отношение определяется, по свидетельству Откровения, двумя Божественными заповедями. Бог, во-первых, повелевает: не прикасаться к Его Помазанникам и, во-вторых, оказывать почитание царю чрез наши молитвы о нем и повиновение ему. Первою заповедью, данную еще в Ветхом Завете в словах: Не прикасайтесь помазанным Моим, ([1 Пар. 16:22](#)) Господь ограждаетъ царя от всего того, что колеблет его власть и выражается в недовольстве царем и его осуждении подданными, и о чем очень хорошо опять таки говорить тот же Митрополит Филарет.

Эта Божественная заповедь нарушается и чрезъ ограничение самодержавной власти царя, чего русские люди требовали с неистовством из-за рабскаго, слепого подражания европейскимъ народам. Требование этого ограничения также способствовало гибели нашей Родины.

Нет нужды доказывать, каким ужаснымъ прикосновением к Помазаннику Божию является низвержение подданными своего Царя. Здесь нарушение настоящей Божественной заповеди достигает по своей преступности самой высокой степени и влечет за собою гибель государства. Такое, именно, прикосновение к Помазаннику Божию было допущено русскими людьми, поэтому мы во всей полноте знаем гибельность и для себя, и для России отвержения людьми данной Божественной заповеди.

Что касается положительной заповеди, повелевающей нам почитать царя ([Мф. 22:21](#); [1 Петр. 2:17](#)), то первым выражением ее является возношение нами молитв и благодарений о царе, к чему призывал Ап. Павел Епископа Ефесской Церкви Тимофея. Этот призыв можетъ вызывать удивление, так как тогда царями были язычники и гонители. Но прекрасное истолкование этого апостольскаго призыва дается М. Филаретом, которое и приводится в нашей книге.

Другим выражением почитания царя подданными является их повиновение ему. Ап. Петръ повелевает повиноваться царю Господа ради, ([1 Петр. 2:13.14](#)) т. е. ради православной веры в Бога. Этот мотив для повиновения царю является высшим. Если бы русские люди относились къ своему царю согласно этой заповеди Св. Писания, то не был бы снят с его головы царский венецъ преступными руками предателей, и Россия не погибла бы. Только одна православная вера побуждает, как должно повиноваться царю. Только она одна заставляет в этом повиновении любить царя, Помазанника Божияго, жертвовать собою, страдать и умирать за царя и смотреть на него, как на отблеск славы и Божественнаго величия.

Так, в строгом соответствии с православною верою относился к царю, так почитал его русский народ, о чем очень хорошо свидетельствует и наше народное творчество, выраженное в

песнях, сказках, поговорицах, былинах и присловиях. С таким почтением и любовью относился русский народ в лице истинных сынов его к своему царю не только в древности, но и до самого последнего времени, ибо простой верующий народ без слез умиления не мог смотреть на царя. Он в действительности, по выражению Митрополита Филарета, был главою и душою русского народа. Поэтому, когда не стало этой души, не стало и России.

В пятой главе нами устраняются два возражения против учреждения в будущей России исконного начала государственной жизни — царской самодержавной власти. Имеется в виду, во-первых, мнение, что эта форма правления изжита, и, во-вторых, что для Церкви будто безразлично, какая форма правления будет в России. Что касается первого мнения, то оно направлено против спасительного на нас влияния Священного Писания, ибо царская власть в России была основана на его словах. А эти слова являются глаголами вечного живота. ([Ин. 6:68](#); срав. [Евр. 4:12](#)) Поэтому такое мнение является неразумным. Если нельзя сказать, что слова Божественного Откровения изжили себя, то нельзя сказать, что и царская власть, как на них основанная, изжила себя. Действительность, напротив, свидетельствует, что не царская самодержавная, а парламентарная власть изжила себя. Русским людям в вопросе о будущем строе правления нашей Родины надо сообразоваться с Богооткровенным и святоотеческим учением и следовать не за врагами, а за истинными и гениальными ее сынами, каковыми были Достоевский и Пушкин, («Разговоры Пушкина». Москва 1926 г) свидетельствовавшие всю необходимость для счастья и могущества России не демократического, а, именно, царского самодержавного строя.

Относительно второго, такого же ошибочного, мнения нужно сказать, что для Церкви не может быть одинаковой власть, покровительствующая ей, и власть богоборческая, царствующая у нас в настоящее время, при наличии которой православная Церковь в России может исчезнуть. Эта власть такова, что невольно возбуждает в умах русских людей вопрос: не настал ли сейчас момент окончательной гибели нашей Родины? Этот вопрос будет особенно волновать нас, если мы вспомним два письма оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия, с истолкованием им двух страшных замечательных сновидений, касательно судьбы нашей России. Об этих сновидениях и их истолковании о. Амвросием говорится нами в настоящей главе.

Однако, мы питаем надежду, что момент для конечной гибели России еще не настал, ибо имеем пророчество св. Серафима Саровского, что Господь избавит Россию от всех ее бедствий ради православной веры и она будет существовать, как сильная держава, до скончания века. Эта вера есть в русском народе. Она исповедуется им даже в великих настоящих страданиях России. Поэтому мы должны молиться, чтобы Господь укрепил эту веру и скорее бы избавил Россию от богоборческой власти. Самый тот факт, что мы вместе со всею зарубежною русскою Церковию и с нашими братьями, находящимися в России, молимся об этом, свидетельствует, что для Церкви далеко не безразлично: будет ли Россия возглавляться впредь богоборческою властью.

Точно так же не безразлично для Церкви, какая будет в России после советской власти государственная форма правления. Православная Церковь не может предпочесть власть народа, что то же — народной толпы, царской власти по той причине, что народоправство не есть Богоустановленная власть и не коренится в Св. Писании. Мало того, республиканская и конституционная власть являются ниспровержением Богоустановленной царской власти. Правда, в конституционной форме правления монарх остается, но самодержавие от него отнимается народоправством и для него создается неестественное и тяжелое положение, при котором он «царствует», но не управляет; о чем хорошо в свое время писал Иоанн Грозный в своих письмах князю Андрею Курбскому и заявлял Шведскому королю и Польскому королю —

Стефану Баторию.

Таким образом, как республиканская, так и конституционная форма правления — не только не являются Богоустановленной властью, но самое их бытие начинается с ее отрицания. Св. Церковь наша не может закрыть своих глаз на это отсутствие религиозной основы в том и другом демократическом образе правления, поэтому и не может желать его введения в будущей России.

Кроме того, демократический строй не соответствует религиозно-нравственному идеалу русского народа. Этот идеал состоит в устремлении русских людей к святости, или единению со Христом чрез православную веру и любовь со всеми прочими христианскими добродетелями. Но этот идеал русского народа совершенно чужд республиканской или конституционной форме правления. И это понятно, ибо демократическое государство управляется не этическими, а юридическими нормами. Зато монархия в России как нельзя лучше соответствовала русской идеологии. Об этом говорит самое назначение монарха быть представителем идеала русского народа и направлять свою государственную деятельность сообразно с этим идеалом. Являясь первым и верным сыном Церкви, царь был и покровителем русского народа в удовлетворении его высших религиозных потребностей, будучи для него и в других областях его жизни олицетворением высшей милости и отеческой любви.

Отсюда ясно, почему русский народ так верен был своим монархам с готовностью полагать за них свою жизнь. Русский народ даже в унижении царской власти в период смутного времени винил не ее, а себя, видел в этом наказание Божие за грехи свои и ревностно отвергал все посягательства на самодержавие царя...

К сожалению, в 1825 г. произошло возстание декабристов. Это возстание показало, что в русском народе стал меркнуть религиозно-нравственный идеал и стал заменяться идеалом политическим, и чем дальше шло время, тем сильнее и сильнее заявляло свои права в русском обществе конституционное и даже республиканское движение, которое вылилось в освободительное, низложило царя и погубило Россию.

Несомненно Господь за эту замену идеологии и наказал русский народ. Но Он и помилует его за великия страдания, веру и покаяние и дарует ему избавление. Однако, чтобы возродить Россию, мы должны вернуться к своему религиозно-нравственному идеалу и на основании его возсоздать царскую самодержавную власть, так как другия формы правления не соответствуют нашей русской идеологии.

Этим несоответствием не исчерпываются все мотивы, почему Церковь должна отвращаться от демократических форм правления. Последняя не только не имеет данного соответствия, она даже враждебна религиозно-нравственному идеалу русского народа. Поэтому при появлении в России того или другого демократического строя, наша православная Церковь окажется в положении гонимой, т. е. тогда произойдет фактически отделение Церкви от государства.

Не надо забывать, что только либеральные круги России требовали демократического строя, а все истинно-русские люди отстаивали самодержавие.

Отсюда ясно, что Церковь не может быть безразличной к форме правления в будущей России. Для собственного своего блага и ради возрождения России она может стремиться к восстановлению у нас только одного государственного строя — самодержавной власти царя — Помазанника Божьяго.

В шестой главе мы призываем всех русских людей стремиться, как к величайшей милости Божией, к учреждению в будущей России истинной монархической власти, которая может быть такою только при своем отношении к Церкви на основе симфонии в смысле ограничения самодержавной царской власти Церковию — ее Божественными законами. Мы имеем в виду

симфонию, теория которой изложена в 42-й главе славянской Кормчей, взятой из VI-й новеллы Юстиниана. В настоящей главе нами дается толкование этой симфонической теории, которая обязывала носителя царской власти быть защитником догматов православной веры и почитать Церковь, т. е. исполнять все ее каноны, сообразовать с ними законы гражданские и заботиться о ее материальном благополучии.

В соответствии с этой симфонией определяли свои отношения к Церкви Византийские императоры, прежде всего оказывая покровительство ей в ее борьбе с еретиками на Вселенских Соборах и после них в особенности в виду страшных насилий, вплоть до уголовных преступлений, которые совершались еретиками по отношению къ православным людям.

Согласно этой симфонии, Византийские императоры оказывали и почитание Церкви в лице ее власти, т. е. не вмешивались в дела Церкви и самих себя считали подсудными церковной власти в делах веры и нравственности, о чем свидетельствует их отношение к Вселенским Соборам, на которых они никогда не председательствовали и постановления коих они считали обязательными къ исполнению не только для всех их подданных, но и для себя самих, и даже признавали силу гражданских законов только в том случае, если они не противоречили св. канонам.

Для осуществления той же симфонии Византийские императоры считали своим священным долгомъ заботиться и о материальной стороне жизни Церкви. Конечно, главный приток пожертвований в пользу Церкви делался верующим народом во исполнение Божественной заповеди о десятинах. Но самое главное здесь заключалось в том, что св. каноны закрепляли это церковное имущество, какъ принадлежащее Самому Богу, за Церковь, какъ неприкосновенное. Этой неотчуждаемости церковнаго имущества содействовала и императорская власть, делавшая своими законами его неприкосновенным и ограждая его заклятиями.

В настоящей главе мы отмечаем, что в данной теории не указывается, в чем должно проявляться для этой симфонии отношение Церкви к государству и в частности к той же царской власти. Мы объясняем это обстоятельство тем, что Церковь по свойству своей веры православной не могла нарушать симфонии и проявлять папоцезаризм, и что, действительно, этого никогда не бывало. Однако, Церковь всегда участвовала в этой симфонии властей и очень много делала для нея, возрождая благодатными средствами своих членов и чрез воспитание и просвещение делая их великими сынами отечества, воодушевляя ихъ любовью к царю и родине до готовности полагать за них свою жизнь.

С таким значением теория симфонии перешла изъ Византии и к нам в Россию. И здесь она действовала, определяя взаимныя отношения между церковной и государственной властью, пока не была нарушена в царствование Алексея Михайловича. Действительность показывает, что и наши вел. князья, а затем цари были защитниками православной веры и боролись вместе с Церковью с еретиками, о чем свидетельствуют наши древние Соборы, на которых они нередко присутствовали и осуществляли все соборныя меры по отношению к еретикам.

Так же, как Византийские императоры, наши вел. князья и цари осуществляли симфонию в отношении св. канонов и в отношении церковной власти, въ особенности в лице русских церковныхъ Соборов, считая их постановления для себя обязательными.

Подобно Византийским императорам, относились они и к церковному имуществу, являя заботы о материальном благоденствии Церкви и личными своими пожертвованиями, и посредствомъ ограждения церковной собственности своими уставами и грамотами.

В последней седьмой главе нашей книги говорится о нарушении симфонии властей при Алексее Михайловиче, причем в этом отношении проводится аналогия между Россией и Византией. Въ последней симфония нарушалась многими императорами чрез их

цезарепапистское вмешательство в дела Церкви. Но в особенности нарушителями ее, вплоть до ее уничтожения, были византийские императоры иконоборцы, которые своим нарушением основ симфонии: православной веры и св. канонов, совсем уничтожали ее и даже делались гонителями Церкви. В этом уничтожении симфонии Церковь видела причину падения Византии.

Такое уничтожение симфонии властей у нас случилось при Петре I. Оно, в силу закона постепенности, имело раннейшую свою подготовку в царствование Алексея Михайловича, когда произошло нарушение симфонии вместе с появлением «Уложения» в 1649 г. и, в частности, его Монастырского Приказа. Этот Приказ был вопиющим вмешательством в церковные дела, которое проявлялось в суде над духовенством даже по духовным делам, в назначении духовных лиц на должности и в частичной конфискации церковного имущества.

Величайшим защитником русской идеологии, борцом против нарушения симфонии властей и, вместе с тем, проповедником истинной самодержавной царской власти явился Святейший Патриарх Никон. Сознывая всю губительность для Церкви и государства цезарепапизма, Патриарх Никон протестовал, как это видно из его сочинения: «Раззорение», против суда светской власти над духовенством по гражданским и церковным делам. Такой же энергичный протест был проявлен с его стороны и против частичной конфискации церковного имущества. Он видел, что на этом государство не остановится, и отнимет от Церкви все средства, при помощи которых она могла бы осуществлять свои высшие задачи относительно воспитания и просвещения русского народа и тем самым предохранить его от гибели. Поэтому Патриарх Никон на библейских примерах показывал, какие страшные наказания следуют от Бога за отнятие у Церкви ее имущества, «Уложение» называл «проклятою уложенною книгою», а в Монастырском Приказе видел толчок к расцерковлению русского государства и начало гибели России.

Так как оцерковление русского государства посредством гражданских законов, не противных св. канонам и проникнутых духом Церкви, зависело от истинной царской самодержавной власти и ее отношения к Церкви на основе симфонии, то борьба П. Никона против «Уложения» и Монастырского Приказа имела своею целью возглавление русского государства властью такого царя, при котором только и возможно осуществление симфонии властей и процветание Церкви и государства. За эту борьбу он тяжело страдал. И в этой борьбе он пал, но оставил завет всем русским православным людям — чему они должны следовать для возрождения России.

Поэтому П. Никон должен быть истинным, великим наставником для нас в наших стремлениях возстановить Россию посредством истинной самодержавной власти царя Помазанника Божияго.

По той же причине мы постарались снять с личности Патриарха Никона то нареkanie, которое может принизить его авторитет в наших глазах. Мы имеем в виду обвинение его в непомерной гордыне, будто побуждавшей П. Никона стремиться к властительству над самим царем Алексеем Михайловичем и ко вмешательству в дела государственных. Это обвинение не соответствует действительности прежде всего в силу того, что оно исходило от врагов П. Никона — раскольников; и каковое обвинение давно устранено научными исследованиями. Главным обвинителем П. Никона в гордости был злейший враг его — Газский Митрополит Паисий Лигарид; но последний, по свидетельству документальных данных, был совершенно аморальною личностью.

Прекрасно опровергает данное обвинение по отношению П. Никона историческая действительность, в которой нельзя найти ни одного факта, свидетельствующаго о такой его гордости. Не обнаруживается эта гордость и в его сочинении: «Раззорение», в его поучениях и в

его патриаршей деятельности, о чем мы негласно говорим в данной главе.

Нельзя обвинять в гордости П. Никона и на основании его ухода из Москвы в Ново-Иерусалимскую обитель, случившагося 10 июля 1658 г. Обвинители хотят объяснить психологически этот уход, как давление П. Никона на царя, с целью заставить последнего удовлетворить честолюбие и гордость Патриарха и вернуть его кь прежнему величию и славе. Но мы показываем всю несостоятельность обвинения П. Никона на этомъ психологическом основании. Мы свидетельствуем, что П. Никон в своем уходе обнаружил не гордость, а свой непреклонный и решительный духъ в отстаивании истины, свое исповедничество, имевшее целью обличить непокорныхъ Божественнымъ заповедям и св. канонам. Наша настоящая точка зрения совпадает с мнениями проф. Стенли и современника П. Никона, Иерусалимскаго Патриарха Нектария.

Есть и еще одно основание, устраняющее обвинение П. Никона в гордости, которымъ является его подвижническая жизнь, с ея исповедническими страданиями и проявлениями благодати Св. Духа.

Ясно, что аскетические подвиги и нравственныя страдания от незаконнаго суда над ним и въ особенности от клевет — этого высшаго предела нравственных мук, которымъ преследовали его враги, — П. Никон мог переносить только при помощи благодати Св. Духа. А благодать сия, по учению Св. Писания и св. отцов Церкви, не совместима с гордостью.

Опровергается это обвинение и истинною любовью П. Никона к ближним. Эта любовь была в немъ постоянна; он всегда был первым защитником и покровителем всех несчастных. По учению же св. Макария Великаго, это постоянство добродетели любви и есть самый верный признак, что ей сопутствует благодать Св. Духа, которая опять-таки не могла бы быть в П. Никоне, если-бы он был одержимъ страстью гордости.

Но лучше всего данное обвинение уничтожается теми сторонами жизни Патриарха, где благодать Св. Духа проявлялась в нем непосредственно, какъ особая печать избранничества или помазанности, которая лежала на нем. Эта благодать Св. Духа проявлялась в нем дивным хранением его отъ смертельных опасностей, даром прозорливости и даром целения недугов, который был присущ ему во время его жизни и в особенности после его смерти, о чем свидетельствуют чудесныя исцеления от его гроба.

Поэтому мы должны не обвинять П. Никона въ гордости, а вместе с простым верующимъ русским народом, прибегающим к его небесному заступлению, благоговейно чтить его и содействовать прославлению его мощей въ возрожденной России для причисления его к лику святых Российской Церкви.

В данный же момент и на будущее время мы должны следовать заветам П. Никона, как своего учителя, и стремиться к восстановлению в России его идеологии и к осуществлению его исповеднической проповеди об истинной самодержавной царской власти с ея отношениемъ к Церкви на почве симфонии.

Для православныхъ людей ясно: если Господь избавит Россию от настоящихъ бедствий, то сделает это не для того, чтобы она вскоре опять погибла. Господь спасет Россию для ея возрождения чрез веру. Поэтому при возрождении Родины нашей все в ней, — во всех областях ея жизни личной, общественной и государственной, — должно иметь в своей основе православную веру, начиная с формы государственнаго правления.

Определение русской идеологии. Ея осуществление в жизни наших предков. Их церковный быт, проникнутый истинною православною верою. Дивное покровительство Божие над Россией ради веры русскаго народа.

По словам великаго писателя Ф. М. Достоевскаго, русский человек есть православный человек. И это понятно для нас. Православная вера, воспринятая от крещения детскою, простою душою русскаго человека, сделалась его основой, обнявши всю его жизнь во всех ея проявлениях. Въ этой вере и в таком жизненном ея усвоении и состоитъ русская идеология. Русский народъ усвоил православную веру не умом только, какъ теоретическую доктрину, а всем своим сердцем, какъ главное правило своей жизни. Знаменательно, что для русских людей с давних времен самымъ любимым чтением наряду со словами вечнаго живота — со Священным Писанием, были Жития Святых, появившияся на Руси вместе съ христианством; они весьма размножились и дошли до нас в разнообразных письменныхъ памятниках — проповеднических словах, прологах, патериках и в неподобномъ изложении Четьи-Миней св. Димитрия Ростовскаго. Причем, устремление к четьи-минейному чтению наблюдалось во всех сословиях без исключения. Такая любовь наших предков к жизни святыхъ свидетельствует о том, что они стремились православную веру воплощать в самую жизнь свою, чтобы их вера не была только на словах, но оправдывалась на деле.

Впрочем, о таком значении православной веры для русских людей свидетельствует иноческая жизнь, которая возникла у нас почти одновременно с крещением Руси. Киево-Печерская Лавра, основанная около 1054 г., показывает, какъ воспринята была вера нашими предками в лице истинных Печерских иноков. Их вера проявлялась не только в подвигах святой жизни, но и в дивных знамениях и чудесах, которыми так отличались великие подвижники первыхъ веков христианства.

Конечно, не одна Киево-Печерская обитель свидетельствует о жизненном значении православной веры в России. Святостию вера блистала и в других обителях, появившихся на святой Руси. Мы имеем в виду Сергиев, Волоколамский, Кириллов, Чудов, Соловецкий, Суздальский-Евфимиевский и многие другие русские монастыри.

Как показывает Киево-печерский Патерик, Киевская Лавра была на первое время разсадникомъ кандидатов для замещения епископских кафедръ на всю Россию. «Как от Христа Бога нашего во всю вселенную посланы были Апостолы, так изъ Печерскаго монастыря Пречистой Богоматери многие епископы поставлены были и, как светила светлая, освятили всю русскую землю святымъ крещением. Первый из них — великий святитель Леонтий епископ Ростовский, котораго Богъ прославил нетлениемъ». (Киево-печерский Патерик, стр. 24—25. Киев, 1893)

По свидетельству Киево-печерскаго Патерика, таких великихъ светильников-архиереев вышло изъ Киево-Печерской Лавры до 50-ти человек. И словом, и своею жизнью они призывали русских людей къ святой христианской жизни. И этот призыв къ святости, конечно, не мог быть бесплодным. Ихъ святую проповедь продолжали монастыри, которые имели огромное влияние на русский народ, как его благодатные просветительные центры. В этихъ монастырях библиотеки были наполнены книгами библейскими, богослужебными и отеческими, и въ особенности последними. Здесь, по руководству великих святых иноков Антония, Феодосия, Сергия, Кирилла, Иосифа и других, читались поучения братии и народу. Отсюда разсылались учительныя послания в города, к вельможам, народу и вообще к православным русскимъ людям. (Исторический очерк русскаго проповедничества, стр. 754, 755. СПб. 1879)

Под влиянием этой монастырской проповеди подвижническая вера не только в русских обителях нашла себе место; в той или иной степени она была присуща и русским людям, жившим в миру. Иначе и быть не могло.

Наша древняя проповедническая литература, русская летопись, письма Патриарха Никона и других святителей подтверждают, что наши предки, миряне, руководствовались в жизни наставлениями иноков. Они «усвоили себе всю монастырскую обрядность и по ней устроили свои действия. Сильная природа их и могучий характер выносили монашеские подвиги твердо, до последнего часа жизни. Не обо всех подвижниках благочестия свидетельствует древняя история... Но общая среда... убеждает в том, что их было неисчетное множество во всех сословиях». (Ibid., стр. 765)

И прежде всего эта вера располагала их к общественной молитве. Для этой цели наши предки строили безчисленное множество храмов. В одном Киеве в начале христианства было построено до 600 церквей и 13 монастырей. Русские люди, в особенности богатые, не щадил денег для устройства и украшения церквей. Даже дома свои они украшали иконами в виде иконостаса наподобие церкви. Недаром Максим Грек свидетельствовал, что «русские строят великолепные храмы». А Курбский писал, что «вся земля русская от края до края, подобно чистой пшенице, держится верою в Бога. В ней Божии храмы числом подобны звездам небесным, в ней множество монастырей, которых никто не в силах перечислить. (Ibid., стр. 768)

Трогательное явление веры наблюдалось в наших селах среди крестьян. Сами они жили в хижинах, крытых соломой, с земляными полами, а храмы их возвышались, как дворцы. Сами они в своем домашнем обиходе пользовались сосудами из дерева и глины, а сосуды для святейшаго евхаристического таинства ими делались из серебра и золота. Одеждою для них была самая дешевая самотканная материя, а ризы для священнослужителей были из драгоценной парчи, не говоря уже о ризах св. икон, которые были серебряныя, вызолоченыя и украшались драгоценными камнями...

Иностранцы поражались церковностию святой Руси и особенно ея наружным благочестием. «Внешний вид русскаго города и селения показывал, что религия — господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. Палаты князей и богатых людей украшались внутри на церковный лад. По городу постоянно слышался звонъ доброшумных колоколов; на всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажженными свечами. Прохожие крестились перед каждою церковью и часовней, иные клали земные поклоны. Здесь можно было встретить духовенство съ иконами, крестами, пением и св. водой. Торжественные крестные ходы совершались весьма часто». (Знаменский, История русск. Церкви, стр. 163)

Английский посол при царе Феодоре Иоанновиче Флетчер, осуждая русский народ за его нравственные недостатки, все же сознается, что «набожность господствовала в России». (Истор. очерк рус. пропове дн., стр. 767)

Разумеется, нельзя смотреть на дело так, что вера древней Руси исчерпывалась ея внешнимъ благочестием и выражалась главным образом в устройении великолепных храмов. Правда, с точки зрения истиннаго православнаго воззрения, храмоздательство является одним изъ величайших спасительных для нас дел, поскольку здесь проявляется не только наша вера во Христа, но и истинная любовь к Богу, которая стоит во главе всех Божественных заповедей.

Следовательно, здесь нужно констатировать выявление нашими предками самой действенной веры их — той, которая, по слову Апостола, любовью поспешествуема. (Гал. 5. 6)

Однако, наши предки этим не ограничивались. Они созидали храмы Божии, как места особенных, усердных своих молитв, совершение коих было для них настоящим и великим

аскетическимъ подвигомъ. Многие посещали церковь каждый день. Мещане и купцы в городах ежедневно ходили къ ранней литургии, а нередко — и к поздней. «Ежедневное посещение церкви, в особенности во дни праздников, входило даже и в придворный этикет. Поздоровавшись с боярами, царь вместе с ними отправлялся к обеду в домовую церковь; в большой праздник — в собор, или въ монастырь... Молитвы церковныя были продолжительны в посты, при исповеди, особенно — в Великий пост. Алексей Михайлович въ Великий пост выстаивал службу церковную по четыре часа, полагал по 1500 поклонов и этимъ удивлял иностранцевъ». (Истор. очерк рус. пропове днич., стр. 719, 767, 771)

Следуя монастырскому уставу, а в особенности словам Священнаго Писания о непрестанной молитве, предки всего более любили молитву. Поэтому они не только молились в церкви, но и дома.

«В комнате, где стояло наибольше образов, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свечи, курили ладаном. Хозяин читалъ вслух утрення молитвы, иногда заутреню и часы, смотря по досугу, уменью и степени благочестия; умевшие петь — пели. У знатных людей и у князей были домовыя церкви, и все домашние сходились въ церковь, где молитвы, утреню и часы служилъ священник, а после богослужения кропилъ предстоящих св. водою. Затем все расходились для своих занятий». (Истор. очерк рус. пропове днич., стр. 766)

Но, несмотря на всю трудность осуществления мирянами молитвенных правил, помещенных въ Следованной Псалтири, эти правила они старались выполнять неуклонно. Каждый русский православный человек еженедельно вычитывал или выслушивалъ всю Псалтирь, весьма многие из них клали ежедневно до 1200 поклонов с молитвою Иисусовой. Молитву Господню, Богородицу и Символ Веры читали по нескольку раз в день. Кроме того, они читали молитвы во всякое время за делом, чтобы не развлекаться суетными делами и помыслами. (Ibid., стр. 719)

Такая подвижническая вера наших предков не могла не расположить их к другой аскетической добродетели, столь свойственной православнымъ верующим людям с самых апостольскихъ времен. Мы имеем в виду пост. Русские люди древней России отличались особенно строгимъ воздержанием во дни Великаго поста и в посты, которые налагались на них по поводу общественных или государственных бедствий. Как постились наши предки, об этом лучше всего свидетельствуют слова летописца: «Россияне-миряне,— говорит он,— в Великий пост питаются редкою, капустою и хреном, вареное едят в субботы и недели; от рыбы воздерживаются всячески, кроме Благовещения и недели Ваий. Благоговейнейшие постят за грехи свои строже; только хлеба кусок съедают по полудни, обмакнув его в пепел. А монахи, неравно мирским, держат жестокое житие, всегда, когда постятся, съедают только кусок хлеба съ водою в сутки». (Ibid., стр. 772—773)

Воздержание от мяса и рыбы на всю жизнь среди мирян было весьма нередким явлением. А некоторые истинные иноки, например, св. Феодосий Печерский, подобно самому Спасителю, уединялись и выдерживали во дни Великаго поста сорокадневное пощение. Послабления в древней Руси не допускались, и высшия лица были образцомъ строгаго воздержания. Алексей Михайловичъ въ понедельник, среду и пятницу в течение каждой седмицы Великаго поста ничего не ел, а въ остальные дни только обедал. При общественныхъ бедствиях Церковь налагала на всех трехдневный пост, не делая исключения в данном случае и для детей.

Много и других христианских добродетелей было присуще русским людям старой России, какъ проявление все той же веры их. Но особенно они отличались милосердием к бедным и гостеприимством. Любовь к ближним во всех ея проявлениях была самою отличительною чертою русскаго народа искони. Она исходила из их веры во Христа и любви к Нему. Поэтому они творили милостыню бедным и бедствующим своимъ братьям, относя ее к лицу Спасителя,

согласно Его словам, которые Он скажет на Страшномъ суде Своем творившим милостыню: понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе. ([Мф. 25:40](#))

Великие князья служили примером милосердия. О многих из них наши летописи говорят: «баше милостив паче меры, нищия милуя, старцы и вдовицы заступая, обидимыя изымая». В. князь Иоаннъ получил даже название Калиты, ибо носил съ собой мешок с деньгами для раздачи бедным. Известно также, что Патриарх Филарет содержалъ на свои средства в Москве богадельни, больницы и сиротские дома. Патриарх Никон выстроил въ Новгороде четыре, а в Москве две богадельни. Так поступали и другие русские архипастыри. Митрополит Феодосий имел в своей келии разслабленнаго, служил ему и омывал его струпья. В домах бояр и купцов содержалось множество нищих и странников.

Конечно, мы далеки от мысли считать нашихъ предков совершенно безукоризненными в области их нравственной жизни. Наряду с высокими добродетелями, как порождениями их действительной веры, им свойственны были и многие нравственные недостатки, о которых свидетельствует та же проповедническая литература нашей древней России. Душа русскаго человека слишком широка, и наряду с подвигами великой святости в русской жизни наблюдалось много пороков и проявлений тяжкаго греха. Недаром Достоевский говорил, что в душе русскаго человека две бездны. По своему нравственному состоянию русскій человек может возвыситься до неба и может ниспасть до самыхъ глубин ада.

Но насколько наши предки тяжело грешили, настолько умели и каяться. По свидетельству того же Достоевскаго, покаяние было отличительнымъ свойством русскаго народа. Покаяние это было искренним, глубоким. И если наши предки безчестили праздники пьянством и пресъщением, то умели обуздывать себя подвигами поста. Свои тяжкие грехи они старались загладить передъ Богом и милостыней, зная, что милостыня очищаетъ многие грехи.

Впрочем, и за каждодневные грехи свои, грехи человеческой немощи они приносили Богу в церкви и у себя дома чистосердечное покаяние, молились Ему долго и усердно, с поклонами и часто со слезами и даже ночью вставали на молитву и поклоны.

Это-то покаяние, как средство духовнаго очищения, вместе с церковным просвещением и воспитанием русскаго народа и помогло ему сохранить свою веру в том виде, как она была принята от греческой Церкви, т. е. во всей чистоте, чуждой всяких еретических искажений. Здесь причина, почему ереси богомильская, стригольников, жидовствующих, Башкина, Косого, (Из Болгарии приходили к нам иноки для жительства, оттуда же получались славянские рукописи и книги. Вместе с тем проникло к намъ из Болгарии и богомильство, основателемъ котораго был поп Богомил в X в. В России богомильство появилось в 1004 г. и проповедникомъ его был монах скопец Адриан. Он осуждалъ церковную иерархию, епископов, священников, монахов, отрицал обряды и церковный устав. Ересь стригольников по своему учению сходна съ богомильскою ересью. Она отрицает иерархию и обрядность. Появилась в Новгороде около 1376 г. Ее распространяли два диакона, Никита и Карп. Ересь жидовская тоже появилась в Новгороде около 1470 г. Она насаждалась выходцем из Литвы жидомъ Схарией и состояла в проповеди иудейства при отвержении христианства, церковной иерархии и обрядоваго богослужения. В последнем случае эта ересь была сходственна с ересью стригольников. Ересь Башкина в главныхъ положениях была сходна с ересью жидовскою. Башкин, житель Москвы, отвергал таинства и обрядовое Богослужение. Все Божественное Писание называл баснословием, Иисуса Христа называлъ неравным Богу Отцу. Это учение было принято имъ от латинян, переселенцев из Литвы, и развивалось под влиянием свободомыслия на почве прежних ересей и общественных недостатков, которые указывались и прежними еретиками. Означенная ересь появилась около 1554 г. Ересь Косого во многих положениях сходна с ересью Башкина, а вообще — с ересью жидовскою, и представляет собою крайнее ея развитие. Косой — монах из

рабов.) как и католичество и протестантство, не привились в древней России къ русскому народу, который строго и непоколебимо держался своей православной веры.

Об этой удивительной преданности своей вере наших предков свидетельствовали и иностранные писатели. Вот краткие, но весьма характерные объ этом их отзывы. Кромер: «Русь упорно держится греческих обрядовъ». Стрыйковский: «все русские народы пребывают твердо и непоколебимо в вере по обрядам греческимъ». Сарницкий: «русский народ стоит твердо въ исповедании (христианском)». Герберштейн: «Русь, как начала, так и до сего дня пребывает в вере по обряду греческому». Иовий (историк первой полов. XVI с., епископ Ноцерский): «русские с непоколебимою твердостью сохраняют учение и обряды, принятые отъ греческих наставниковъ». Гванины: «русские, как приняли веру христианскую, до сего дня крепко и единодушно держатся ея, хотя некоторые бояре, подвластные польскому королю, следуют лютеранскому и цвинглиеву учению, но весь народ, большая часть вельмож и дворянъ твердо содержат веру по закону греческому, крепко и единодушно стоят в вере, принятой отъ грековъ». (Исторический очерк рус. проповедн., стр. 762—763)

За эту истинную православную веру, имевшую за собою подвиги святой жизни с покаянием, Россия называлась святою. За эту веру Господь изливаль на русский народ свои великия милости, избавляль его от всяких бедствий, которыя не раз могли погубить нашу Россию.

Таким гибельным бедствием было для насъ татарское иго, которым воспользовались немцы, шведы и ливонцы и хотели полонить северо-западную Россию. Но Господь воздвиг тогда из среды русскаго народа для его спасения св. князя Александра Невского. Чрез свою пламенную веру в помощь Божию он с небольшою новгородскою дружиною одержал дивную победу над огромной шведской армией, усиленной финскими войсками и крестоносцами из Западной Европы.

Такую же дивную победу св. Александр одержаль и на льду Чудскаго озера в битве с рыцарями Тевтонскаго ордена и Меченосцами.

Ради молитв преподобнаго Сергия Радонежскаго и в силу одушевления тою же верою великаго Московскаго князя Димитрия Донского и его войска, Господь сломил и самое татарское иго в битве русских с татарами на Куликовом поле в 1380 г.

Великое заступление Божие было явлено России и в 1591 г., когда шведы вторглись в Новгородскую область, а Крымские татары под предводительством Казы-Гирея съ огромным полчищем подошли к Москве. Положение было безвыходное. Но Россия возглавлялась праведным царем Феодором Иоанновичем, который так чтился за свою святую жизнь современниками и последующим поколением, что в святцах русской Церкви он именовался московским чудотворцем, и поэтому в древнемъ иконописном подлиннике (Изданном подъ редакцией Большакова) его изображение описывается наряду с другими иконами святых.

Хотя татары были уже близ Москвы, однако, благочестивый царь и не думал оставлять столицы. Он возложил все свое упование на покров Пречистой Божией Матери, Которой усердно со слезами молился. По его повелению двинулся крестный ход вокруг Москвы с чудотворной Донской иконой Божией Матери. Эта святыня была затем поставлена среди русскаго войска. Накануне решительной битвы, ночью, царь Феодоръ Иоаннович продолжал свою пламенную молитву пред иконой Царицы Небесной, и во время этой молитвы он получил извещение от Божией Матери, что в битве, которая произойдет на другой день, русское войско по Ея предстательству и силою Ея Божественнаго Сына, Господа Иисуса Христа, одержит победу, о чем царь повелел тогда же известить воинов. Целый день кипело сражение русскаго войска с превосходящими по количеству полчищами татар. Но вдруг, устрешенные невидимою силою татары обратились в бегство. На месте, где стояла среди войска чудотворная Донская

икона Божией Матери, был основанъ Донской Московский монастырь.

Так, верою благочестиваго царя и русскихъ православныхъ людей Господь вновь спас Русскую землю.

Вера православная была главною причиною спасения России и в смутное время в начале XVII столетия. Она одушевляла и духовенство, и народ, и ополчение в борьбе с поляками. Как защитникъ этой веры и во имя ея, совершалъ безстрашно свой подвигъ святаейший Патриарх Московский Гермоген. Во имя веры православной действовалъ и Архимандритъ Дионисий, разсылая свои грамоты во все концы России. «Православные христиане, вспомните христианскую веру, возложите упование на силу креста, молитесь служилыхъ, чтобы быть всемъ христианамъ в союзе и стать сообща противъ предателей... для избавления веры». (Истор. очерк рус. проповедн., стр. 668) Знаменитый келарь Сергиевой Лавры Авраамий Палицын служилъ въ полкахъ молебны и увещевалъ буйныхъ казаковъ крепко стать за православную веру. Во имя этой веры действовалъ в войскахъ и Митрополитъ Ростовский Кирилл, разбирая ссоры в войскахъ, примиряя воевод и укрепляя ратников.

Не могъ остаться вне этого религиознаго одушевления и весь русский народ. Грамоты, которыми города переписывались между собою, свидетельствуютъ об этом. «Идемъ все головами, — писали здесь русские люди, — на помощь государству, прося милости у Бога», или: «за православную веру хотимъ умереть». (Истор. очерк рус. проповедн., стр. 667—668)

Эта вера в народе и войскахъ поддерживалась и Самимъ Богомъ посредствомъ дивныхъ видений. Самъ Мининъ заявлялъ своимъ соотечественникамъ, что ему «явился св. Сергий и приказалъ будить уснувшихъ». Тотъ же Сергий преподобный накануне последняго, решительнаго сражения русскихъ с поляками явился праведному и больному святителю Арсеню, томившемуся в плени у поляковъ в Кремле, и возвестилъ ему, что въ этомъ сражении русскія войска заступлениемъ Божией Матери одержатъ победу и Москва вместе со всей Россіей будетъ освобождена отъ враговъ. Эта вѣсть тутъ же перелетѣла чрезъ стѣны Кремля въ русскія войска, наполнила ихъ сердца великою радостью, одушевлениемъ и героическимъ духомъ, и они, действительно, одержали блестящую победу надъ поляками, чемъ и окончились тогда наши всероссійскія несчастья.

Такъ же православная вера одушевляла русский народъ и при нашествии на Россію всехъ европейскихъ народовъ во главе с Наполеономъ. Русскіе люди все свое упование возложили на покровъ Пречистой Божией Матери. И в городахъ и селахъ они со слезами умоляли Ее о помощи. Предъ Бородинскимъ сражениемъ Ея икону носили въ рядахъ воиновъ. Накануне боя они исповѣдывались и причащались св. Христовыхъ таинъ. И Господь явилъ дивную Свою помощь русскому народу и спасъ его отъ европейскаго ига.

Можно привести множество и другихъ случаевъ дивной помощи, которую оказывалъ Господь русскому народу во дни его великихъ бедствій, особенно во время войнъ съ внешними врагами.

Впрочемъ, за эту веру Господь не только спасалъ Россію отъ гибели, но постепенно умножалъ ея силу и сделалъ ее могущественнейшей и славнейшей державой среди всехъ народовъ земли. О, если бы русский народъ продолжалъ держаться своей православной веры доселе и чрезъ то былъ въ повиновении Божественной волѣ своего Господа и всемъ Его Божественнымъ заповѣдямъ! Тогда не допустилъ бы Господь гибели Россіи, и русскіе люди не подпали бы подъ иго большевиковъ — ужасныхъ враговъ Божиихъ. Теперь, какъ никогда, мы должны вспомнить слова Господа, которыя Онъ сказалъ чрезъ Божественнаго Псалмопевца своему, некогда избранному, а ныне отверженному, народу: Аще быша людие мои послушали мене, Израиль аще бы в пути моя ходилъ: ни о чесомъ-же убо враги его смирилъ быхъ, и на оскорбляющыя ихъ возложилъ быхъ руку мою. ([Пс. 80:14—15](#))

Увы, русский народъ отступилъ отъ православной веры, отвергъ волю Своего Господа, сталъ руководствоваться не православною своею Церковью и ея св. отцами, а всевозможными

лжеучителями, ниспровергавшими наше святое православие и даже всякую веру в Бога.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отступление русского народа от православной веры чрез увлечение протестантизмом под влиянием противощерковных реформ Петра. Усиление греха отступления в царствование Императрицы Анны Иоанновны и в особенности — Екатерины II. Безсилie государственной власти остановить неверие в дальнейшия царствования Императоров, несмотря на их покровительственное отношение к Церкви

Это великое отступление русского народа отъ веры своей совершилось не сразу. Оно происходило в течение ряда веков и началось с того времени, когда русское образованное общество подпало влиянию протестантизма. Конечно, отступление отъ веры было и в ересях, о которых нами сказано было выше. Оне не могли не оставить вреднаго влияния на жизнь русского народа.

Но эти ереси не были столь для нас опасны, въ силу своего случайнаго появления и кратковременнаго своего существования. Не такъ обстояло дело с протестантизмом. Его распространяли в России немцы, которые со времени Иоанна III-го поступали на русскую службу и жили в Москве в особой «немецкой слободе». После ливонской войны многие немцы были поселены и в других русских городах. При Феодоре въ Нижнем даже появилось евангелическое общество. При содействии Бориса Годунова наплывъ немцевъ увеличился, а вместе с этим увеличилась въ Москве и немецкая слобода.

Здесь при Алексее Михайловиче уже были три лютеранския кирки и немецкия школы.

Правда, правительство строго воспрещало иноземцам распространять свое учение в России. Но это запрещение не достигало своей цели. Лютеранские проповедники даже открыто вступали в богословские споры с православными. (Известно, что пастор Фома был утоплен в 1563 г. за распространение в Полоцке протестантскихъ идей. Сам Грозный увлекался религиозными спорами. Пастору Роките сказал: «Ваш учитель Лютер был лють». А в споре с лифляндскимъ пастором царь ударил его по голове, сказав: «иди к бесу со своим Лютеромъ».)

Однако, эта лютеранская пропаганда имела некоторый успех. Она колебала православную веру многих русских людей и заражала ихъ религиозным свободомыслием.)

Из догматическихъ споров XV и XVI в.в. видно, что в них участвовали не только миряне, но и монахи, причем некоторые из монашествующихъ обнаруживали неверие в благодать Св. Духа. До какой степени, вследствие протестантскаго влияния, доходило свободомыслие среди русскихъ людей, об этом свидетельствует либеральное поведение князя Хворостинина, (В указе на его имя около 1632 г., между прочим, говорится: «Князь... ты православную веру хулил, постов и христианские обычаи не хранил, и был за то сослан под начало в Иосифов монастырь. После того опять начал приставать к польским и литовским попам и в вере с ними соединился... Многия о православной вере... непригожия и хульныя слова в письмах твоихъ объявились... Ты не велел людям своим ходить в церковь, а которые пойдут, тех бил и мучилъ».) который не только не следовал в своей жизни учению православной Церкви, но открыто хулил православную веру и грубым насилieм склонял к неверию подчиненных ему людей.

По свидетельству Маржерета, (Маржерет — французский офицер. Служил в войске при Борисе Годунове) «во время междуцарствия многие русские усвоили себе лютеранския убеждения и явно смеялись над православными обрядами и постами». (Историч. очерк рус. проповедн., стр. 502—503)

Особенно протестантизм с отступлениемъ русских людей от православной веры усилился въ России во время Петра I вместе с преобразованиемъ им России. Петр окружил себя протестантами, относился к ним с особенным вниманием, предоставлял им важныя места на

государственной службе, несмотря на то, что они держали себя высокомерно, с презрением относились к русской старине и даже к самой вере русского народа. Конечно, великой ошибкой преобразователя было переустройство на немецкий лад быта русского народа, который весь был проникнут церковностью, так как наши предки до Петра по церковному и монастырскому уставу распределяли время своей жизни, и все, касательно их одежды, общественного этикета и взаимных отношений членов семейства, носило на себе печать религии и считалось православным в отличие от «басурманского» — еретического.

Но эта ошибка стала еще более тяжелой и даже губительной для России, благодаря тому, что Петр в своих реформах производил ломку нашей православной веры на почве явных своих симпатий к протестантизму. В его указе от 22 февраля 1722 г. на имя Святейшаго Синода говорится: «чтобы в Москве и городах из монастырей и приходских местных церквей ни с какими образами к местным жителям в дома отнюдь не ходить... Смотреть, чтобы с образами по Москве, по городам и уездам для собирания на церковь или на церковное строение отнюдь не ходили. А кто будет ходить тех брать». (Поселянин. «Отечественные подвижники XVIII в.», стр. 22) В том же году 28 марта Петр издал указ, возбуждавший в Москве сильное волнение. В этом указе воспрещалось устройство часовень на торжищах и перекрестках, в селах и других местах и совершение здесь пред иконами священниками Богослужений. Указ определяет: «Пред вышеупомянутыми вне церковей иконами мольбы и свещевозжения, тамо безвременно и безъ потребности бываемыя, весьма возбранить. Также и часовень отныне в показанных местах не строить, и построенныя деревянныя разбирать, а каменныя употребить на иныя потребности тем, кто оныя строилъ». (Ibid., стр. 22—23) В одном из своих указов Синоду Петр ограничивает и другие проявления религиозности русского народа: «понеже всю надежду,— говорится здесь,— кладут на пение церковное, пост, поклоны и тому подобное, в них же строение церквей, свечи и ладонь».

Согласно таким взглядам Петра, был издан регламент, в котором изложены были правила относительно религиозного воспитания народа и который представляет собой колкую сатиру на религиозность наших предков. Руководствуясь этим регламентом, Синод издал постановления против обрядности, крестных ходов, хождения с образами, дорогих окладов на иконах, умножения часовень, годичного хранения артоса, богоявленской воды и т. п. (Историч. очерк рус. проповедн., стр. 411)

Еще пагубнее для русского благочестия были мероприятия Петра, имевшие своей целью реформировать наши монастыри, каковыя были выражены в его указе от 31 января 1724 г.

По учению св. Феодора Студита, «как Ангелы являются светом для иноков, так иноки являются светом для мирянъ». Это святоотеческое учение нашло себе наилучшее воплощение в жизни до-Петровской России, когда идеалом русского благочестия и руководителями нравственно-христианской жизни русского народа были иноки. Не так смотрел Петр на монашество. Воздавая похвалу первоначальным монастырям глубокой древности за их трудолюбие, он в упомянутом указе говорит, что лет чрез сто от начала сего чина монахи стали ленивыми, тунеядцами и развращенными. Здесь резко осуждается умножение монастырей в Константинополе и в ближайших ему местах, что оказалось будто-бы причиною поразительной малочисленности воинов, которые так нужны были при осаде Константинополя врагами греков. «Сия гангрена, (т. е. умножение монастырей) — сказано в указе,— зело было и у насъ распространяться начала». По воззрению Петра, монахи не стоят на высоте своего призвания, едят даровой хлеб, и никакой прибыли от сего обществу нет. Поэтому он требует, чтобы в русских монастырях были благотворительныя учреждения для престарелых солдат и устроены были семинарии, откуда бы образованные воспитанники, ищущие монашества для архиерейства, могли бы постригаться по достижении 30-летнего возраста. А незадолго до своей

смерти Государь издал указ, чтобы Московские монастыри: Чудов, Вознесенский и Новодевичий были предназначены для больных, старых и увечных; Прервинский — для школы, Андреевский — для подкинутых младенцев. (Русские подвижники XVIII в., стр. 22—26) Вообще, число монахов в России при Петре было очень ограничено, они были стеснены особыми правилами, а самые монастыри были по преимуществу обращены в богадельни. (Истор. оч. рус. пропов., стр. 413)

Главное зло, и притом для всей России, заключалось здесь в том, что Петр отобрал от монастырей и вообще от русской Церкви ее имущество. Последнее представляло собою дары, которые приносились верующими в Церковь во исполнение Божественной заповеди: давать Господу десятину от своих имений. ([Лев. 27:30, 34](#); [Чис. 18:21, 24, 26—28](#); [Втор. 12:6](#); 14, 22—23, 28; 26, 12) Это церковное имущество было Божественною собственностью и потому закреплялось за Церковью св. канонами, как неприкосновенное и неотчуждаемое. «Монастырям, говорится в 24-м правиле IV -го Вселенского Собора, однажды освященным по изволению епископа, пребывать монастырями навсегда, и принадлежащая им вещи хранить в монастыре, и впредь не быть им мирскими жилищами. Допускающие же это подлежат наказаниям по правилам». («Деяния Вселенских Соборовъ», т. IV, стр. 142. Казань. 1908 г) То же самое устанавливается и 49-м правилом VI-го Вселенского Собора, (Ibid., т. IV, изд. 3-е. Казань. 1908. стр. 287) а также 1-м правилом Двукратного Собора и 12 правилом VII Вселенского Собора. Ввиду такой священной неприкосновенности церковного имущества, византийским императором Маврикиемъ был издан следующий закон: «Если кто ради овладения ли или по взятке причинит обиду Церкви или захватит вещи, отданныя Богу и Его Церкви и что находится под Митрополитами, Архиепископами, Епископами и монастырями, будетъ ли то доходы или имущества, то пусть он не видит милости Св. Троицы в день судный, но отпадет отъ христианскаго имени, как отпал Иуда от 12-и Апостолов и да будет проклят всеми святыми». (Проф. Зызыкин. «Патриархъ Никонъ», часть II, стр. 296. Варшава. 1934 г)

В соответствии всему этому и наши русские великие князья и цари ограждали от захвата церковное имущество своими заклятиями. Так, въ уставе св. Владимира и Ярослава проклятию предаются те, которые захватят доходы Церкви. (Ibid., стр. 277, 296; Историч. очерк рус. проповедн., стр. 639, 642—646) В своей грамоте Иверскому монастырю от 6-III 1654 г. Царь Алексей Михайлович таким же проклятием ограждает эту обитель от захвата пожертвованнаго им имущества. Так поступали и другие князья и цари и вообще церковные благодотворители.

Ясно, что отобрание церковнаго имущества въ другия руки является тягчайшим грехомъ нарушения Божественной заповеди и св. канонов, низводит страшныя проклятия и в сей и в будущий век от церковных благодотворителей и есть по существу святотатство.

Гибельныя последствия этого греха не замедлили сказаться еще при жизни Петра.

Как мы видели выше, монастыри в России не только учили русский народ жизни своих истинных иноков, но и озаряли его истиннымъ христианским просвещением. Превращая их въ благотворительныя учреждения, Петр тем самымъ уничтожал основу для истиннаго просвещения России. Это в особенности достигалось отнятиемъ монастырских и архиерейских имуществ при возобновлении Петром Монастырскаго Приказа 24 янв. 1701 г. Через этот Приказ (Монастырский Приказ при Петре возглавлялся бояриномъ Мусиным-Пушкинымъ) Петр, упразднивъ патриаршество, лишил Церковь ее самостоятельности и средств для приобретения книг и учреждения школ к просвещению русскаго народа. (Церковныя имущества до Петра достигали очень больших размеров. По свидетельству Котошихина, во владении духовенства находилось 118.000 крестьянских дворов. Однако, при Иоанне III государством уже были подняты вопросы объ имуществах и правах духовенства. Но В. Князь не решался посягнуть на церковныя имущества, ввиду резкаго протеста против этого со стороны Митрополита Симона.

«Отец твой Симон, — писал он Иоанну III, — Митрополит всея России, епископы и собор говорят, что святители везде держали монастыри, города и села... Не Владимир ли и Ярослав сказали в Уставе: «Кто преступить его из детей или потомков моих, захватить церковное достояние и святительския десятины, да будет проклят в сей и будущий векъ». Самые ордынские цари боялись Господа, щадили собственность святительскую и монастырей. Не дерзаем и не благоволим отдать церковное стяжание, ибо оно есть Божие и неприкосновенное». Сильный протест противъ захвата собственно митрополичьихъ имений боярами и даже Великим Князем Василиемъ Дмитриевичем был со стороны Митрополита Московскаго и всея России Фотия. Он издалъ увещание похитителям, в котором грозил им, в случае невозвращения Церкви имущества, отлучением. Затем он написал два послания В. Князю. Во втором из них, резко по содержанию, он ссылается на постановления Константина, Феодосия Великаго и Мануила Комнина о церковныхъ имуществахъ. «Но ныне,— пишет Фотий,— все древнее молчить и велеречит новое... Не на что больше смотреть. Тебе же да будет ве домо, что ты уничижаешь Церковь Божию, захватывая насильно непринадлежащее тебе». Церковныя имущества были возвращены. Впоследствии Иоанн Ие воспретил увеличение церковныхъ имуществъ. «Уложение» Алексея Михайловича, подчинивъ духовенство гражданскому суду, решительно воспретило увеличение церковныхъ имуществъ и учредило Монастырский Приказ, который ведалъ сборами с церковныхъ имений. В таком же направлении по отношению к церковнымъ имуществам действовал и Феодор Алексеевич. Патриарх Никон, еще в сане Архимандрита, протестовал против учреждения Монастырскаго Приказа, указывая, что он противен св. канонам. Но протест его не имел успеха. Последний голосъ в защиту церковныхъ имуществъ был поднятъ Патриархом Адрианом. Им составлены были статьи о святительскихъ судахъ и имуществахъ съ выписками из «Номоканона», устава Владимира и Ярослава и ханскихъ грамот. Он умолялъ государственную власть сохранить эти постановления. Но в это время Петр составлялъ новое уложение, которое не ограничилось уже сборами с церковей и монастырей, но безповоротно отняло церковныя имущества в государственную казну. (Истор. оч. рус. проп., стр. 639, 642—646.)

Таким образом, отобрание церковныхъ имуществъ было великим злом для всей России, ибо последняя лишилась истиннаго, церковнаго и патриотическаго просвещения, которое распространяла Церковь, благодаря своимъ богатым средствам. Интересно отметить, что так смотрел на отнятие у Церкви ея имуществъ и наш гениальный Пушкин. Еще в ранней своей молодости, проживая в Кишиневе, он высказалъ однажды свое письменное мнение, что отобрание церковныхъ имений нанесло сильный ударъ просвещению народа в России. (Русский архив, 1866 г., стр. 1141)

Гибельность этой реформы сказалась тогда же, именно в том, что за недостатком церковныхъ средствъ стали закрываться прекрасныя школы при святительскихъ кафедрахъ. Одною из такихъ школъ была образцовая семинария Святителя Димитрия въ Ростове. (В эту школу св. Димитрий вложилъ всю свою душу. Он часто посещалъ ее, присутствовалъ на урокахъ, даже сам обучал семинаристовъ Священному Писанию. Он ввелъ мягкое, любящее, отеческое обращение учителей к ученикам. Самъ св. Димитрий относился к питомцамъ школы, как къ роднымъ детямъ. При всем том и педагогическое дело в этой семинарии было поставлено очень высоко, почему в отношении познаний греческаго и латинскаго языков, по преподаванию в ней наук, она была образцом для другихъ подобныхъ школъ. К сожалению, в силу отобрания церковныхъ имуществъ, эта школа просуществовала недолго. Об этом печальном факте св. Димитрий писалъ Архиепископу Новгородскому Иову: «Я, грешный, пришедший на престол Ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское; ученики поучились года два и больше, и уже начали было грамматику разуметь недурно. Но попусщениемъ Божиимъ скудость архиерейскаго дома положила препятствие. Питающий насъ вознегодовал, будто много издерживается на

учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться».)

Обнищание архиерейского дома святителя Димитрия дошло до такой степени, что ему не только нельзя было содержать своей школы, но нечего было подать просящему милостыню. Это обстоятельство, въ связи с неприятностями, которыя чинил св. Димитрию присланный от Монастырскаго Приказа стольник, а также некоторыя реформы Петра, направленные против Церкви, побудили св. Димитрия обратиться к Митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому с письмом, в котором онъ писал ему, как своему другу: «Толико беззаконий, толико обид, толико притеснений вопиют на небо и возбуждаютъ гнев и отмщенье Божие». (Рус. подв. XVIII в., стр. 43—44; 48—49)

К великому сожалению, православная вера разрушалась не только реформами Петра, но и личным его поведением. Мы имеем в виду учреждение им так называемаго «Всешутейшаго и всепьянейшаго Синода», въ котором он кощунственно и открыто предъ русскими людьми высмеивал иерархическия степени до Патриарха включительно и в котором самъ участвовал, принявши на себя должность протодиакона.

Отсюда естественно, почему русские люди говорили: «Государь ездил за море и возлюбилъ веру немецкую». Многие из народа, въ особенности раскольники, его считали даже антихристом. Враги царя, пользуясь либерализмом его, раздували о нем дурную молву, заявляя: «Это не наш Государь, а немец. А нашъ царь в немцах в бочку закован, да в море пущень». (Истор. оч. рус. проп., стр. 404, 414)

Разумеется, такая противоцерковная деятельность Петра не могла остаться безъ протеста со стороны нашей иерархии и прежде всего ея главы — послѣдняго Патриарха Адриана. Между ним и Петром была глубокая рознь. Он резко осуждал вводимыя царем новшества, но вскоре, къ неудовольствию народа, вынужден был замолчать, въ особенности после непринятаго Петромъ печалования Патриарха за опальных стрелцов. (Патриарх явился в застенок к царю. Онъ пришел сюда в мантии с образом Пречистой Божией Матери. «Зачем ты здесь, — закричалъ Петр, — скорее уходи и поставь икону на свое место: знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долг и истинное благочестие обязывают меня заботиться о народе и карать злодеяния, ведущия к общей гибели». Разумеется, в словах царя не было истины. Если бы он чтил Бога, то с почтением, а не с грубостию относился бы и к Патриарху.)

После смерти Патриарха открыто протестовалъ против Петра в защиту православной веры и основаннаго на ней порядка и быта в России местоблюститель патриаршаго престола, друг св. Димитрия Ростовскаго, Митрополит Рязанский Стефан Яворский. М. Стефан был человекомъ больших дарований, большого ума, блестящаго европейскаго образования. Мужественный, благородный, откровенный, он говорил правду Петру, окруженному протестантами. За это царь возненавидел Стефана, как непримиримаго стойкаго врага своего. Петр, хотя сам возвысилъ его, настолько с ним разошелся, что сталъ уклоняться от свиданий с ним. Впрочем, такое отношенiе Петра к М. Стефану не остановило послѣдняго от протестов, которые он подавалъ царю против новшеств в духовной жизни русскаго народа, несмотря на то, что эти протесты обрушивались на его же голову, вызывая противъ него царскiй гнев. Он даже не страшился открыто обличать Петра в своих проповедях.

Так, в своем слове по поводу тезоименитства находившагося тогда за границей царевича Алексея, в день памяти св. Алексия человека Божия, М. Стефан жалел царевича и открыто становился на его сторону, осуждая Петра за ссору съ царственным сыном, которая окончилась для послѣдняго столь прискорбно. (Царевич былъ казнен самим Петромъ) «О, угодниче Божий, говорил онъ здесь, не забуди и тезоимениника твоего и особеннаго заповедей Божиих хранителя и твоего преисправнаго последователя. Ты оставил еси дом свой — он такожде по чужимъ домам скитался. Ты удалился от родителей — онъ такожде. Ты лишен от рабов, слуг,

подданных, друзей, сродников, знакомых — он такожде. Ты человеке Божий — он такожде раб Христов. Молим убо, святче Божий, покрый своего тезоименинника, едину нашу надежду».

А в другом своем слове М. Стефан, обличая Петра за возстание против православной веры и благочестия, говорит: «Море свирепое, море — человеке законопреступный — почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берег есть закон Божий; берег есть — во еже не прелюбы сотворити, не вожделети жены ближняго, не оставляти жены своея; берег есть во еже хранити благочестие, посты, а наипаче четьредесятницу, берегь есть почитати иконы». (Русские подвижники XVIII в, стр. 15)

Так мужественно обличал Петра в своих проповедях и святой Димитрий Ростовский. Правдолюбивый святитель, подобно Стефану Яворскому, не склонял пред гневом Петра головы своей.

В одной из своих лучших проповедей святитель обличал чрезвычайную гневливость царя; а в другой он говорил: «Смертен ты быти памятствуй, о царю, а не во веки живуща — днесь вси тебе предстоят, а утро сам единь останешися в недрах земных. Днесь всемь страшен, а утро мертва ты кто убоится. Днесь неприступен еси, а утро лежащъ во гроб ногами всех попираем будеши». (Ibid., стр. 48) Признавая пользу некоторых реформ Петра, он резко осуждал то, что шло против православной Церкви. Когда, по распоряжению царя, был издан указ о несоблюдении постов в полках, один солдатъ был судим за то, что, вопреки воле начальства, он не желал нарушить пост. Это распоряжение о постах возмутило св. Димитрия, и он произнесъ резкое слово о двух пирах — Иродовом и Христовом. В проповеди обличаются блудники и пьяницы, подражащие Бахусову ученику Лютеру, разрешающие посты в полках.

Конечно, не могла примириться с такимъ лютеранским отрицательным отношением къ православной вере и большая часть епископовъ нашей Церкви, выступления которыхъ противъ Петра вызвали с его стороны ужасный терроръ противъ них. Мы это говорим, имея в виду свидетельство Льва Тихомирова, основанное на документальныхъ данных, приводимых историкомъ Доброклонскимъ в его труде: «Синодальный периодъ». «За первое десятилетие,— говорит Тихомиров,— после учреждения Синода большая часть русскихъ епископовъ побывала в тюрьмах, были разстригаемы, биты кнутом и т. п. Я это проверялъ по спискам епископов в сочинении Доброклонскаго. В истории Константинопольской Церкви, после турецкаго завоевания, мы не находим ни одного периода такого разгрома епископов и такой безцеремонности в отношении церковнаго имущества. (Лев Тихомиров. «Монархическая государственность» ч. III, стр. 111, Москва 1905 г) (Однако, терроръ Петра по отношению к самому народу за его противление реформам, уничтожавшимъ веру и старину, был несравненно сильнее. Народную оппозицию он сокрушалъ жестоко. Ослушников своих указов он каралъ не только батогами, кнутом, денежнымъ штрафом, лишениемъ имущества, каторжной работой, но и смертью. Для преследования виновныхъ были учреждены «фискалы», были устроены застенки, Преображенский Приказ и Тайная Канцелярия. Много здесь было пролито и невинной крови нашихъ предков. Императоръ своими собственными руками отпускалъ палочные удары и даже при смертной казни нередко исполнялъ должность палача. Всего стрельцовъ было казнено при Петре до 7000 человек, причемъ предъ смертью они выносили страшныя пытки. Жестокими казнями были истреблены противники реформъ Петра, поборники старины и сообщники царевича Алексея вместе с ним самимъ (Истор. оч. рус. проп., стр. 405))

Так проводилъ Петр реформы в России для приобщения ея к европейской цивилизации. Несомненно, можно было бы насаждать в русскомъ народе европейския познания техническаго и общеобразовательнаго характера и без ломки православной веры. Но Петр этого сделать не мог, благодаря своей настроенности. От сердца бо исходятъ помышления злая, сказал Господь. ([Мф. 15:19](#)) Именно потому и хотелъ Петр реформировать нашу Церковь на лютеранский лад,

что сердце его влеклось к лютеранству. Он слишком высоко ставил Лютера. (А. Доброклонский. «Руководство к истории Русской Церкви», Вып. IV, стр. 69)

В итоге противоцерковных реформ Петра в жизни русских людей получилось охлаждение к православной вере и всем внешним формам ее проявления. Умножились вольнодумцы, осуждавшие, по началам протестантским, обрядность. Еще современное Петру русское образованное общество, проникаясь европейскими протестантскими взглядами, начало стыдиться своей прежней детской и простодушной религиозности и старалось скрывать ее, тем более, что она открыто с высоты престола и начальственными лицами подвергалась резкому осуждению.

Еще при Петре усилился раскол и начало размножаться сектантство. В самой Москве появилось сектантское учение кальвинизма, распространителем которого был полковой фельдшер Тверитинов. (Набравшись неправославных мыслей у врача-иностранца, он начал проповедывать хульное учение против св. икон, креста, мощей, Св. Причастия, поминовения усопших, постов и добрых дел. (Русские подвижники XVIII в., стр. 14.))

Дело дошло до того, что религиозное свободомыслие пришлось опровергать особыми сочинениями, вроде «Камня веры» Митрополита Стефана Яворского, и доказывать в проповедях необходимость православной веры, добрых дел, почитания святых мощей, икон, разъяснять догматы о воскресении мертвых, будущей жизни, вечном блаженстве и вечных мучениях. (Историч. очерк рус. проповедн., стр. 414—415) (По свидетельству исследователя русского масонства Пынина, масонство в России ввел сам Петр. По свидетельству другого исследователя русского масонства Лонгинова, Петр открыл масонскую ложу в Кронштадте. Пынин. «Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в.»; Лонгинов. «Н. М. Новиков и московские мартинисты»; В. С. Иванов: «От Петра Первого до наших дней. Русская интеллигенция и масонство», 1934 г. Харбин. Стр. 82—83)

Вред от противоцерковных реформ Петра I не исчерпывался только тем, что протестантизм еще при нем стал сильно распространяться чрез умножение сект в русском обществе. Главное зло здесь заключалось в том, что Петр привил русскому народу протестантизм, имевший в себе самом великий соблазн и привлекательность, в силу чего он стал жить в России и после Петра. Протестантизм привлекает тем, что, повидимому, возвышает человеческую личность, так как дает перевес его разуму и свободе над авторитетом веры и обольщает независимостью и прогрессивностью своих начал. Поэтому протестантизм сделался главной основой, на которой, с легкой руки Петра, у нас стало распространяться свободомыслие в виде вольтерьянства, масонства, сектантства, гуманизма, социализма, нигилизма и других заблуждений. И это понятно, ибо лютеранство с своею свободою в области веры породило в Германии такое множество сект, которое приходится считать целыми сотнями. А недавняя анкета среди лютеранских пасторов показала, что половина их не верует во Христа, как Бога.

Но и этим не исчерпывается зло, которое причинил Петр России. Русская Церковь могла бы с успехом бороться с отступлением от православной веры русских людей на почве протестантизма посредством школьного просвещения. Но Петр отнял у Церкви имущество. В силу этого, просвещение русского народа не было в ведении Церкви, распространялось не на исконных исторических началах нашей православной веры, но с XIX столетия даже внедряло отрицательное отношение к вере и потому в себе таило гибель России.

К сожалению, не сразу после Петра стали возглавлять Россию наши Императоры, которые были покровителями православной веры и защитниками ее не только для России, но и для других православных стран. Русскому народу пришлось и после Петра пережить ряд глубоких потрясений в своей вере. Мы имеем в виду прежде всего царствование императрицы Анны Иоанновны, когда окружавшие ее немцы-протестанты во главе с масоном Бироном открыто

гнали православную веру, (За издание сочинения Митр. Стефана Яворского «Камень веры», направленного против протестанства, Архиепископомъ Феофилактом, последнего пытали в тайной канцелярии Бирона, три раза поднимали на дыбу, били батогами, объявили лишенным архиерейскаго сана и монашества и заточили в Петропавловскую крепость. За ту же вину Киевскаго Митрополита Варлаама Ванатовича вызвали в тайную канцелярию, лишили сана и заточили в Белозерский монастырь (Русские Подвижники XVIII в., стр. 78—80)) а затем долгое царствование Императрицы Екатерины Второй.

Последняя исполняла все требования наружнаго благочестия, восхищалась проповедями Митрополита Платона, целовала руки у духовенства, шла в крестных ходах, бывала въ Троицкой-Сергиевой Лавре; однако, не имела православной настроенности и ценила религию, как и Петр, исключительно с точки зрения ея политическаго значения, — ея пользы для государства. В особенности плохо было то, что она преклонялась, и даже чрезмерно, предъ безбожником Вольтером, заискивала пред ним и советовалась с ним в своих планахъ касательно тех или других реформ для России.

Отсюда для нея естественно было назначать на должность обер-прокурора Св. Синода такихъ неправославныхъ лиц, каковыми были Мелиссино и бригадир Чебышев. Первый из них предложилъ Св. Синоду снабдить Синодальнаго депутата для заседания в Комиссию Уложения такими предложениями относительно реформ в церковной жизни: ослабить и сократить посты, уничтожить почитание икон и св. мощей, запретить ношение образов по домам, сократить церковныя службы для избежания в молитве языческаго многоглаголания, отменить составленные въ позднейшия времена стихиры, каноны, тропари, назначить вместо вечерен и всенощныхъ бдений краткия моления с поучениями для народа, прекратить содержание монахам, дозволить избрание из священниковъ епископовъ безъ пострижения в монашество, с разрешениемъ архиереямъ проводить брачную жизнь, разрешить духовенству носить «пристойнейшее платье», отменить поминовение умерших, дозволить вступать в бракъ свыше трехъ разъ и запретить причащать младенцевъ до десятилетняго возраста. Св. Синод отклонил эти предложения и составилъ свой наказъ.

Обер-прокурор Чебышевъ былъ совершенно неверующимъ человекомъ. Онъ открыто предъ публикой заявлялъ о своемъ неверии в бытие Божие; непристойно держалъ себя в присутствии членовъ Св. Синода, позволяя себе недопустимыя ругательства, задерживалъ издание сочинений, направленныхъ противъ распространявшагося тогда модными писателями неверия. («Русские подвижники XVIII в.», стр. 116—117)

Такимъ образомъ, если при Петре русской Церкви пришлось тяжело страдать от протестантизма, то при Екатерине II Церковь переживала сильное давление не только от протестантизма, но и отъ неверия.

Но в особенности тяжкий ударъ Екатерина II нанесла Церкви чрезъ окончательное отобрание въ казну монастырскихъ имений и введения монастырскихъ штатовъ. В силу этой пагубной для Церкви реформы, сразу было закрыто изъ 954-хъ раньше существовавшихъ монастырей 754; следовательно, осталась в России лишь пятая часть ихъ. При отобрании церковныхъ имений было дано обещание обезпечить духовныя школы и духовенство, но оно не было исполнено государственною властью. К тому же последняя не получила от этой реформы большой пользы, такъ какъ огромная часть монастырскихъ имений была роздана императрицей в даръ ея фаворитамъ. («Русские подвижники XVIII в.», стр. 117—118)

Ясно, какимъ болезненнымъ ударомъ по сердцу верующихъ русскихъ людей была эта реформа. Запустели места, освященныя подвигами св. иноковъ. Заросла тропа, по которой направлялись народныя массы къ святымъ старцамъ для духовнаго руководства, къ святымъ могиламъ — для молитвъ. Закрылось при церквахъ и монастыряхъ множество школ, больницъ и богаделенъ. Вместе съ

закрытием монастырей остановилось и великое дело просвещения инородцев в Сибири и других местах необъятной России. Народное чувство было слишком возмущено, ибо отобрание церковных имуществ было вопиющим нарушением правъ собственности и воли тех, которые завещали свои имения церквам и монастырям на дела благотворения, на поддержание иночества и на помин души. Эта реформа была в глазах народа великим грехом, ибо на пожертвования в пользу церквей и монастырей, о чем было сказано выше, Церковь всегда смотрела, как на посвященное Богу.

Поэтому современники этого грустного явления в жизни Церкви не могли не протестовать. Самым резким был протест со стороны Арсения, Митрополита Ростовскаго. Его личность вызвала и вызывает глубокое к себе уважение, так какъ он безстрашно всегда защищал правое дело. Еще при императрице Елизавете Петровне, назначенный членом Св. Синода, он не явился в Синод для принесения установленной присяги, находя несогласными со своею совестью слова: «Исповедаю же с клятвою крайняго судию духовныя сея коллегии быти самую Всероссийскую Монархиню, Государыню нашу», находя, что единственный крайний Судия и Глава Церкви есть Христос, и подал о сем объяснение самой Государыне. (Это окончилось для него без плохихъ последствий. Ему пришлось только оставить Св. Синод и уехать в Ростовъ) Он даже подалъ прошение об удалении на покой по болезни. Но добрая императрица не утвердила доклада объ этом Св. Синода и даже лично заботилась о выздоровлении М. Арсения. С таким уважением она относилась к нему.

В своей епархии М. Арсений занимался духовно-административными и училищными делами и борьбой с иноверием и расколом. Он составил возражение на поданный протестантами пасквиль против сочинения М. Стефана Яворскаго в защиту православия — «Камень веры», и дополнил сочинение исповедника Архиепископа Тверскаго Феофилакта Лопатинскаго. А также, подражая ревностному борцу против раскола св. Димитрию Ростовскому, он составил обличение раскольников, оставшееся в рукописи, и дополнил сочинение Феофилакта Лопатинскаго: «Обличение неправды раскольничьей». (Напечатано в Москве в 1745 г)

Так ревностно трудился в своемъ архипастырском служении М. Арсений. Но незабвенным для Русской Церкви он остался по преимуществу за свое выступление противъ отобрания церковных имуществ. По поводу этого печальнаго события М. Арсений подавал в Св. Синод один протест за другим. В Неделю Православия он к обычным анафематствованиямъ присоединил анафему «обидчикам церквей и монастырей».

Обо всех этих поступках М. Арсения было доведено до сведения Екатерины. Было назначено въ Синоде разследование дела о М. Арсенин. Последний был вызван во дворец, где его допрашивали въ присутствии самой императрицы. М. Арсений говорил столь резко, что императрица зажала себе уши, а ему самому «заклепали ротъ». Екатерина повелела самому Синоду судить своего собрата. (В состав Синода входили тогда следующие члены: первенствующий Новгородский Митрополит Димитрий Сеченов, Московский Митрополит Тимофей Щербатский, Архиепископъ С.-Петербургский Гавриил Кременецкий, Псковский Епископ Гедеон Криновский, Крутицкий Архиепископ Амвросий Зертис-Каменский, Тверской Епископ Афанасий Вальковский и Новоспасский Архимандрит Мисаиль) Синод присудил М. Арсения к лишению архиерейскаго сана и преданию, по разстрижении из монашества, светскому суду, который должен был за оскорбление Величества осудить его на смерть. Но императрица приказала освободить М. Арсения от светскаго суда, оставить ему монашество и сослать в дальний монастырь. (Трогательно до слез было событие снятия сана с Митрополита Арсения. Последняго вызвали на заседание Синода для исполнения надъ ним указа. В Москве быстро распространился слух, что с Ростовскаго Митрополита будутъ снимать сан в Крестовых

патриарших палатах. Туда были допущены лишь монашествующие и белое духовенство. Масса народа, движимаго состраданием к исповеднику, заполнила все пространство вокруг Синодального двора. Митрополит Арсений явился на последний над нимъ земной суд в архиерейской мантии, омофоре, белом клобуке, с панагией на груди и архиерейским посохом в руке. По прочтении указа, члены Синода стали снимать с него архиерейское облачение. С негодованием и тяжкою скорбью Митрополит Арсений сделал плачевныя предсказания каждому из разоблачавших его архиереев. Эти предсказания в точности сбылись. Митрополиту Димитрию предсказал, что онъ задохнется собственнымъ языком; и, действительно, Митрополит Димитрий умер въ ужасныхъ страданиях: его задушила необыкновенная опухоль языка. Архиепископу Амвросию Крутицкому Митрополит Арсений предсказал, что он будет убит, как вол; Архиепископ Амвросий был убит во время Московской чумы взбунтовавшимся народом. Епископу Псковскому Гедеону Арсений предрек, что он не увидит своей епархии; и вскоре после осуждения Митрополита Арсения, Епископ Гедеонъ был удален, по Высочайшему повелению, в свою епархию, но умер в дороге, не доехав до Пскова. Добрый Московский Митрополит Тимофей не участвовал в разоблачении Митрополита Арсения. Он не мог удержаться от слез при печальной церемонии и плакал.)

Прямо с этого заседания Синода Митрополитъ Арсений был отвезен в Ферапонтов монастырь, место ссылки великаго Патриарха Никона, затем въ Николо-Корельский, Архангельской губернии. Отсюда, после суда над ним, в которомъ участвовала сама императрица, по поводу доноса на него, (Донос был основан на некоторыхъ словах Митрополита Арсения касательно одного политическаго вопроса) Митрополита Арсения перевели в тесный каземат в башне Ревельской крепости. Предварительно с него сняли монашеский сан и, одевши его в арестантский полушубок и треух, дали ему имя — «Андрей Враль».

Будучи узником в монастырях, Митрополитъ Арсений всецело отдавался чтению Священнаго Писания и молитве. Он молился и за враговъ своих, вынимая частицы на проскомидии за «гонящих и обидящих Церковь Божию», разумея, по собственному объяснению, под этими гонителями и врагами Церкви «предателя Митрополита Новгородскаго Димитрия, Гавриила, Архиепископа С.-Петербургскаго, и всех немецкихъ чинов, которые об отъятии монастырскихъ вотчин старались и в комиссии присутствовали». А в Ревельском своемъ каземате на стене тюрьмы начертал углем слова: «Благо, яко смирил мя еси».

Пред смертью Митрополита Арсения произошло одно знаменательное событие, доказывающее, что Господь пребывал с ним Своею благодатию ради его великихъ страданий во имя русской православной идеологии. Он пожелал быть напутствованнымъ Святыми Тайнами. Пригласили священника. Но, войдя в каземат, священник въ страхе выбежал оттуда, сказавши: «Вы мне говорили, что надо исповедывать и приобщить преступника, а передо мною стоит на коленяхъ архипастырь в полном облачении». Когда же пристав вместе с этим священником вошел въ каземат, то на койке перед ними лежалъ арестант, который сказал духовнику: «Сынъ мой, перед тобою не Митрополит, а недостойный раб Арсений, идущий отдать отчет Господу Богу въ своей жизни. Виденное тобою чудо есть знамение Господне неизреченной милости Божией: это значит, что душа моя скоро отлетит отъ скорбнаго тела». Напутствовав страдальца, священник попросил у него благословение себе. Умиравший дал ему на память свой молитвенник, на котором была надпись: «Смиранный Митрополитъ Ростовский Арсений».

Митрополит Арсений был достойнейшимъ преемником св. Димитрия Ростовскаго, котораго глубоко чтит и любил. Он составил ему службу и открыл мощи святителя. Несомненно, Русская Церковь воздаст ему должное, возстановит его в святительском достоинстве, прославит его и причислит к лику святыхъ своих, как борца против лютеранства и

неверия, как великаго русскаго иерарха-исповедника, пострадавшаго за православную веру, и отдавшаго свою жизнь во имя спасения России. («Истор. оч. Рус. Пропове д.», стр. 119, 123—125, 129—138)

История Русской Церкви говорит нам и о другом подвиге во имя православной русской идеологии опять-таки по поводу отобрания церковных имуществ. Это был протест не менее выдающагося иерарха Русской Церкви — Павла Митрополита Тобольскаго.

В ответ на эту разрушительную для нашей родины меру правительства, М. Павел отправил въ Синод свое откровенное мнение в резкой форме. Опять возникло дело. Тобольский святитель былъ вызван в Москву и осужден Синодом на лишение архиерейскаго сана.

Перед этим М. Павел явился в сонном видении председателю Синода М. Новгородскому Димитрию Сеченову и с гневом сказал: «Некогда отцы наши и, в числе их, некоторые святые даровали Церкви разныя земныя удобства и неприкосновенность тех пожертвований утвердили заклетьями. И я, человек грешный, недостойный епископ Церкви Христовой, не своими поистине устами, но устами отцев моих проклиная тебя, предателя церковных имуществ, и предрекаю тебе нежданную смерть». («Русские подвижники Xе III в.», стр. 176)

Императрица не утвердила Синодальнаго постановления о лишении сана М. Павла и даже требовала его возвращения в епархию. Но М. Павелъ не согласился на это требование и просил Синодъ разрешить ему жить на покое в Киево-Печерской лавре, где он постриглся в иночество, и далъ обет пребывать в послушании настоятелю. Синодъ исполнил его просьбу.

Насколько М. Павел был возмущен отнятием у Церкви имущества и как велика была его ревность о Боге, об этом свидетельствует тот факт, что его, приехавшаго из Москвы в Петербург, несколько раз требовала к себе императрица, и он не поехал. Императрица прислала в дар ему 10.000 рублей, но он не принял их, находя несправедливым обогащаться ему — служителю Церкви — из рук императрицы в то время, когда Церковь была ею лишена имущества. (Эти деньги были вручены настоятелю Киево-Печерской Лавры, который приехал сопровождать Митрополита Павла. Когда настоятель просил Митрополита Павла позволить данную сумму употребить на позолоту глав Киево-Печерскаго собора, Митрополитъ Павел согласился на это.)

Великим уважением и любовью был окружен М. Павел в Киеве благочестивыми русскими людьми, как безстрашный борец за права Церкви. К тому же М. Павел проводил время своей жизни въ строгих иноческих подвигах и, несмотря на свое болезненное состояние, часто служил и въ Лавре, и в Киевских городских церквах, утешая верующих.

Через два года своего пребывания на покое М. Павел в 1770 г. 4 ноября скончался, а чрез 57 летъ после смерти тело его в склепе под великой лаврской церковью было обретоно Киевскимъ Митрополитом Евгением Болховитиновым въ поразительном нетлении. («Русские подвижники XVIII в.», стр. 172—181)

Несомненно, своею праведною жизнью, своимъ исповедническим подвигом М. Павел угодил Богу, так как от его мощей до самого последняго времени источалось много чудесныхъ исцелений. Хотя он еще не причислен к лику святых Русской Церкви, но все верующие русские люди чтут его, как скорога своего заступника. Прославление мощей М. Павла должно было быть одним из первых очередных дел Русской Церкви пред войной с Германией.

Конечно, протесты великих святителей русской земли — Арсения и Павла — не могли остановить отобрания церковных имуществ. Как люди весьма умные и просвещенные, они сами хорошо понимали это. Своим протестом они показывают, что въ борьбе за Церковь и истинное благо русскаго народа надо жертвовать своим временнымъ благополучием и даже не щадить своей жизни.

Вместе с тем этот протест есть ни что иное, как оставленное потомству непререкаемое

свидетельство о великом значении церковныхъ имуществъ для всей России. Если бы эти имущества были в руках Церкви, то в ея распоряжении осталось бы и просвещение всего русскаго народа, и он, как воспитанный и просвещенный на началах православной веры, был бы непоколебимъ гибельными ветрами западныхъ лжеучений, воплощая в себе слова Христа: Всякъ убо, иже слышитъ словеса Моя сия, и творитъ я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени. И сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветра, и нападоша на храмину ту, и не падеся, основана бо бе на камени. ([Мф. 7:24—25](#))

Но этого церковнаго просвещения русскаго народа, этого главнейшаго оружия для отражения разрушительныхъ учений, с отнятием церковныхъ имуществъ не стало в России. Поэтому, вместе съ лютеранством в его безчисленныхъ видахъ сектантства, начала западнаго неверия в виде гуманизма быстро стали распространяться въ России и укореняться в жизни русскаго народа.

Гуманизм не только предоставляетъ человеческому разуму полную свободу в области веры, но с корнем уничтожаетъ ее, ибо по своему существу — есть неверие в бытие Высшаго Божественнаго Существа, каковымъ гуманизмъ считаетъ самого человека, проповедуя человекобожие, что то же — богоборчество. Гуманизм не признаетъ для человека никакихъ авторитетов, кроме его собственнаго разума. Поэтому русское общество, увлекаясь гуманизмом, вместо Церкви и ея святоотеческаго учения, поставило науку в качестве высшаго для себя авторитета. Критерием истины для большинства русскихъ интеллигентныхъ людей была не церковность, осеняемая Духом Святымъ, Духомъ Истины, а научность с богоборнымъ духомъ князя мира сего, который незримо чрез общественное мнение стал властно управлять русскимъ народом, заставляя его преклоняться предъ либеральною научностью, отрицающею и ниспровергающею авторитетъ Церкви. Глубокое влияние гуманизма на русское общество даже среди богословски просвещенныхъ людей хорошо отмечено было Еп. Феофаном Затворником в его письмах. (Собрание писемъ Святителя Феофана, вып. VII, письмо 1140, стр. 135. Москва. 1900 г)

К великому несчастью для России, влияние гуманизма сильно укреплялось в русской жизни богоборческими писаниями графа Льва Толстого. Он кощунственно ниспровергалъ всю нашу веру въ Св. Троицу, Иисуса Христа и Пречистую Божию Матерь. Он высмеивалъ все таинства православной Церкви и в особенности величайшее из нихъ — таинство Божественной Евхаристии. К Иисусу Христу Толстой питалъ ненависть, как к своему личному врагу, и, в сознании своего превосходства надъ Ним, составилъ свое собственное евангелие. В свое время об отношении Толстого ко Христу писалъ в одном из нашихъ духовныхъ журналовъ кандидатъ богословия Петербургской Духовной Академии Добролюбов. Последний посетилъ Толстого въ Ясной Поляне и имелъ с нимъ богословский спор. «А что бы вы сказали», спросилъ Толстого Добролюбов, «если бы вамъ сейчасъ доложили, что к вамъ пришелъ Иисусъ Христос?» — «Я бы велелъ передать Ему», ответилъ Толстой, «чтобы Онъ подождалъ в приемной, пока я не окончу беседы с вами».

Благодаря своему исключительному таланту, Толстой имелъ на русский народъ огромное влияние. Онъ глубоко укоренилъ в своихъ последователяхъ через свои сочинения начала неверия и анархизма не только противъ Божественной власти, но и земной, государственной, отрицая все государственныя учреждения.

Пагубное влияние Толстого особенно сказывалось на нашей учащейся молодежи. Начитавшись толстовскихъ сочинений с самой гимназической скамьи, молодежь настраивалась на толстовский лад, отрицательно относилась к вере, переставала посещать храм Божий и делалась революционной и анархической. Распространялось толстовство и в нашихъ сельскихъ школах. Здесь учителями в подавляющемъ большинстве были питомцы учительскихъ семинарий

— очагов неверия и революции. Эти семинарии ежегодно выпускали тысячами кандидатов на должности сельских учителей для «просвещения» русского народа.

Этого мало. Гуманизм и толстовство вылились у нас в форму воинствующего социализма, или — революционного освободительного движения. Исходя из богоборчества, оно главным образом было направлено против самодержавной царской власти в целях ее уничтожения и образования в России республики на социалистических началах: свободы, равенства и братства. Это движение в последнее время пред второй революцией захватило по преимуществу всю русскую атеистическую интеллигенцию, весь рабочий класс, значительную часть простого народа и нашего воинства. Оно разделило всю Россию на два главных лагеря — на правых и левых, или — на черносотенцев и красносотенцев. Но подавляющее большинство было на стороне последних, в ряды которых становились русские люди или в силу своего неверия и религиозной индифферентности, или в силу ложного стыда, так как все правое, по тону общественного мнения, считалось мракобесием, глупостью и отсталостью; или же в силу страшного насилия со стороны деятелей освободительного движения. Последнее под лозунгами: «долой самодержавие», «земля и воля», — кровавым террором сметало всех, кто шел против него. Должности министров и губернаторов, вообще начальнические посты, и даже посты полицейских были в буквальном смысле «голгофою», ибо по преимуществу сюда направляли свои бомбы и пули революционеры. В итоге борьбы этих враждовавших лагерей Россия стала перед лицом весьма сильной организации защитников освободительного движения, при совершенной дезорганизованности поборников самодержавного строя и порядка. Поэтому левые стали господами положения, и в России водворился, при потворстве и растерянности властей, страшный хаос с бунтами, сатанинским террором, забастовками и кровавыми беспорядками повсюду, не исключая и духовных учебных заведений. Даже в монастырях начались беспорядки. Недаром о. Иоанн Кронштадтский во время первой революции говорил, что Россия превратилась в сумасшедший дом.

Конечно, наши Государи, начиная с Павла, были благожелательно настроены к Русской Церкви. Они способствовали развитию монашества, умножению монастырей и церквей в России и содействовали духовному образованию. Они были покровителями православной веры и не только в Русской земле, но и в других православных странах, не раз побуждая весь русский народ становиться на защиту православия силою оружия. И от всех внутренних врагов православия они всемерно старались охранять св. Русь.

Но неверие слишком глубоко укоренилось в русской жизни. Интеллигенция, движимая неверием, стала одержимой. Руководствуясь сатанинским духом противления и разрушения, она перестала считать для себя авторитетом Самого Бога и установленную Им царскую власть. В отношении к последней богоборческая интеллигенция сделалась смертельным и неусыпающим врагом. Поэтому Государям приходилось прилагать много забот и усилий не только для защиты Русской Православной Церкви от неверия, но и для сохранения своего царственного престола, своей, Богом дарованной им самодержавной власти. И, несмотря на всю силу могущественной царской власти, ей приходилось гнуться под напором либеральных требований русского противощерковнаго общества и идти на гибельные для России компромиссные реформы. Такою реформою и было учреждение Александром II земства, которым воспользовалась интеллигенция в своих разрушительных для России целях.

Интересно в данном случае вспомнить одно обстоятельство, имевшее место в жизни весьма любимого св. Серафимом Саровским симбирскаго помещика Н. А. Мотовилова, исцеленнаго преподобным от неизлечимой болезни и отдавашаго все свое богатое имение в пользу основанной преподобным Серафимом женской Серафимо-Дивеевской обители. Мотовилов был приглашен на торжество в честь учреждения земства. И когда были подняты бокалы,

Мотовиловъ произнес речъ, в которой заявил, что съ учреждением земства начнется гибель России. Поэтому вме сто того, чтобы выпить бокал, он его разбил об пол и вышел из собрания.

Действительно, земство в России сделалось оппозицией министров и губернаторов и всего нашего правительства. Чрез него появилось въ России гибельное двоевластие: земство стало государством в государстве. По его требованию правительство отпускало огромныя суммы на земския школы, в то время, как на церковныя отпускались сравнительно незначительныя суммы. В земских училищах земство допускало и даже поддерживало свободомыслящих и неверующихъ учителей, которые вместе с земскими врачами были наиболее деятельными проводниками въ простом народе противорелигиозных и противогосударственных идей.

Другую гибельную для России реформую, вызванную к жизни также под напором либеральныхъ требований атеистической интеллигенции, было учреждение Императором Николаем II Государственной Думы. Избрание членов ея производилось при самом деятельном участии того же земства. Поэтому в большинстве членами Государственной Думы оказывались люди, которые не были в истинном смысле представителями русскаго народа. Таким образом, здесь совершался величайший обман, и Государственная Дума в целом оказалась не имеющей ничего общаго с русской идеологией. Ея прогрессивные и активные члены были атеисты и революционеры, которые только и думали об уничтожении в России ея исконнаго политическаго строя. Это были главные и притом легальные разрушители Церкви и Родины, так как открыто и без всякаго препятствия выступали против царя, Помазанника Божияго, и всех, кто его поддерживал. Хотя въ главном своем деле разрушения исконныхъ начал, лежавших в основе управления России, большинство членов Государственной Думы было единомысленным между собою, тем не менее, Дума разделила всю Россию на множество политических, враждовавших между собою, партий, что быстро и сильно ослабляло мощь России и приближало ее къ гибели.

Какой великий вред приносила Государственная Дума, об этом свидетельствует ея «детище» — изданный в 1905 г. закон о свободе совести. Въ силу этого закона не только члены Думы, но и все прочие враги России открыто выступали на своихъ собраниях против православной веры и царской самодержавной власти. Благодаря этому закону, книжные магазины во всех русских городах были завалены социалистической литературой, говорившей со слов еврейскаго учения Карла Маркса, Энгельса и Бебеля о прелестях земнаго рая с его социалистическими благами — свободой, равенством и братством, — как о грядущемъ счастье русскаго народа, если он в основу своей жизни, и прежде всего государственнаго управления, положит начала социализма.

После обнародования даннаго закона, духовные старцы Оптиной Пустыни с великою сердечною горечью говорили нам: «Теперь погибнетъ Россия!»

Для этой гибели не доставало открытаго выступления «народных избранниковъ» и, конечно, «от имени народа» — для ниспровержения царя. Разумеется, такое выступление могло исходить только от людей, отступивших от православной веры и всего святого. И это деяние совершилось, притом — въ самый трудный момент жизни нашей родины, во время ея войны с Германией. Оно нашло себе место в той же Государственной Думе в среде самыхъ видныхъ ея членов во главе с председателем. Мы имеем в виду заговор против нашего Государя, окончившийся отречением Императора отъ престола, а затем — гибелью России.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возврат русских людей к истинной вере, какъ необходимое условие для возрождения России, и покаяние в грехе бунтарства против власти Помазанника Божияго.

Так отступление от православной веры привело нашу родину к гибели. Здесь, и ни в чем другомъ — главная причина всех несчастий, переживаемыхъ русским народом в родной стране и за рубежом.

Разумеется, все мы в той или иной мере должны считать себя повинными в гибели России, поскольку мы грешили грехом отступления отъ своей веры, или чрез увлечение богоборческимъ освободительным движением социализма, или чрез потворство этому движению своимъ молчанием, или же, наконец, просто чрез свою греховную жизнь. Но более всех была повинна въ этом грехе власть государственная императора Петра I и императрицы Екатерины II. Епископъ Феофан Затворник (Еп. Феофан Затворник умеръ в 1893 г) в попустительстве гибельнаго для России неверия считает повинной не только государственную, но и духовную власть в лице нашего Синода и большинства иерархов. (Собр. пис. Еп. Феофана, вып. 7, письмо 1140, стр. 135, 142, 143, 159, 206. Москва. 1900 г)

После всего вышесказаннаго не трудно теперь ответить на вопрос: что же мы, русские люди, должны делать, чтобы Господь простил нашъ великий грех отступления от православной веры и даровал нам Россию опять святую, могущественную и славную?

Мы должны вернуться к православной вере наших предков, которая была, прежде всего, верою аскетическою, т. е. сопровождалась постоянною молитвою, постом, милосердием и вообще всеми подвигами добродетельной христианской жизни под водительством матери нашей Церкви.

Все русския несчастия начались с того, что мы удалились в своей жизни от Церкви, перестали руководствоваться ея учением и уставом и положили в основу своей жизни и деятельности всевозможныя еретическия и богоборческия учения, а лучше сказать — свою греховную страстную волю, которая сделала нас по жизни хуже несмысленныхъ тварей. Некогда св. Серафим Саровский пророчески говорил, что великия беды надвигаются на Россию, так как народ русский начал жить не по уставу Церкви и стал нарушать пост в среду и пятницу. Что бы он сказал, если бы дожил до послѣдняго времени, когда русские люди перестали поститься и в Великий пост, посещали в это время театры, предавались танцам и оргиям до утра даже подъ праздники, когда публичными падшими женщинами въ русских городах делались двенадцатилетняя девочки. Мы стали дышать грехом, ибо не захотели дышать веяниями благодати Св. Духа, мы стали пить грех, ибо не захотели пить от воды живой, возрождающей нас и обильно изливающейся на насъ в Св. Церкви для нашей святой, блаженной и вечной жизни.

Будем опасаться такого греховнаго состояния в настоящей нашей жизни. Надо опять всемъ русским людям православным слиться съ Церковью, строго держаться ея устава, как самага спасительнаго руководства жизни. Мы должны, подобно нашим предкам, иметь действительную, живую веру и потому всегда молиться, чаще читать Слово Божие, творения святых отцев Церкви, Четьи-Минеи (Жития Святых), неуклонно соблюдать все посты и быть милосердными, чтобы вера наша не была мертвой, а живой и спасительной. Эта вера въ жизни наших предков сделала Россию великой. Вера и в данный момент жизни нашей спасетъ Россию, возродит ее и опять сделает ее великой.

Как мы видели выше, вера предков сияла православной, апостольской чистотой. Они тщательно хранили ее от всякихъ еретическихъ искажений и настолько, что старались избегать

даже чисто житейского общения с иностранцами, почему все ереси, бывшая в России в течение первых семи веков после крещения русского народа, не могли в ней укорениться и скоро исчезали по своему возникновению.

Вследствие этой чистоты веры жизнь наших предков в лице иноков древних монастырей не только отличалась величайшими христианскими подвигами, но и благодатью Св. Духа в ее поразительных знамениях или проявлениях, о чем мы говорили в начале первой главы. За эту чистоту веры Господь пребывал со всем нашим народом, как источник перерождающей человека внутренней благодати Св. Духа, которая снизошла на русскую землю, как Царство Божие, вместе с крещением святой Руси.

Эта перерождающая благодать Св. Духа, это Царство сделалось самым драгоценным и высшим благом русского народа, что вполне понятно. Св. Симеон Новый Богослов говорит: «То и было целью и концом всего воплощенного домостроительства Христова, чтобы Духа Святаго принимали в души свои верующие в Него... чтобы сей Святой Дух был как бы душою души верующих, чтобы действием сего Духа Святаго они, некоторым образом, переплавлялись, пересозидались, обновлялись и освящались, по уму, совести и по всем чувствам». (Творения св. Симеона Новаго Богослова. Вып. I-й. Москва 1882 г. Слово 38-е, стр. 291)

Ясно отсюда, почему внутренняя благодать Св. Духа в ее дивных проявлениях должна быть последнею и высшею целью всей земной жизни человека согласно учению св. Серафима Саровского, который сказал: «Цель нашей жизни заключается в стяжании благодати Св. Духа».

Впервые она заблестала в сердцах Апостолов, когда сошла на них в пятидесятый день по Воскресении Христовом и дивно их переродила и изменила, ибо над ними исполнились тогда слова Псалмопевца: Сия измена десницы Вышняго. ([Пс. 76:11](#)) Из немощных она сделала их сильными на борьбу со злом и неверием всего мира, способными к достижению нравственного совершенства и настолько, что Апостол Павел говорил: Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе. ([Фил. 4:13](#)) Ум их, немогший до сего момента постигнуть учения Христова во всей глубине и полноте, она наполнила Божественным ведением и обогатила Божественною премудростию, почему тот же Апостол Павел от лица всех Апостолов сказал: Мы же ум Христов имами... глаголемъ премудрость Божию в тайне сокровенную, юже никтоже от князей века сего разуме, нам же Богъ открыл есть Духом Своим. ([1 Кор. 2:7—8, 10, 16](#)) В сердцах их после приятия благодати уже не было места житейской печали, ибо Апостолы стали иметь в себе непрестающий источник Божественной радости. Над ними во всей силе исполнились слова Христа: Вы же печаль имате убо ныне; паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас; ([Ин. 16:22](#)) аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей..., радость Моя в вас будет и радость ваша исполнится. ([Ин. 15:10—11](#)) Свойство этой Божественной радости в Апостолах было таково, что во время тяжких скорбей при их Апостольском благовестии о Христе она еще более увеличивалась в них, почему Апостол Павел говорит: якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше. ([2 Кор. 1:5](#))

Эту-то внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа Господь стал посылать всем истинно верующим людям чрез свою Церковь в таинствах крещения и миропомазания. Благодать этих таинств дает нам доступ к другим спасительным для нас таинствам и величайшему из них — Божественному таинству Евхаристии, в котором мы не только перерождаемся, но обожаемся и делаемся благодатно едино со Христом.

К этой-то благодати, как Царству Божию, к его правде, миру и радости о Дусе Святе ([Рим. 14:17](#)) устремлялись наши предки, как к своему Божественному предназначению, как к своему религиозно-нравственному идеалу чрез свою аскетическую, истинную православную веру. И Господь за это исполнял над ними слова Свои: ищите же прежде Царствия Божия, и

правды Его, и сия вся приложатся вам, ([Мф. 6:33](#)) и являл дивныя знаменія Божественнаго заступленія, изливая Свои великія милости на наш народ, что содействовало славе и могуществу России.

Будем и мы подобно предкам нашим, согласно с Богооткровенным и святоотеческим учением, устремляться прежде всего и больше всего къ благодати Св. Духа, как к высшей цели своей жизни, как к Царству Божиему чрез веру аскетическую, сопровождаемую христианскими добродетелями и в особенности любовью, без чего она не может быть спасительною и живою. Будем и мы в этом полагать свой религиозно-нравственный идеал — свою русскую идеологию.

Но следует при этом нам помнить: если благодать Божественнаго Духа есть самое величайшее для нас сокровище, то таким же сокровищем должна быть для нас и православная вера, как чуждая всяких ересей, ибо отступление от сей веры удаляет от нас Божественную благодать, получаемую нами в таинствах Церкви. Аще мы, или Ангел с небесе благовестит вамъ паче, еже благовестихом вам, анафема да будет, говорит Апостол Павел. ([Галат. 1:8](#)) Ясно, что нет большаго для нас несчастья, как отступить от православной веры.

Впрочем, отсюда явствует и то, что мы должны тщательно хранить свою православную веру отъ всякаго еретическаго искаженія, памятуя слова св. Серафима Саровскаго, который сказал: «Горе тому, кто хотя одну букву прибавит или убавитъ к постановленіям семи Вселенских Соборовъ».

И мы сохраним ее во всей чистоте, если в этомъ храненіи веры своей будем опять подражать нашим предкам. Они так оберегали ее, что старались избегать всякаго общенія съ иноверными, чтобы не смешаться с ними в вере. Они хорошо помнили слова Божественнаго Писанія: С преподобнымъ преподобен будещи... съ нечестивымъ развратишися. ([Пс. 17:26—27](#))

Трудно теперь в такой степени иметь намъ разобщеніе с иноверными. Великое множество ихъ живет в России. А мы за границей живем среди них. В таком случае будем удалять от себя всякую мысль о какомъ бы то ни было смешеніи въ вере со всеми инославными исповеданіями, и въ частности с католиками и лютеранами. Мы должны всегда помнить, что вероисповедныя различія не являются только временными перегородками, не имеющими вѣчнаго значенія и для нас, и для инославныхъ христиан в отношеніи к вопросу о вѣчном спасеніи. Эти различія весьма и весьма для нас существенны, ибо только истинная православная вера сообщаетъ действительную спасительную благодать, в которой все наше спасеніе и здѣсь, и там, за гробом. По ученію св. Иоанна Кассиана только благодать, сообщаемая намъ в таинствахъ православной Церкви, может спасти нас, ибо только при ея помощи можно побеждать страсти и достигать нравственнаго совершенства. (Твор. пр. Иоанна Кассиана. Москва 1892, стр. 385, 404—405, 408—409; сравн. Твор. св. Симеона Нов. Бог. В. I, стр. 154; В. II, стр. 542) А по ученію св. Симеона Новаго Богослова, благодать Св. Духа и есть та одежда, без которой нельзя будетъ войти в небесный чертогъ Христа для вѣчнаго блаженства. (Твор. св. Симеона Нов. Богосл. В. I I, стр. 394; сравн. стр. 416, *ibid.* В. I, стр. 184, 364)

Но, как видели мы, благодати Св. Духа, въ качестве перерождающей и спасающей силы, не могутъ иметь отступники от православной веры, принявшие, по словамъ Апостола, иное благовѣствованіе. ([Гал. 1:8](#))

Нельзя не отметить, что Апостоломъ налагается анафема вообще за пріятіе иного благовѣствованія. Он не указываетъ, что мы должны разуме ть подъ инымъ благовѣствованіемъ: искаженіе ли всего благовѣстія Христова, или же только одной части его. Но, если бы инославные христиане и не много отступили от православной веры, все равно мы должны относиться к ним, как к отлученнымъ от благодати Св. Духа. Здѣсь нужно иметь в виду слова Ап. Иакова: Иже бо весь законъ соблюдет, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всемъ повинен. ([Иак. 2:10](#)) Когда человекъ заболеваетъ какою-либо частью своего тела, то и другія части страдаютъ съ

нею: еще страдает один уд, с ним страдают все уди, ([I Кор. 12:26](#)) и в итоге весь человекъ является больным. Поэтому наша св. православная Церковь считает то или иное инославное христианское исповедание не истинным и даже недостойным наименования Церкви, хотя бы оно имело некоторыя здравыя догматическия учения.

Да, католики в лице своей иерархии сохранили апостольское преемство. В силу этого, внутренняя благодать Св. Духа есть здесь. Но она, благодаря многим догматическим ересямъ католическаго исповедания, не является здесь спасающей и перерождающей силой. Поэтому католики предоставлены только своимъ естественным силам в борьбе со грехом и въ отношении к стяжанию добродетелей не отличаются от язычников. По учению того же св. Иоанна Кассиана, язычники в своей морали, как не имеющие внутренней благодати Св. Духа, могутъ возвышаться только до мучительнаго воздержания от совершения внешних пороков. (Твор. преп. Иоанна Кассиана, стр. 404) Среди них не можетъ быть людей, имеющихъ благодатный и блаженный миръ Христов от страстей и превосходящихъ невинныхъ младенцевъ своею внутреннею и постоянною чистотою в добродетелях. (Твор. св. Макария Египетск. Бесед. 26, стр. 202—203; Твор. преп. [Ин. Кас.](#), стр. 404) Такое нравственное совершенство можетъ быть только в жизни православныхъ христиан, где действует и царствуетъ Дух Святыи своею благодатию.

Этого нравственнаго совершенства не можетъ быть у католиков, хотя их иерархии, в силу преемства, сообщаетъ благодать Св. Духа. Но последняя не действует и не спасает ни ихъ самих, ни ихъ пасомых, почему католическая иерархия боле е несетъ ответственности предъ Богом, чем ея паства, ибо она прияла ключъ разума, но и сама не входит в Царство Христово, и другихъ не допускаетъ войти в него. ([Лук. 11:52](#); [Мф. 23:13](#)) Католической иерархии следуетъ всегда помнить печальный образъ Иуды. Онъ удостоился от Бога принять Тело и Кровь Его. Но это величайшее Божественное дарование послужило ему не во спасение, а в погибель и вечное осуждение.

О лютеранахъ говорить не приходится. Они совсем не имеютъ внутренней перерождающей благодати Св. Духа, так как у нихъ нетъ таинства Св. Миропомазания, в которомъ подаются дары Св. Духа для укрепления и возвращенія в христианской жизни.

Конечно, мы никогда не допустимъ нашего смещения с католиками, лютеранами и другими инославными христианами и сохранимъ свою православную веру в неприкосновенной чистоте, если глубоко усвоимъ непререкаемую для насъ истину, что, будучи только в ограде нашей Церкви, мы пребудемъ с благодатию Св. Духа, какъ источникомъ нашего временнаго и вечнаго спасенія, и что вне этой ограды мы лишимся сей благодати и погибнемъ навеки.

Поэтому пусть православная вера не только будетъ нами тщательно хранима, но пусть будетъ основою, проникающею все наше существо въ движенияхъ его ума, воли и сердца. Иначе сказать, православная вера должна быть для насъ критериемъ истины при оценке всякаго человеческого учения или деяния. Эта оценка вне всякаго сомненія, будетъ соответствовать истине, ибо православная вера побудитъ насъ для разрешенія того или другаго вопроса обратиться к Богооткровенному и святоотеческому учению, проникнутому Духомъ Святымъ, Котораго Господь назвалъ Духомъ истины. ([Ин. 14:17](#); 15, 26; 16, 13) Въ православной вере мы должны получать оружие для борьбы со грехомъ и несенія креста нашихъ скорбей, так как чрезъ веру в церковныхъ молитвахъ, богослуженіяхъ и таинствахъ намъ подается Божественная сила от Того же Духа Святаго, Котораго Господь назвалъ силою. ([Деян. 1:8](#)) Вера православная должна быть для насъ и средствомъ к получению Божественной радости, ибо только при ея наличіи св. Церковь обильно изливаетъ на насъ утешеніе в таинствахъ и другихъ источникахъ благодати Св. Духа, Котораго недаромъ назвалъ Господь Утешителемъ. ([Ин. 14:16. 26](#); 15, 26; 16, 17)

И пусть православная вера, господствуя такимъ образомъ во всемъ нашемъ существе, будетъ в то

же время верой исповеднической, да знают все, что она есть для нас самая главная сила, есть наша победа, победившая мир. ([Ин. 5:4](#))

В данном случае наши предки должны опять быть для нас примером. Всем своим религиозным бытом они открыто исповедывали свою православную, царствующую в них веру и свидетельствовали, что она для них дороже всего в мире. Они не стыдились быть православными, и в своей личной, общественной и государственной жизни и деятельности показывали, что вера православная составляет сущность их жизни и к ней направлены всецело их сердца.

К несчастью для России, уже при Петре, как видели мы, наши предки под влиянием протестантизма и западного просвещения начали стыдиться своей веры, стали прятать ее. Этот стыд своей веры, исходящий из тщеславного опасения показаться отсталыми перед либерально и атеистически настроенными образованными людьми в последнее время, перед гибелью нашей родины, достиг высшей своей степени. Не вера православная, а этот пагубный стыд стал господствующей силой в России, в особенности для интеллигентного русского общества. Движимое ложным стыдом множество русских людей становилось в ряды безбожной и революционной интеллигенции, хотя их разум и совесть были против этого малодушия.

К великому сожалению и до сих пор большая часть русских людей, по крайней мере, проживающих за границей, не может разстаться с этим позорным и гибельным стыдом, и хотя имеет православную веру, но ее не исповедует, как свою господствующую силу. Поэтому к ним относятся слова Христа: Иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и, Аз пред Отцем Моим, иже на небесех. ([Мф. 10:33](#)) Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде семъ прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми. ([Мк. 8:38](#))

Приведенные слова Христа показывают, что недостаточно только веровать православно: надо еще нашу веру исповедывать, если мы не хотим быть отверженными от Бога за наш ложный стыд, который, конечно, исходит из нашего тщеславия. А грех тщеславия так велик, что при нем нельзя даже иметь истинной спасительной веры во Христа, почему Он и сказал: Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще. ([Ин. 5:44](#))

Разумеется, мы не имеем исповеднической веры не только по тщеславию, но и по другим основаниям. Мы скрываем свое православие в силу страха от смертельной опасности, что в особенности наблюдается теперь в России; или — вследствие опасения лишиться временных для насъ выгод, что имеет место не только на родине нашей, но и здесь, за границей.

Да не будет этого в нашей жизни, какия бы основания ни побуждали нас воздерживаться от исповедания православной веры. Пусть православная вера проникает всю нашу деятельность во всех ея областях. Некогда св. Иоанн Рыльский, небесный покровитель великаго пастыря о. Иоанна Кронштадскаго, в своем послании благочестивому Болгарскому царю Петру, увещевал его лежать в ногах матери своей Церкви и склонять свою верховную власть в царских государственных делах пред ея первосвященниками: «Валяйся под ногама матере твояе Церкви. Припадай усердно, и верх преклоняй тоя первопрестольникомъ». («Житие и жизнь преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Иоанна Рыльскаго чудотворца». Белград 1836 г., стр. 26—27)

Как же после этого нам, русским православным людям, не склоняться предъ православною Церковью, в лице ея иерархии и церковной власти, во всех своих не только личных, но и общественных делах?!

Пусть все русския организации, вплоть до политических имеют свою основую православную веру и ея учение, действуют во имя этой веры и сь благословения церковной власти, оказывая безусловное ей послушание. Пусть эти организации даже именуются

православными, ибо имя православный должно быть для нас самым драгоценным и возжеланным, и, как жизненное руководство, должно обязывать не отступать от православной веры в нашей деятельности, напротив, направлять последнюю к ее торжеству.

Так, мы должны исповедывать свою веру в сознании, что чрез нее наши предки достигли того, что Господь царствовал в сердцах их Своею благодатию с ея святостью и блаженством.

Но этою же верою наши предки приобретали и то, что Сам Господь покровительствовал России Своею всемогущею силою, покрывая ее Своим безконечным милосердием, почему она и сделалась самою могущественною и славною странюю.

Все эти блага подаст Господь и нам, если мы, подобно нашим предкам, будем иметь их веру или идеологию, которая может заключаться в двух только словах: православная вера.

Впрочем, предки наши, как об этом мы говорили выше, имели еще одно свойство в своей вере. Их вера была смиренной, так как им было присуще покаяние, это истинное выражение смирения.

Благодаря смирению, без которого никакие истинные подвиги христианской жизни невозможны, вера наших предков и была аскетической и переходила в исповедническую. Это понятно: смирением Своим Господь, Спаситель наш, победил диавола, прославился Божественною славою и даровал нам спасение. Смирив Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя еже паче всякаго имене. (Филип. 2:8—9) Это смирение Ему угодно было положить в основание и всей нашей христианской жизни по Его Божественным заповедям, которыя Он изрек в Своей нагорной проповеди. (Мф. 5:1—12)

В соответствии с этим, св. Макарий Великий смотрит на смирение, как на основание христианства. «Основанием христианству», — говорит он, — «служит то, чтобы человек, если и совершит дела правды, не упокоивался на них и не почитал себя великим, но был нищ духомъ» (Твор. преп. Макария Египетск. Св. Троицк. Лавра, 1904 г. стр. 35). По учению сего св. отца Церкви в этом смирении состоит и самый признак христианства. «Вот признакъ христианства,» — говорит он, — «сколько ни потрудишься, сколько ни совершишь праведныхъ дел — оставаться в той мысли, будто бы ничего тобою не сделано... Хотя бы и праведен был ты пред Богом, должен говорить: «я не праведник, не тружусь, а каждый день начинаю только». (Ibid., стр. 197, сравн. Твор. св. Симеона Нов. Бог. в. I. стр. 154)

Так смотрели на смирение и другие св. отцы Церкви. Они учили, что смирение имеет силу истреблять все козни диавола, (Поучения пр. аввы Дорофея, стр. 135, изд. Опт. пуст. Москва 1888 г) всякое зло в нас (Учение пр. Исихия о трезвении и молитве. Добротолуб. II т., стр. 171. Москва 1896) и все наши страсти. (Поучения пр. аввы Дорофея, стр. 302—303) «Видел я,» — говорит преп. Антоний Великий, — «однажды все сети врага, распростертыя по земле и со вздохом сказал: кто же избегнет их? Но услышал глас, говорящий мне: смиренномудрие». (Добротолубие, I т., стр. 134. Москва 1895) «Поистине,» — свидетельствует авва Дорофей, — «нет ничего крепче смиренномудрия, ничто не побеждает его». (Ibid. т. II, стр. 605. Москва 1896)

Поэтому оно — как учат св. отцы Церкви: Евфимий Новый (Иверский), Максим Кавсокаливит и Григорий Синаит, — есть мать, начало и корень все х добродетелей (Афонский патерик. Изд. Рус. Пантелеим. мон-ря на Афоне, ч. 1, стр.: 108—109, 269, 323. СПб. 1876 г) «Ни страх Божий,» — говорит св. Авва Дорофей, — «ни милостьня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершенною без смиренномудрия». (Добротолубие, т. I I, стр. 605) Без смирения и самая молитва, как свидетельствует преподобный Макарий Египетский, не будет для нас полезна (Твор. пр. Макария Египетскаго, стр. 374), и весь подвиг христианской жизни будет для насъ суетен, (Отечник Еписк. Игнатия

Брянчанинова, стр. 400. СПб. 1880 г) так как, по словам св. Исаака Сириянина, «что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели». (Твор. св. Исаака Сириянина. Слова подвижническия, стр. 244. Москва 1854 г)

Из этих слов преп. Исаака явствует, что смирение есть критерий, безошибочно определяющий: где есть истинная добродетель, и где ее нет. Имъ определяется наше нравственное и духовное преуспеяние: «насколько человек погрузится въ смирение, настолько преуспеет и вознесется». (Отечник Еп. Игнатия, стр. 400)

Только оно, наконец, может довести человека до высоты нравственного совершенства: «Никто не можетъ», — говорить св. Иоанн Кассиан, — «достигнуть после дняго предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истиннымъ». (Добротолубие, т. II, стр. 87) И самое «совершенство человека — есть смирение». (Отечник Еп. Игнатия Брянчанинова, стр. 400)

Спрашивается, почему же смирение имеет такую великую силу для нашей живой веры с ее христианскими добродетелями и подвигами?

Потому, что оно низводит на нас Божественную силу для избавления нас от всех наших враговъ видимых и невидимых. Во смирении нашем, говорит Псалмопевец, помянул ны Господь, и избавил ны есть от врагов наших. ([Псал. 135:23—24](#)) Сила смирения состоит в том, что с нимъ соединяется благодать Св. Духа по слову Апостола: Бог гордым противится, смиренным же даетъ благодать, ([Иак. 4:6](#); [I Петр. 5:5](#)) которая, как на своем престоле, почивает в смиренных. (Учение пр. Ефрема Сириянина. Добротолубие, т. I I, стр. 479) Отсюда понятно, почему Господь требует от нас, чтобы мы для соединения с Ним научились Его смирению, говоря: Приидите ко Мне... и научитесь отъ Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем. ([Мф. 11:29](#)) Ясно отсюда и то, почему Господь во главу всехъ Своихъ Божественныхъ заповедей положилъ смирение, ([Мф. 5:3](#)) ибо только чрез смирение Господь может даровать нам Свою благодать, без которой нельзя исполнять Его Божественныя заповеди и невозможно сделать ничего добраго, согласно с Его словами: Без Мене не можете творити ничесоже. ([Ин. 15:5](#))

Но, если смирение сделало веру нашихъ предковъ аскетическою и исповедническою, то оно было и причиною, почему они свою веру содержали во всей ея православной чистоте, чуждой всякихъ еретическихъ заблуждений. Это смирение, выражаясь всегда в покаянии нашихъ предков, не допускало гордости владеть ихъ сердцами. По свидетельству Иисуса сына Сирахова, гордость есть начало греха и отступления от Господа. ([Сирах. 10—15](#)) Какъ смирение есть источникъ всехъ добродетелей, такъ гордость, по учению св. Иоанна Кассиана, есть источникъ всехъ греховъ и преступлений; (Добротолубие, т. II, стр. 84) или, по словамъ преподобнаго Иоанна Лествичника, — «начальница и завершительница всехъ золь». (Ibid. стр. 543)

В частности гордость является первою и главною причиною всехъ ересей. Она, по учению преподобнаго Нила Синайскаго, «низвергла архангела с неба и сделала то, что он, какъ молния, спал на землю». (Добротолубие, т. II, стр. 268; сравн. учение пр. Исихия, *ibid.*, стр. 202) Но что же представляет собою его падение по своей основе, как не ересь, ибо денница, возгордившись своею чрезвычайною славою, помыслил, что он можетъ быть равенъ Богу. Такъ гордость родила в немъ первую ересь, от которой он навеки погиб.

Такъ гордость привела и нашихъ прародителей к той же ереси, т. е. къ ложной мысли, что они могутъ быть равными Богу, почему преподобный Филофей Синайский и сказал, что «Адам пал из-за гордости». (Ibid. т. III, стр. 449. Москва 1888 г)

Так, после этого, гордость стала рождать всякия еретическия заблуждения, которыя влекли за собою отпадение от Бога и, в силу этого — всевозможныя несчастья в жизни людей.

Смирение с своимъ покаянием ограждало нашихъ предковъ от ересей, а вместе с тем, от гибели родины, и, будучи основанием присутствия в ней великой благодати, было в то же время

основанием ея величия и славы. Но как только русские люди вступили на путь диавольской гордости или тяжкаго греха еретическаго и атеистическаго отступления от православной веры, то благодать Св. Духа, этот источник спасительной жизни, стала оставлять нашу Россию, и она наконец была ввержена в море неслыханных несчастий.

Будем всегда помнить, за что мы наказаны Богом. Да, переживаемыя беды случились в нашей русской жизни оттого, что мы отступили отъ православной веры. Но этого не было бы с нами, если бы мы не возгордились и продолжали бы пребывать в смиреннии и покаянии, которыя украшали веру наших предков. Пусть незабвенными для нас всегда будут слова преподобнаго Марка Подвижника, сказавшаго: «Если бы мы старались о смиренномудрии, то не было бы нужды в наказании нас, ибо все злое и скорбное, случающееся с нами, приключается намъ за возношение наше. Если на Апостола, чтобы он не превозносился, попущен был ангел сатанин — да пакости ему деет, тем более на нас, когда превознесемся, сам сатана попущен будетъ попирасть нас, пока мы не смиримся. Праотцы наши владели домами, имели богатство, имели жен, заботились о детях, и вместе с тем, по причине своего ненасытимаго смиренномудрия, беседовали с Богом; а мы удалились от мира, презрели богатство, оставили дома и думая, что пребываемъ с Богом, бываем поруганы бесами за превозношение наше». (Добротолубие, т. I , стр. 514—515. Москва 1895 г)

Эти святоотеческия слова должны иметь для насъ огромное жизненное значение, ибо они нашли себе оправдание в жизни русскаго народа. Сила этихъ слов еще более увеличивается для нас темъ обстоятельством, что оне представляют в своей сущности богооткровенныя слова, сказанныя некогда Господом чрез Моисея когда-то избранному, а ныне отверженному еврейскому народу и оправданныя самою жизнью последняго. Слова эти имеют глубокое жизненное значение и для нас. Аще же не слушаете Мене ниже сотворите повелений Моих сих... и Аз сотворю сице вам, и наведу на вас скудость, и красту, и желтяницу, вреждающую очи ваша, и души ваша истаявающую: и посеете вотще семена ваша, и поядят я супостаты ваша, И падете пред враги вашими, и поженут вы ненавидящии вас и побегнете никомуже гонящу вас. И аще до сего не слушаете Мене, и приложу наказати вы язвами седмижды за греха ваша; и сокрушу досаждение гордыни вашея, и положу небо вам аки железно, а землю вашу аки медяну. И будет вотще крепость ваша, и не даст земля ваша семене своего, и древа села вашего не дадут плода своего. И аще по сих пойдете строною, и не восхощете послушати Мене, приложу вам язв седмь по грехом вашим. И аще сими не накажетесь, но пойдете ко Мне строною, пойду и Аз с вами в ярости строною, и поражу вы и Аз седмажды грех ради ваших. И наведу на вы меч мстияй мечь завета и вбегнете в грады ваша, и послю на вы смерть, и предани будете в руце враг ваших... И ясти будете, и не насытитесь. Аще же в сих не слушаете Мене, и пойдете ко Мне строною, а Аз... накажу вы... седмажды по грехомъ вашим. И ясти будете плоти сынов вашихъ, и плоти дщерей ваших ясти имате. И сотворю грады ваша пусты, и опустошу святая ваша, а не обоняю вони жертв ваших; и сотворю пусту Аз землю вашу и удивятся о ней врази ваши, живущии на ней. И разсыплю вы в языки, и потребит вы находяй меч, и будет земля ваша пуста, и грады ваши будутъ пусты — И не возможете противу стати врагомъ вашим... И исповедят грехи своя, и грехи отецъ своих, яко преступиша и презреша Мя, и яко ходиша предо Мною строною; и Аз пойду с ними в ярости строною... тогда усрамится сердце ихъ необрезаное, и тогда познают грехи своя. И помяну завет Иаковль,... Исааков,... Авраамль; и землю помяну... Не презрех их ниже вознегодовах о них, яко потребити я... Аз бо есмь Господь Бог их. (Левит 26, 14—21; 23—29; 31—33; 37; 40—42; 44. Сравни [Втор. 11:27](#); [Иса. 1:19—20](#))

Конечно, все это мы должны свято хранить въ своей памяти, но не должны этим ограничиться. Если мы хотим спасения себе и России, мы должны самым делом вернуться к вере наших предков, и в особенности — к вере, основанной на смиреннии и покаянии, которая

низводила на них благодать Св. Духа, а вместе с нею святость жизни и ограждала их от дьявольской гордости, от ея еретичества и безбожия, как источника всех бедствий, переживаемых нами ныне.

Поэтому пусть смиренная вера предковъ воплощается в современной нашей жизни. Иначе сказать, пусть наша русская идеология — православная вера, сопровождается не только христианскими добродетелями, апостольскою чистотою своего учения, как источникомъ действительной благодати, и исповедничеством, но будет основана на смирении, без котораго, по словам св. Симеона Новаго Богослова, ничего добраго не бывает. (Творен. св. Симеона Нов. Бог. В. II, стр. 542)

Однако, эта смиренная вера будетъ спасительнымъ достоянием для нас и для России только в том случае, если мы вступим на путь перваго выражения смирения, т. е. на путь покаяния во грехах своих, особенно, в самом тяжкомъ грехе нашем, в котором повинны активно или пассивно все русские люди, — в грехе бунтарства против самодержавной власти нашего царя — Помазанника Божияго. Этот грех является для нас таким тяжким потому, что имеет за собою утрату русскими людьми совести, удаление их отъ Церкви, — ея веры, учения и благодати. Он есть верх или плод тех разнообразныхъ религиозно-нравственныхъ тяжких преступлений, которыя совершались русскими людьми в течение многих и многих лет.

Означенный грех так велик в очах Божиих, что переполнил чашу Божественнаго долготерпения. Вот почему после отвержения русским народом своего царя Господь тотчасъ отвергъ и Россию, и она погрузилась в пропасть неслыханных бедствий.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сущность покаяния для русских людей, принимавших активное и пассивное участие в грехе бунтарства против царской самодержавной власти.

Спрашивается, в чем же должно состоять наше покаяние в тяжком грехе бунтарства против царской власти?

Так как не все русские люди в одинаковой степени здесь повинны, то это покаяние не для всех из нас должно быть одинаковым. Для тех русских людей, которые сознательно и активно шли против самодержавной власти нашего Царя — Помазанника Божияго, требуется в данном случае полное возрождение своего духа с радикальным уничтожением самой причины страшного греха — бунтарства против священной Богоустановленной власти. От них требуется уничтожение в себе неверия и стяжание, посредством живого общения с православной Церковью, благодатной духовной настроенности и жизни для соединения со Христом.

Этим русским людям надо следовать в своей жизни учению св. отцов Церкви, которые нам показывают, в чем должно состоять покаяние. По свидетельству св. Исаака Сирианина, покаяние состоит в том, чтобы «оставить прежнее и печалиться о немъ». («Добротолюбие», т. II, стр. 395, М. 1889 г) Так, в сущности, определяют покаяние и другие св. отцы, говоря, что «покаяние в том состоит, чтобы отвращаться от греха» (Ibid., т. I, стр. 372: Учение св. [Авв. Исаии](#)) и «не возвращаться вспять». (Ibid., стр. 24: Учение св. Антония Великаго)

Но святые отцы учили, что покаяние не только есть решительное оставление прежних грехов, но и «совершение благих дел, противныхъ прежним грехам,» (Ibid., т. II, стр. 495: Учен. св. Ефрема Сирианина) «посредством заповедей Христовых,» (Ibid., т. I, стр. 49: Учен. св. Марка Подвижника) и, конечно, благодати Св. Духа. И самое покаяние они называли благодатию. «Какъ благодать на благодать, — говорит св. Исаакъ Сирианин, — людям по крещении дано покаяние; потому что покаяние есть второе возрождение отъ Бога. И то дарование, котораго залог прияли мы отъ веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усиленно ищущим его; сею дверию входим в Божию милость; кроме этого входа, не обретем милости». (Творения св. Исаака С., слово 83, стр. 428)

Этой милостию, даруемою нам от Бога чрезъ покаяние, по святоотеческому учению, и является наше воскресение еще в земной жизни, что то же — возрождение. «Покаяние, — говорит св. Ефремъ Сирианин — есть древо жизни, воскрешающее мертвых грехами..., потому что кого грех губит, тех оно возсозидает к Божией славе». («Добротолюбие», т. II., стр. 349) «Когда, по словам св. Аввы Исаии, оставит человек грехи свои и обратится к Богу, то покаяние возрождает его, как говорит Апостол: якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго ([1 Кор. 15:49](#)). Видишь ли, что Бог далъ человеку изменяться чрез покаяние и совершенно новым соделываться чрез него». («Добротолюбие', стр. 413; ср. твор. св. Симеона Н. Б.; Вып. I; сл. 30-е, стр. 118 — 119. Москва. 1882 г)

Если русские люди, благодаря своему неверию, повинные в активном возстании против самодержавной царской власти, покаются в смысле изложеннаго святоотеческаго учения и тем самымъ уничтожат в себе почву, на которой возрос и совершился этот сатанинский грех противления, то само собою изменится их отношение к царской власти из отрицательнаго на положительное.

Что же касается множества русских людей, не отступавших от православной веры, но повинныхъ в той или иной мере в предательстве царя своимъ попустительством, то их покаяние должно состоять в открытом исповедании истины, что одною из основ возрождения России является царская самодержавная власть Помазанника Божияго. Будем свидетельствовать, что

никакая иная форма правления в России не приемлема, что наш государственный строй только может быть сообразным православно́й вере русскаго народа, так как только об этой власти говорят намъ Богооткровенные писатели и св. отцы, как о происшедшей от Бога, свидетельствуют о ея неприкосновенности, требуют почитания ея, которое должно выражаться в наших молитвах за царя и его власть, как основу благоденственной жизни, и в нашем ей повиновении.

О происхождении царской власти от Бога мы имеем прекрасное, основанное на Св. Писании, учение Московскаго Митрополита Филарета. Имея въ виду слова Ап. Павла: несть бо власть, аще не отъ Бога; сущия же власти от Бога учинены суг, ([Рим. 13:1](#)) он говорит: «В семействе должно искать начатков и перваго образца власти и подчинения, раскрывшихся потом в большем семействе — государстве. Именно: отец есть... первый властитель... но как власть отца не сотворена самим отцем и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека: то и открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало первой власти, а следственно и всякой последующей между человеками власти, есть в Боге — Творце человека. Из Негоже всяко отечество на небесехъ и на земли именуется ([Ефес. 3:15](#)); потом, когда сыны сынов разродились в народ и народы, и изъ семейства возросло Государство, необъятное для естественной власти отца, — Бог дал этой власти новый искусственный образ и новое имя въ лице Царя, и таким образом Его Премудростию царие царствуют ([Притч. 8:15](#)). Во времена неведения, когда люди забыли Творца своего... Бог — вместе с другими тайнами Своими — и тайну происхождения предержащей власти даже чувственным образом представил пред очами мира в избранном для сего народе еврейском; именно: в патриархе Аврааме чудесно вновь сотворил он качество отца и постепенно произвел от него племя, народ и царство; Самъ руководил патриархов сего племени; Самъ воздвигал судей и вождей сему народу; Самъ царствовал над сим царством ([1 Цар. 8:7](#)); наконец, Сам воцарил над ним царей, продолжая и над царями чудесное знамение Своей верховной власти. Посему Бог и называется царь царствующих и Господь господствующих, Им же царие царствуют. Вышний владеет царствомъ человеческим и Ему-же восхощет даст е. Господне есть царствие и Той обладает языки ([Пс. 21:29](#)). В руце Господне власть земли, потребнаго воздвигнет во время на ней ([Сир. 10:4](#)). («Христианское учение о царской власти изъ проповедей Филарета Митрополита Московскаго», стр. 6—7, М. 1901 г)

Говоря о происхождении от Бога царской власти в ветхозаветныя времена, М. Филареть дополнительно указывает, что и в новозаветный период времени царская, уже христианская, власть, начиная с Константина, произошла тоже от Бога. Это случилось после того, как Господь Самъ обратил Константина в христианскую веру передъ битвой его с Максентием чудесным явлением ему в солнце креста с надписью: «Симъ побеждай». Вслед за тем Господь явился Константину во сне и повелел ему сделать знамя, подобное виденному на небе и употреблять его для защиты от врагов. Св. Константин исполниль повеленное ему от Бога, победил Максентия, сделался единовластным государем римской империи и крестился. (Евсевий, «О жизни Константина», кн. 1, гл. 28—29).

Тем же Своим дивнымъ промыслом Господь обратил в православную веру и нашего князя Владимира, основоположника христианской царской власти в русскомъ православном народе.

Ясно отсюда, что и христианская царская власть получила свое происхождение непосредственно отъ Бога, Небеснаго Царя. («Христ. учение о царской власти», М. Филарет, стр. 13—14)

Нет нужды доказывать, что Божественное Откровение в своем свидетельстве о происхождении царской власти от Бога в то же время говорит нам, что она есть власть самодержавная. Это самодержавие исходит изъ самой природы власти. Ведь никто из людей,

водимых голосом разума и совести, не будет оспаривать естественное и Божественное право отца налагать свою волю на детей, требовать от них ее исполнения и наказывать их за ее нарушение. Всякое ограничение детьми воли отца и нежелание повиноваться ей в то время, когда она соответствует воле Божией есть ничто иное, как преступление. Власть отца по отношению к своим детям является самодержавной.

Такою же самодержавной является и власть царя, ибо он получает ее не от народа, и потому она не может быть народом ограничена и перед ним ответственна. Царская власть, как происшедшая от Бога, только перед ним ответственна и может ограничиваться только волей Самого Бога, его святыми законами, с которыми она должна строго сообразоваться, не уклоняясь от них ни направо, ни налево.

Впрочем, мы находим на это и прямое указание Св. Писания. При установлении царской власти в Ветхом Завете, Господь потребовал, чтобы царь был полным владыкой израильского народа и его повелителем. Господь сказал израильтянам: и вы будете ему рабы. ([1 Цар. 8:17](#); срав. главы: 8—12) И будет когда сядет на престоле власти своей, да напишет себе второзаконие свое в книзе от жрецов левитов, и будет с ним, и да чтет ю во вся дни жития своего, да научится бояться Господа Бога Своего, и хранить вся заповеди сия, и... творити я: да не возвысится сердце его от братии его, да не преступит от заповедей ни на десно, ни на лево, яко да будет многа лета во власти своей, той и сыны его с ним, в сынех израилевых. ([Втор. 17:18—20](#))

Таким образом, Св. Писание, повествуя об учреждении царской власти от Бога, свидетельствует о ее самодержавности. Но вместе с тем Божественное Откровение показывает нам и ее благодетельное значение для народа. Господь учредил самодержавную власть царя для того, чтобы он спасал израильский народ от врагов его. ([1 Цар. 9:16](#)) Эта власть обеспечивает тихое и безмолвное житие... во всяком благочестии и чистоте, ([1 Тим. 2:1—2](#)) являясь источником временной счастливой, святой и спасительной нашей жизни.

О единодержавной или самодержавной власти царя и о ее великом благотворном для нас значении учит тот же Митрополит Филарет. «Как небо, говорит он, бесспорно лучше земли, и небесное лучше земного: то так же бесспорно лучшим на земле должно быть признано то, что на ней устроено по образу небесного, как и сказано было Боговидцу Моисею: Виждь да сотвориши по образу, показанному тебе на горе ([Исх. 25:40](#)), то есть на высоте Боговедения.

«Согласно с этим Бог, по образу Своего небесного единоначалия, учредил на земле царя; по образу своего небесного вседержительства, устроил на земле царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего... поставил на земле царя наследственного.

«Не вдадимся в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди — более других доверяющие своей мудрости — работают над изобретением... лучших, по их мнению, начал для преобразования человеческих обществ... Но еще нигде и никогда не создали они тихого и безмолвного жития... ([1 Тим. 2:2](#)) Они умеют потрясать древние государства, но не умеют создать ничего прочного... Они тяготеют отеческою и разумною властью царя и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и безконечные распри искателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе; а в самом деле влекут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом полноправно низвергнуть их в угнетение.

«Надежнее самодельных умствований должно учиться царственной истине из истории народов и царств... писанной не страстями человеческими, а святыми пророками Божиими, то есть — из истории древле избранного и Богоправимаго народа Божия. Эта история показывает, что лучшее и полезнейшее для человеческих обществ делают не люди, а человек, не многие, а один. Так: «Какое правительство дало еврейскому народу государственное образование и закон? — Один человек Моисей.

«Какое правительство распоряжалось завоеванием обетованной земли и распределением

на ней племен народа еврейскаго? — Один Иисусъ Навин.

«Во время судий — один судия спасал отъ врагов и зол целый народ.

«Но как власть была не непрерывная, а пресекалась со смертию каждаго судии, то, по пресечении единоначалия, народ приходил въ разстройство, благочестие оскудевало, распространялось идолопоклонство и повреждение нравов; затем следовали бедствия и порабощение иноплеменниками. И в объяснение такихъ нестроений и бедствий в народе священный бытописатель говорит, что в тыя дни не баше царя во Израили; муж еже угодно пред очима его, творяше ([Суд. 21:25](#)).

«Вновь явился один полномощный силою молитвы и дара пророческаго Самуил; и народъ огражден от врагов, беспорядки прекращены, благочестие восторжествовало.

«Потом, для непрерывнаго единоначалия, Богъ в народе Своем поставил царя. И такие цари, как Давид, Иосафат, Езекия, Иосия — представляют в себе образцы того, как успешно самодержавный государь может и должен служить к прославлению Царя небеснаго в земномъ царстве человеческом, а вместе с тем — къ утверждению и охранению истиннаго благоденствия в народе своем...

«И во времена новой благодати Всепромыслитель Бог благоволил призвать единаго Константина, и в России единаго Владимира, которые апостольски просветили свои языческия царства светом Христовой веры и темъ утвердили незыблемыя основания их величю.

«Благо народу и государству, в которомъ единым, всеобщим и вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небеснаго, мудростию яже от Бога». («Христ. учение о цар. власти», М. Филарета, стр. 15—17)

Настоящее свидетельство знаменитаго архипастыря русской Церкви для нас, въ особенности теперь, является ценным. Митрополит Филарет принадлежит к числу такихъ великих святителей православной Церкви, которые насчитываются единицами. Вследствие обильных поразительных проявлений в немъ даров Св. Духа — мудрости, целения недугов, прозорливости, богословскаго ведения, а также по святости жизни и аскетическим подвигам его можно сравнить с такими великими святителями, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов. Тем, чем они были для всей древней Церкви в защите православия и насаждении въ людях чистоты христианской жизни, тем явился для русской Церкви и Митрополит Филарет.

В данных словах своих он не только неподобно изобразил все благодетельное значение царской самодержавной власти в жизни ветхозаветнаго избраннаго и русскаго православнаго народа, но пророчески предрек то ужасное угнетение, в которое последний низвержен ныне Богом, а лучше сказать — самъ низринулся по допущению Божиему.

Причем здесь указана и причина этого несчастья, которая состоит в том, что русские люди удалились от Божественной истины Св. Писания в его учении о благодетельном значении единой самодержавной или самодержавной власти. Они восприняли вместо истины дьявольскую ложь техъ либеральных русских вождей, вся «мудрость» которыхъ заключалась лишь въ проповеди разрушительнаго еврейскаго социалистическаго учения о призрачныхъ свободах. Вся их сила была направлена только на уничтожение православной веры и основанной на ней нашей царской власти — источника величя и славы России.

Вместе с тем, из настоящих словъ Митрополита Филарета мы можем черпать для себя и указание, что следует нам, русским людямъ делать теперь для спасения и возрождения нашей родины. Эти золотыя слова побуждаютъ насъ направить все наши силы к тому, чтобы у насъ въ России была восстановлена царская самодержавная власть.

И мы не можем игнорировать настоящаго призыва нашего великаго архипастыря, ибо

призыв этот основан на Божественном Откровении и святоотеческом учении. Содержание слов М. Филарета совпадает по своей сущности и принципиальному значению, в частности — с учением величайшего исповедника и отца Церкви св. Феодора Студита.

Вот как учит сей св. отец о значении единодержавной (самодержавной) власти: «Единъ есть Господь,— говорит он,— и законоположник, как написано: одна власть и одно Богоначалие над всем. Это единоначалие источник всякой премудрости, благости и благочиния, простираясь на все, от благости Божией получившия начало, твари, без произволения их, дано по подобию Божию устроить в порядках жизни своей произвольно только одному человеку. Ибо божественный Моисей в описании происхождения мира, из уст Божиихъ исшедшее, приводит слово: сотворим человека по образу нашему и по подобию ([Быт. 1:26](#)). Отсюда — учреждение между людьми всякаго начальства и всякой власти, особенно в Церквах Божиих: один патриарх в патриархате, один митрополитъ в митрополии, один епископ в епископии, одинъ игумен в монастыре, и в мирской жизни, если хочешь послушать, один царь, один полководец, один капитан на корабле. И если бы во всемъ этом не управляла воля одного, то ни в чем не было бы строя и порядка, и не на добро бы это было, ибо разволие разрушает все». (Добротолюбие, т. II, изд. 2-ое, Москва 1901 г, стр. 93)

Таково учение о самодержавной царской власти и ея значении в нашей жизни по даннымъ Божественнаго Откровения и святоотеческаго учения. Но это не все. В Св. Писании мы находимъ учение о царе, как о помазаннике Божиим. Избирая в цари израильские Саула, Господь повелеваетъ пророку Самуилу помазать его елеем, ([1 Цар. 9:16](#)) что и сделал пророк, сказавший Саулу, что его осенит Дух Господень. Точно так же, когда Господь predetermined Давида быть царемъ израильскаго народа, то Он повелел тому же пророку Самуилу помазать его на царство: Наполни рог твой елеа, востани, и помажи Давида. (Ibid. 16, 1, 12) И после этого помазания сошел на него Духъ Святыи, почему в Библии и сказано: Помаза его посреде братии его: и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне. (Ibid. 16, 13)

Отсюда ведет свое начало таинство миропомазания, которое совершалось над царями в Византии, а затем у нас в России надъ великокняжескими и царскими самодержцами.

Это помазание является многозначительным по своему значению фактом, одинаково — как для царя самодержца, так и для его подданных, ибо оно увеличивает его авторитет и достоинство, делая его священным и осуществляя над нимъ слова Св. Писания: Вознесох Избраннаго от людей Моих: елеем святым Моим помазах его: истина Моя и милость Моя с ним. ([Пс. 88:20, 21, 25](#))

Замечательно, что Господь за много веков до поставления Им царя Помазанника Божияго обещалъ Аврааму, несомненно, как величайшую для него награду происхождение от него царей, говоря: Возращу ты зело зело, и положу ты в народы, и царие изъ тебя изыдут. ([Быт. 17:6](#); Слова и речи Филарета Митр. Московскаго, изд. 2, ч. I I . Москва 1848 г., стр. 170—171) Это обстоятельство, а также тотъ факт, что учреждение царя предвозвещалось за много веков прежде еще Аврааму Богом, следовательно, есть дело Его вечнаго predetermined, показывает нам, как высоко мыслится в очах Бога достоинство царя Показанника Божияго. Такое достоинство для насъ должно быть понятным. Через таинство миропомазания царь делается священной особою. Съ этого момента его власть окружается Божественным ореолом, что в особенности важно в глазах верующаго народа для его повиновения своему царю.

Впрочем, не сдин только священный авторитетъ дает царю его помазание. В последнемъ сообщаются ему дары Св. Духа, Его Божественная благодать, необходимая для царскаго управления, имеющаго целью не только заботу о земномъ благоденствии подданных, но преимущественно съ момента его помазания и заботу о их вечномъ спасении. С этого времени царь своею самодержавною властью обязывается быть покровителем православной Церкви,

заботиться о водворении мира в святых Божиих Церквах, наблюдать за точным исполнением церковных постановлений в жизни подданных — и мирянами, и духовенством, в особенности — касательно чистоты православной веры, и даже иметь попечение о распространении веры среди язычников. (Проф. Курганов, «Отношения между Церковью и гражданской властью». Казань, 1880 г., стр. 50)

И эта благодать не воспринималась царями тщетно, если только они ей не противились. История Христианской Церкви показывает нам, какъ покровительствовали ей цари Помазанники Божии и какія неисчислимыя услуги оказали ей христианские государи в борьбе с язычниками и еретиками для торжества православной веры. Помазание делало их, благодаря их самодержавной власти, могущественным оплотом для борьбы со злом. Вот почему св. Иоанн Златоуст учил, что царская власть, которая была при нем, разумеется, и самодержавной и христианской, есть именно то начало, которое удерживает пришествие в мир антихриста.

Так смотрел на царскую власть самодержавнаго царя Помазанника и Еп. Феофан Затворник и другие светильники нашей Церкви, имея в виду тех царей, которые своею деятельностью оправдывали полученную ими благодать въ таинстве миропомазания на царство. Так смотрели на царей Помазанников Божиих и все истинно верующие русские люди, сознавая, что через Богомъ данную царям власть ими выполняется ихъ Божественное предназначение быть основою благоденствия России, ограждать ее отъ антихристово зла и насаждать в ней христианскую жизнь.

Русские Государи были покровителями святого православия даже во всей вселенной; и свое великое благотворное влияние простирали на весь мир. Такое благодетельное значение наших царей сознавалось и иностранцами. Характерно, что наименование государя Александра III Миротворцемъ изошло не от русских людей, а от европейскихъ народов. Лет пять тому назад во французскомъ журнале «Illustration» была напечатана статья профессора римскаго государственнаго университета историка Феррера, в которой онъ писал, что современный кризис и колебание мира происходит оттого, что в России не стало венценосных Государей, которые держали въ своих руках баланс мира всех народов земли, и, благодаря могуществу и их стремлению к миру, Европа за последние сто лет могла спокойно заниматься научным прогрессом и вместе съ Америкой и другими странами обогащаться в своей промышленной и хозяйственной жизни.

Некогда прор. Исаия сказал: сице глаголетъ Господь Бог помазанному Моему Киру ([Иса. 46:1](#)). Обращаясь к Киру, царю персидскому, и объявляя его имя, Господь называет его Своимъ помазанником тогда, когда он еще не родился. Называет Кира своим помазанником, не потому, что над Киром будет совершено помазание, которое совершалось над царями израильскаго народа, но в смысле предызбрания его для возвращения иудеев из плена вавилонскаго в ихъ родную землю. «Бог,— говорит М. Московский Филарет,— назначил Кира для исполнения судьбы Своей и восстановления избраннаго народа израильскаго; сею Божественною мыслию, такъ сказать, помазал дух Кира еще прежде, нежели произвел его на свет: и Кир хотя не знает, кем и для чего помазан, движимый сокровеннымъ помазанием, совершает дело царствия Божияго. Какъ могущественно помазание Божие! Какъ величествен помазанник Божий! Он есть живое орудие Божие, сила Божия исходить чрез него во вселенную и движет большую или меньшую часть рода человеческого к великой цели всеобщаго совершенія». («Христ. учение о царской власти», М. Филарет, стр. 27)

Если Кир, царь языческий, не получивши помазания с дарами Св. Духа и даже не знавший истиннаго Бога, но, как послушное орудие Божественной силы, имел такое великое значение для жизни избраннаго народа и большей части мира, то какая же величайшая Божественная сила действовала чрез помазание Св. Духа в нашихъ царях Помазанниках Божиих и какое

благодетельное значение имели они для новаго Израиля — избраннаго русскаго народа, и для всего мира. Да, русская либеральная интеллигенция не хотела видеть этой силы в наших царяхъ Помазанникахъ Божиихъ. Но диаволъ видел и чувствовалъ эту силу и потому со всемъ своимъ адомъ, при содействии противоцерковнаго русскаго общества, с неистовствомъ возсталъ на нее. Въ течение многихъ летъ сатанинскимъ кровавымъ терроромъ онъ изгонялъ ее с русской земли; и, наконецъ, руками представителей народа — членовъ Государственной Думы и другихъ враговъ России погубилъ носителя сей Божественной силы — русскаго царя, а вместе с ним, — русское государство. Пусть современная жизнь в России и всеобщая растерянность народовъ мира свидетельствуютъ, какую великую силу для своего народа и для вселенной имелъ нашъ царь, который соединялъ в себѣ и самодержавную власть, и благодать Св. Духа, какъ Помазанникъ Божий, согласно учению Св. Писания.

Но и этимъ еще не исчерпывается Богооткровенное учение о царской власти. Здѣсь мы находимъ, наконецъ, и учение объ отношеніи подданныхъ къ сей власти. Это отношеніе, какъ свидетельствуетъ Слово Божіе, определяется заповѣдями, данными людямъ от Бога или чрезъ Его Пророковъ и Апостоловъ, или непосредственно отъ Самого Господа нашего Иисуса Христа. Богъ намъ повелеваетъ, во-первыхъ, не прикасаться къ Его Помазанникамъ и, во-вторыхъ, оказывать царю почтеніе, которое должно выражаться нашими о немъ молитвами и повиновениемъ ему.

Еще в Ветхомъ Заветѣ Господь чрезъ Своего Пророка сказалъ: не прикасайтесь помазаннымъ Моимъ ([1 Пар. 16:22](#)). Здѣсь повелеваетъ Господь подданнымъ царя оградить его власть отъ всего того, что ее колеблетъ и даже уничтожаетъ; и прежде всего — чтобы она была неприкосновенна отъ недовольства и осужденія съ ихъ стороны, такъ какъ последнее колеблетъ авторитетъ царской власти, расшатываетъ ее, а вместе с нею и государство. По словамъ Митрополита Филарета, тогда «государство будетъ подобно городу, построенному на огнедышущей горѣ: что будутъ значить все его твердыни, когда подъ ними будетъ скрыватьсѣ сила, могущая каждую минуту все превратить в развалины? Подвластные, которые не признаютъ священной неприкосновенности владычествующихъ, надеждою своеволия побуждаются домогаться своеволия; а власть, не уверенная въ своей неприкосновенности, самую заботою о собственной безопасности побуждается домогаться преобладанія: в такомъ положеніи государство колеблется между крайностями своеволия и преобладанія, между ужасами безначалія и угнетенія и не можетъ утвердить въ себѣ послушной свободы, которая есть средоточіе и душа жизни общественной». («Хр. учение о цар. власти», М. Моск. Филарет, стр. 25—26).

Русские люди по горькому опыту теперь знаютъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ для русскаго государства привело ихъ недовольство царскою властію, ихъ открытое осужденіе Императора Николая II, добраго и православнаго царя.

Конечно, не этимъ только осужденіемъ власти подвластные царю могутъ нарушать данную Божественную заповѣдь. «Прикосновеніе» къ Помазаннику Божиему происходитъ и чрезъ ограниченіе самодержавной, данной ему от Бога, царской власти въ пользу народоправства. И мы знаемъ, съ какимъ неистовствомъ русские люди домогались, из-за рабскаго подраженія европейскимъ народамъ, этого ограниченія. Въ результатѣ было то, что эти либеральныя домогательства также способствовали гибели России. Иначе не могло и быть, ибо, являясь вопиющимъ нарушеніемъ Божественной заповѣди о неприкосновенности Помазанниковъ Божиихъ, стремленія русскихъ людей къ ограниченію самодержавной власти царя были тяжкимъ грѣхомъ отверженія ими, вместе с этою заповѣдію, и Самого Бога. Преступно было русскимъ православнымъ людямъ стремиться къ устройству своего государственнаго правленія по образцу конституціонныхъ и республиканскихъ правленій Европы въ то время, какъ мы должны были руководствоваться своею православною верою, которая повелеваетъ намъ сообразовать свою жизнь во всехъ ея областяхъ съ Божественнымъ Откровеніемъ и основаннымъ на немъ

святоотеческим учением.

Нет нужды говорить, каким ужаснымъ «прикосновениемъ» к Помазаннику Божию является низвержение подданными своего царя. Здесь нарушение данной Божественной заповеди достигает по своей преступности высочайшей степени, почему и влечет за собою разрушение самого государства. («Хр. учение о царской власти», М. Филарета, стр. 28) Все это произошло в жизни нашего отечества. И мы по горькому своему опыту и во всей полноте знаем всю гибельность и для себя, и для России отвержения людьми сей Божественной заповеди.

Что касается положительной заповеди, определяющей наше отношение к царю и повелевающей нам почитать царскую власть, то она дана Самим Господом нашим Иисусомъ Христом в Его словах: воздадите кесарево кесареви, и Божия Богу. ([Мф. 22:21](#)) Весьма сходственным этим Божественным словамъ является изречение св. Ап. Петра, сказавшаго: Бога бойтесь, царя чтите. ([1 Петр. 2:17](#))

Удивительно, что эта Божественная заповедь о почитании царя была дана в то время, когда цари были язычниками и даже гонителями христианства. В частности, при Ап. Петре в Иудее царствовал Ирод, о котором Деяния Апостольския говорят: возложи Ирод царь руке озлобити некия иже отъ церкви. Уби же Иакова брата Иоаннова мечем. И виде, яко годе есть иудеем, приложи яти и Петра: его же и емь всади в темницу. ([Деян. 12:1—4](#)) Какъ видно из Деяний, Петр был бы казнен Иродом, если бы Ангел Господень чудесно не избавил его из темницы и от рук Иродовых. Кроме того, Петр был предуведомлен от Самого Христа о предстоящей ему мученической смерти отъ римских властей, и, несмотря на все это, Ап. Петръ проповедует почтение к царю.

Еще более удивительным может нам показаться увещание Ап. Павла молиться за современных ему царей, в чем прежде всего и должно выражаться почтение к ним со стороны верующих. В своемъ послании Епископу Ефесской церкви Тимофею онъ пишет: молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки, за царя, и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. ([1 Тим. 2:1—2](#))

Таким образом, св. Ап. Павел не только увещавает христиан творить молитвы за царей — язычников, но и благодарить за них Бога. Для решения этих недоумений обратимся к словамъ того же М. Филарета. «Неужели, спрашивает он, гонители и гонения могут быть предметом даже благодарности? — Недоумение это будетъ устранено, если примем в разсуждение, что святой Апостол есть не просто наставник, но наставник богодухновенный. Христос Спаситель и всем христианам для важных случаев, когда им нужно с особенною верностию и твердостью изрещи или засвидетельствовать истину Христову, дал такое обетование: не вы будете глаголющими, но Дух Отца вашего глаголай в вас ([Мф. 10:20](#)). Безъ сомнения, дар этот в преимущественной силе и полноте дан был Апостолу, как провозвестнику Христова учения для вселенской Церкви. Итак, святой Павел пишет наставление Ефесской Церкви; а Дух Святой в то же время благоизволяет чрез него написать наставление Церкви вселенской... Павел видит современный мрак царств языческих, а Дух в нем Божий провидит будущий светъ царствъ христианских. Взор богодухновеннаго пронизает будущие веки, встречает Константина, умиротворяющаго Церковь и освящающаго верою царства; видит Феодосия, Юстиниана — защищающих Церковь от ересей; конечно, видит далее и Владимира, Александра Невского и других распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия. После этого не удивительно, что святой Павелъ пишет: молю творити не только молитвы, но и благодарения за царя и за всех иже во власти суть, потому что будут цари и власти не только такие, за которых надобно молиться со скорбью... но и такие, за которых, как за драгоценный даръ Божий, должно благодарить с радостию». («Христ. уч. о цар. власти», стр. 34—35)

Таким образом, из объяснительных слов М. Филарета видно, что Ап. Павел в своемъ Богодухновенномъ увещании — возносить молитвы и благодарения за царя, имел в виду вообще царскую власть, соответствующую своему Божественному предназначению — быть источникомъ безмятежной и спасительной жизни для членовъ государства.

Но так как это увещание не дает основания полагать, что этих молитв и благодарений не следует совершать в отношении царей язычниковъ и гонителей, то в данном случае нужно иметь въ виду слова М. Филарета, свидетельствующие, что такая молитва и благодарения допускались христианами Ефесской Церкви, но «со скорбию». Это наблюдается и ныне — в Русской Зарубежной Церкви, которая также молится со скорбию, умоляя Бога о вразумлении безбожной власти в России или же об освобождении от нея нашего отечества.

Из тех же объяснительных слов М. Филарета явствует, какой великий грех совершил русский народ, предавший своего царя Помазанника Божияго, который не только не имел ничего общаго с царями язычниками и гонителями, но, какъ православный и благочестивый Государь, былъ источникомъ благоденственной и спасительной для нас жизни. Вместо того, чтобы день и ночь возсылать о нем свои благодарственные молитвы, русские люди допустили его низложение на свою собственную и всероссийскую гибель.

Другимъ выражениемъ почитания царя подданными является их повиновение ему. В своемъ первомъ послании Ап. Петр говорит: повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради: аще царю, яко преобладающе, аще ли, же княземъ, яко от него посланнымъ, во отмщение убо злодеемъ, в похвалу же благодетелю.(1 Петр. 2:13—14.)

Итак, по учению Апостола, надо повиноваться царю ради Господа. Разумеется, существуют и другие мотивы для этого повиновения. Можно повиноваться царю в силу эгоистическихъ побуждений, из-за личных интересов, — ради страха быть наказанными, ради тех или другихъ выгод, наград и почестей. Можно повиноваться царю ради любви к нему, как повинуются дети своим родителям, или ради любви к отечеству, которая движется нашею благодарностью за то, что государство доставляет нам источники пропитания, личную безопасную жизнь, образование и многия другия нужныя нам житейския блага. Можно повиноваться царю, как источнику порядка, благоденствия и могущества государства, как къ основе благополучия и личного счастья всех его граждан.

Но обо всех этих мотивах не говорится въ словах апостольских. Не говорится по той причине, что они не представляют собою прочныхъ оснований для нашего повиновения царю, ибо въ чрезвычайных, катастрофическихъ обстоятельствах жизни государства настоящие мотивы не могут дать должной силы подданнымъ удержаться в повиновении царской власти и сохранить страну от гибели.

Мы, русские люди, это хорошо знаем в силу того же своего горькаго опыта. Все второстепенные мотивы для повиновения нашему Государю Императору Николаю II пред его отречением были у нас в той или иной мере на лицо. Но когда совершилось чудовищное преступление, и с головы Государя русские люди сбросили царский венец, то указанные мотивы к повиновению царю оказались паутиной: любовь к родине и Государю молчала, и он был оставлен без защиты и предан на величайшия нравственные муки с своей семьей.

Ясно, что высшим и самым прочным мотивомъ для истиннаго и неизменнаго повиновения является тот, о котором говорит Ап. Петр, призывая насъ повиноваться царю ради Господа, точнее — ради православной веры в Него.

Только вера православная может побудить насъ неуклонно повиноваться царю, его власти и всемъ поставленным от него властям, ибо она говорит нам о небесном происхождении царской власти в словах Св. Писания: владеет Вышний царствомъ человеческим и ему же восхоцетъ даст. (Дан. 4:29) Им царие царствуют и... вельможи величаются, (Прит. 8:15—16) несть бо власть аще

не от Бога, ([Рим. 13:1](#)) и каждый начальник Божий слуга есть, поставленный над нами для нашего же блага. ([Рим. 13:4](#))

Только православная вера одна может побудить нас повиноваться властям ([Рим. 13:1](#)) не только благим и кротким, но и строптивым, ([1 Петр. 2:18](#)) ибо она угрожает небесным гневом ([Ефес. 5:6](#)) непокоряющемуся властям, как преступнику, который Божию повелению противляется. ([Рим. 13:2](#))

Только одна вера православная может заставить нас повиноваться властям, как должно — по совести, ([Рим. 13:5](#)) а не из-за страха и каких-либо корыстных видов, ибо она предписывает нам служить им, не как людям, а как Самому Господу, и творить их волю, как волю Божию. ([Ефес. 6:5—7](#))

Только православная вера, наконец, заставляет нас любить своего царя истинною, неотпадающею любовью, побуждающею нас жертвовать собой, страдать и умирать за него, ибо она повелевает нам смотреть на царя, как на Помазанника Божияго, как на отблеск Божественной славы и величия, а на законы, имъ изданные, как на святыню. «Там, — говорит М. Филарет, — где разум и воля человеческие покорны вере евангельской — подданные чтут и гражданские законы, как святыню, благоговеют перед властью, как пред Божественнымъ учреждением; а где оскудевает это небесное чувство, где умы, к несчастью общества, заражаются неверием, — там не уважаются и общественныя учреждения, там покорность властям кажется тяжким игом: там не можетъ быть общественнаго благоденствия». («Христ. учение о царской власти», стр. 43—44)

Так, в строгом соответствии с православною верою, относился к царю и почитал его наш русский православный народ. Очень хорошо объ этом почитании сначала великаго князя, а затемъ царя, свидетельствует наше русское народное творчество, дошедшее до нас в наиболее живыхъ образцах своих — песнях, сказках, пословицах, присловиях и поговорках. Здесь, при помощи богатаго русскаго языка, сильнаго по своей образности, простоте и меткости въ определениях, передается сущность Богооткровеннаго учения о царской власти, изложеннаго нами выше. И это естественно, ибо въ основу своего культурнаго развития русскимъ народом было положено Священное Писание. Богооткровенныя истины были глубоко укоренены в умах и сердцах наших предков святою Церковию. Эти истины и выразил наш народ въ кратких изречениях своей народной мудрости. Обратимся к этим изречениям.

«Государь — батюшка, надежа православный царь», «Царь — от Бога приставъ», «Царь земной — под Царем Небесным ходить». Нетрудно понять, что в эти немногия слова русский народ вложил усвоенную им Богооткровенную истину, что царь, как отец подданных, получилъ свою власть непосредственно от Бога, что он отъ Него поставлен управлять земным царством, и потому непосредственно Им управляется (ходит).

Еще больше мы находим изречений, в которыхъ выразил русский народ свой взгляд на царя, как на самодержавнаго своего верховнаго повелителя, никем из людей неограниченнаго въ своей власти.

«Одному Богу Государь ответ держать». «Никто, как Бог и Государь». «Народ — тело, царь — голова». «Царское осуждение — безсудно».

Очень хорошо в этих изречениях выражается взгляд русскаго народа на царя, как на Помазанника Божияго, как на священное лицо, призванное Богом творить Божественную правду, изливать на народ Божественную милость и даже ходатайствовать пред Богом за грехи всего народа своими могущественными молитвами. «Правда Божия — суд царевъ». «Царево око видит далеко». «За Богом молитва, а за царем служба не пропадаетъ». «Где царь — тут и правда». «Нет больше милосердия, чемъ в сердце царевомъ». «Бог милостив, а царь жалостливъ». «Бог помилует, царь пожалуетъ». «Как весь народ вздохнет — до царя дойдетъ».

«Народ согрешить, царь умолит; а царь согрешит, — народ не умолит».

Есть в народном творчестве и такие изречения, которые требуют царской неприкосновенности и настолько, что не позволяют подданным касаться особы царя даже осудительною мыслью, относя недостаток царского правления не к нему, а к его окружению: «Никто против Бога, никто против царя». «Из-за тына (разумеется — царских приспешников, ближних людей и временщиков) и царю не видать». «Царския милости в боярское решето сеются». «Жалуешь царь, да не жалует псарь». «Не царь гнетет, а временщик».

Есть здесь изречения, в которых царь изображается не только, как милующий, но и как карающий преступников смертною казнию. «Где царь — тут и гроза». «Близ царя — близ смерти». «Царь — не огонь, да ходя близ него — опалишься». «Гнев царев — посоль смерти». «До царя дойти — голову нести (повинную)». Но и тогда русский народ был далек от осуждения царя. В этих случаях ответственность в глазах русских людей всецело относилась к преступникам, как «ослушникам, волкам стада государева, царскому добру досадителям».

Все вышеприведенные изречения нашего народного творчества ярко свидетельствуют о глубоком и благоговейном почитании русским народом своего царя. Но это почитание переходило в изумительную любовь к царю, которая побуждала подданных прилагать к царской личности самые трогательные, ласковые наименования, отдавать всю свою жизнь ему на служение и всегда мыслить себя и царя, как одно нераздельное целое, в убеждении, что России нельзя быть без царя. Вот как эта любовь, с такою беззаветною преданностью русского народа, изображается по дошедшим до нас памятникам: «Белый царь — красно солнышко, царь — ласковый, славный, грозный, великий». «Светится солнышко на небе, а русский царь на земле». «Ясные очи государевы — очи соколиныя», которые силою своего проникновения видят, кто «народу и государю — друг, кто ворог». «Жить — царю служить». «Душой — Божий, телом — государевъ». «Русской земле нельзя безъ Государя быть». «Без Бога свет не стоит, без царя — страна не правится».

Правда, здесь, в приведенных нами изречениях народной мудрости, нет таких, которые говорили бы о необходимости молиться за царя и повиноваться ему, что составляет, как видели мы, неотъемлемую часть в учении Священного Писания о почитании царя. Но приведенные нами изречения о великой любви русского народа к царю своему свидетельствуют, что эта молитва и это повинование были в самой жизни наших предков. Это естественно, ибо, по учению св. Максима Исповедника: «кого мы любим, о том всегда помышляем и прежде всего поминаем в своих молитвах». А по учению Христа, — кого мы любим, того волю мы всегда исполняем: Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет. ([Ин. 14:23.](#))

Так относились к своему царю наши предки, по свидетельству дошедших до нас образцов народного творчества. Так относился наш народ к царю, в лице истинных сынов России, и не в далекой древности, а совсем еще недавно. Как и раньше, в глазах верующих русских людей царь был не простым человеком, а помазанником Божиим, образом Божественной небесной власти, Царем-Батюшкой, воплощением правды и милости Божией на земле. Истинно-русские люди не могли без слез смотреть на него. Когда приходилось русскому царю быть среди народа, все теснились к нему, никому не хотелось оставить его, лишиться радости его лицезрения, и считали великим для себя счастьем к нему прикоснуться. Нередко, при встрече с Государем, русские простые люди от восторга и умиления не могли стоять на ногах, произнести слово и невольно опускались на землю вместе с хлебом и солью, которые держали в руках.

Таким образом, сама жизнь показывала, каким великим и безценным даром Божиим был для России наш самодержавный царь помазанник Божий. Он не на словах, а в действительности был главою и душою русского народа. Не стало этой души, не стало и России.

Такое наименование русского царя мы заимствовали от того же Митрополита Московского

Филарета, который говорил: «Самодержавием — Россия стоит твердо. Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель, возбудитель и воодушевител подчиненных деятелей — есть царь». (Из государственного учения Филарета Митрополита Московского, изд. И. Н. Каткова)

И как права была русская народная мудрость, сказавшая: «Русской земле нельзя без Государя быть».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Несостоятельность мнений, что самодержавный строй уже изжил себя, и что для Церкви безразлична будущая форма государственного правления в России.

Теперь, если мы хотим спасения и возрождения России, то должны всемерно стремиться к тому, чтобы у нас опять был самодержавный царь Помазанник Божий, который, как душа русского народа, возродит Россию, и она опять сде лается великой и славной на страх всем ея врагам, на счастье своего народа.

Не будем смущаться столь распространенным, к сожалению, среди нас мнением, что самодержавный царский строй в России, будто бы, уже изжил себя.

Это мнение направлено против Священного Писания с целью уничтожить спасительное его на нас влияние. Ведь царская самодержавная власть в России была основана на словах Св. Писания. А эти слова являются глаголами вечнаго живота. ([Ин. 6:68](#)) Дух животворит, сказал Господь, плоть не пользует ни мало. Глаголы, яже Азь глаголах вам, дух суть и живот суть. ([Ин. 6:63](#)) Живо бо слово Божие, и действительно, говорит св. Ап. Павел, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. ([Евр. 4:12](#))

Отсюда будет въ высшей степени неразумно с нашей стороны, если мы скажем, что слова Свящ. Писания изжили себя. Но точно так же неразумно и мнение, что царский самодержавный строй изжил уже себя. Если слово Божие всегда должно быть для нас действенным, всегда жизненным, всегда спасительным, то и царский самодержавный строй России, какъ основанный на Слове Божиим, должен быть для нас всегда жизненным и спасительным.

Мнение о нежизненности царской власти противоре чит и самой жизни. Действительность говорит, что самодержавная власть русского великаго князя и царя собрала воедино все подвластные им племена и народы в одинъ могущественный государственный организм. Эта действительность показывает, что при содействии самодержавной власти Россия достигла небывалаго и изумительнаго развития в своей культурной жизни во всех ея областях и сделалась самымъ могущественным государством сравнительно съ теми европейскими державами, в основе которыхъ была не самодержавная, единоличная, а парламентарная власть.

И в данный момент мы не можем не знать, что въ Европе более сильными государствами являются те, которыя управляются фактически единоличною властью.

Де йствительность говорит нам как раз о противоположном: не самодержавный царский строй, а парламентарный образ правления изжилъ себя.

Следовало бы всем разделяющим ошибочное мнение о царской власти помнить, что оно исходило из либеральных кругов русского общества, которое, удалившись от Церкви и благодатной истины, перестало в после днее время мыслить своим умом, и стало руководиться абсурднымъ учением социализма о политической свободе с его бредовыми идеями о благах социалистическаго рая. А социализм, как известно, был в руках наших врагов могущественным средством для ниспровержения царскаго самодержавнаго строя и уничтожения самой России.

Таким образом, разделяя этот неправильный взгляд, русские люди сознательно или бессознательно будут приобщаться к тому безумию и ненависти к нашей России, которыя ее погубили.

Русским людям следует руководствоваться, касательно вопроса о будущем политическомъ строе нашего государства, Божественнымъ Откровением, учением св. отцев Церкви о царской власти и учением тех великих сынов России, гениальная мудрость которых и их беззаветная любовь к России всем нам хорошо известна. Мы имеем в данном случае в виду в особенности

свидетельства о великом спасительном значении в жизни Русского народа царской самодержавной власти Ф. М. Достоевского и А. С. Пушкина.

Первый в своих творениях говорит, что две силы лежат в основе могущества Русского Государства: православная вера и самодержавная власть русского царя, который, как любящий отец, заботится о благе своих подданных и тесно сплачивает их всех в одну родственную и сильную этим единением семью.

А вот что говорил в последние годы своей жизни о нашей царской власти Пушкин: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево, в законе слышит человек что-то жестокое и не братское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же его или не исполнить его никто из нас не должен: для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат: много, много, если оно достигнет того, чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? — Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера. Как ни хороши все будут музыканты, но если нет среди них одного, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой, да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить в том и другом месте какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак — барабанщик или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного сословия». («Разговоры Пушкина», изд. Академии Наук, М. 1926 г)

Эти слова Пушкина должны быть глубоко вне дрены в сердцах всех русских людей, которые всегда должны их помнить. Они имеют для нас особенную ценность не только как исходящая от гениального ума, но и как принадлежащая человеку, в ранние годы своего бывшего по убеждениям в рядах декабристов, имевших поползновение низвергнуть самодержавный строй в России.

Конечно, когда Пушкин произносил их, он хорошо знал, что и при царском самодержавии бывают большие дефекты в государственном управлении. Они неизбежно происходят тогда, когда самодержавные монархи нарушают этот самый лучший государственный строй, вследствие их противления Божественным Законам. Тем не менее, как видим из его слов, эту форму правления в России нельзя сравнить ни с какою другой формой правления в странах, где нет самодержавного монарха, как нельзя сравнить небо с землею.

Не будем смущаться и тем мнением, что для православной Церкви будто безразлично, какая государственная форма правления будет в нашей России. Для Церкви не может быть одинаковой власть, покровительствующая ей и власть богоборческая. Во всяком случае бесспорно, что советская власть в России такова, что при ее наличии русский народ, как православный, может прекратить свое бытие, а вместе с ним исчезнет и Русская Православная Церковь, как исчезали с лица земли и другие поместные православные Церкви.

Вопрос — не настал ли уже момент этой гибели, волнует сердца многих русских православных людей. И это волнение для нас будет в особенности понятным, если мы вспомним два письма великого старца Оптиной пустыни иеросхимонаха о. Амвросия к графу Л. П. Т. от 1866 и 1871 г.г., с толкованием старцем двух видений, бывших одному благочестивому священнику Тверской епархии, сыну знаменитого своею святостью Ржевского протоиерея о. Матфея, и весьма для нас знаменательных, поскольку означенные письма говорят о судьбах России.

Этот священник видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одной лампадою; в пещере много духовенства; за лампадою образ Божией Матери, пред образом стояли в облачениях архипастырь Московский Митрополит Филарет, бывший еще въ живых, и покойный протоиерей Ржевский о. Матфей. Все стояли в безмолвии и страхе. У входа въ пещеру — сам священник и одно мирское лицо, духовный сын покойнаго протоиерея; оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвныхъ молений слышатся ясно следующие слова: «мы переживаем страшное время, доживаем седьмое лето». С сими словами пробуждение в большомъ волнении и страхе. Сон повторяется до трех разъ все тот же без малейшаго изменения, явный и страшный.

Вот какое толкование дал этому сну о. Амвросий: «Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится. А мрак неведения, дерзко-хульнаго вольнодумства и новаго язычества, превосходящаго делами своими древнее язычество, всюду распространяется, всюду проникает. Истину эту подтверждают слышанные слова: «Мы переживаем страшное время». Живой священникъ и покойный протоиерей в облачении, молящиеся вместе пред иконой Божией Матери, даютъ разуметь, что и прочее виденное духовенство было двоякое. Видно, достойные пастыри, живые и отшедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви, умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она Всевышний Покров Свой надъ бедствующею Церковью нашей, и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющихъ благое произволение ко спасению... Слова «мы доживаемъ седьмое лето» могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верная чада Единой Святой Церкви должны будут укрываться въ пещерах, и только всесильныя молитвы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследования слуг антихриста. («Седьмое число в церковной числительности великое имеет значение. Срокъ времени церковнаго числится седмодневными неделями. Православная Церковь содержится и руководствуется правилами седми Вселенскихъ Соборов. Седьмъ таинств и седмъ дарований Св. Духа в нашей Церкви. Откровение Божие явлено было седми Азийскимъ церквам. Книга судеб Божиих, виденная в откровении Иоанномъ Богословом, запечатана седмью печатями. Седмъ фиал гнева Божия, изливаемыхъ на нечестивых, и проч. Все это седмичное исчисление относится к настоящему веку и с окончанием онаго должно кончиться. Век же будущий в Церкви означается осьмымъ числом. Шестой псалом надписание имеетъ таковое: Псаломъ Давиду в конец в песнях о осьмомъ — по толкованию, о осьмомъ дне, т. е. о всеобщемъ дне воскресения и грядущаго страшнаго суда Божия... Неделя Антипасхи или св. Фомы въ Цветной Триоди называется неделею о осьмомъ, т. е. вечномъ дне и нескончаемом, который уже не будетъ прерываться темнотою ночи».)

Второе сновидение было таково. Благочестивый священникъ видел, что он находится в своемъ доме и стоит в прихожей. В комнате за нею на простенке между окон была видна большая икона Бога Саваофа, от которой исходил ослепительный свет, не дававший возможности смотреть на нее. Далее была видна еще комната, в которой находились те же — протоиерей Матфей Ржевский и уже покойный Митрополит Московский Филарет. Она была наполнена вся книгами. Священнику непременно надо было войти в эту комнату, но его удерживал страх от поражающаго света. Преодолевая страх, с ужасом, закрывъ лицо руками, он проходит первую комнату и, войдя въ следующую, видит протоиерея, отца своего, стоявшимъ ближе к двери. Он держал в рукахъ разогнутую книгу и головою показывал, чтобы и он нашел подобную книгу и развернул ее. В то же время Митрополит, поворачивая листы своей книги, произносит: «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия». При этих словах священникъ въ большомъ страхе проснулся. Его внутренний голосъ далъ объяснение сна, но оно было такимъ ужаснымъ, что ему не хотелось бы с нимъ согласиться.

Объясняя последнее сновидение, старец Амвросий говорит: «Кому показано было это

замечательное сонное видение, и кто слышал тогда многозначительныя слова, тому, по всей вероятности, и внушено было чрез Ангела Хранителя объяснение виденнаго и слышаннаго, как и сам он сознается, что ему внутренний голос объяснял значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о семъ думаем.

«Видение ослепительнаго света от иконы Господа Саваофа, и в следующей затем комнате виденное множество книг и стоящие там съ книгами покойные: Митрополит Филарет и протоиерей М. А., и произнесенныя одним из нихъ слова «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия» могут иметь такое значение: «Во-первых, все, касающееся до сотворения мира, судьбы народов и спасения людей, Господь Вседержитель открыль избраннымъ святымъ мужамъ, пророкамъ и Апостоламъ, просветив ихъ светомъ Своего Божественнаго познания, а ими все это передано людямъ, и написано в Библии, то есть в книгахъ Ветхаго и Новаго Завета.

«Во-вторых, множество других, виденныхъ тамъ книгъ может означать то, что все, сказанное в Библии прикровенно и неясно, объяснено другими избранными от Бога святыми мужами, пастырями и учителями единой, соборной, апостольской, православной Церкви.

«В третьих, что митрополит Филарет и протоиерей М. А. видены были с книгами въ рукахъ, — может означать, что они в продолжении своей жизни поучались о судьбахъ человечества не из простых книгъ человеческихъ (въ которыхъ нередко встрѣчаются мнения неправильныя, вводящія в заблуждение), а из книгъ библейскихъ, и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разуму нию, а какъ объяснено в книгахъ мужей богодухновенныхъ и просвещенныхъ свыше светомъ Божественнаго познания, к чему побуждали и видеваго, чтобы и он на все искалъ объяснение не в простыхъ книгахъ человеческихъ, а в книгахъ святыхъ и богодухновенныхъ отцовъ православной Церкви.

«В четвертых, что протоиерей М. А. стоялъ въ переднемъ углу, который обычно признается молитвеннымъ, может означать, что он не только поучался сказаннымъ образомъ, но и молился о вразумлении свыше.

«В пятых, слова: «Рим, Троя, Египеть» могут иметь следующее значение: «Римъ во время Рождества Христова былъ столицею вселенной и съ возникновениемъ патриаршества имелъ первенство чести. Но за властолюбие и уклонение от истины впоследствии подвергся отвержению и унижению.

«Древняя Троя и древний Египетъ замечательны темъ, что за гордость и нечестие наказаны; первая разорениемъ, а второй — различными казнями и, наконецъ, потоплениемъ фараона с воинствомъ въ Черномъ море. В христіанскія же времена въ странах, где находилась Троя, основаны были две христіанскія патриархія: Антиохійская и Константинопольская, которыя долгое время процветали, украшая православную Церковь благочестиемъ и правыми догматами, но впоследствии, по неведомымъ судьбамъ Божиимъ, подверглись владычеству варваровъ — магометан, и доселе несутъ это тяжкое рабство, стесняющее свободу христіанскаго благочестія и правое рая. А в Египте, вместо древняго нечестія, в первыя времена христіанства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысячъ монашествующихъ, не говоря уже о численности и множестве благочестивыхъ мирянъ, от которыхъ они происходили. Но потомъ, по причине распущенности нравовъ, и в этой странѣ последовало такое оскудение в христіанскомъ благочестіи, что в некоторое время въ Александрии патриархъ оставался только съ однимъ пресвитеромъ.

«В шестых, после трехъ знаменательныхъ именъ, «Рим, Троя, Египеть», помянуто имя и России, которая в настоящее время, хотя и считается государствомъ православнымъ и самостоятельнымъ, но уже элементы иноземнаго иноверія и неблагочестія проникли и внедряются и у насъ и угрожаютъ темъ же, чему подверглись вышесказанныя страны. Затемъ следуетъ слово «Библия». Другого еще государства не помянуто. Это может означать, что, если и

в России, ради презрения заповедей Божиих и ради ослабления правил и постановлений православной Церкви и ради других причин, оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, т. е. в Апокалипсисе Иоанна Богослова.

«Справедливо видевший это сновидение замечает, что объяснение, которое ему внушает внутренний голос, ужасное. Страшно будет второе пришествие Христово, и ужасен последний судь всего мира, но не без великих ужасов будеть перед тем и властительство антихриста, какъ сказано в Апокалипсисе: и в тыя дни възшуть человецы смерти, и не обрящут ея, и вожделеють умрети, и убежит от них смерть. (Апокал. 9, 6) Приидет же антихрист во времена безначалія, какъ говорит Апостол: точно держай ныне, дондеже от среды будет, ([2 Сол. 2:7](#)) т. е. когда не будеть предержажщей власти». (Жизнеописание оптин. старца иеросхимонаха Амвросія. Приложения III-XI. М. 1900)

Имя великаго старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха о. Амвросія пользовалось огромнымъ духовнымъ авторитетомъ в русскомъ обществе во всехъ его слояхъ, начиная с крестьянской хижины и кончая царскимъ дворцомъ. Когда благочестивые люди приезжали из Оптиной пустыни к о. Иоанну Кронштадтскому и передавали последнему привѣтъ от о. Амвросія, то онъ в отвѣтъ говорил: «О, великій старецъ, земной поклонъ ему от меня!» Старца о. Амвросія посещали и знаменитые русские люди, в числѣ которыхъ былъ и Ф. М. Достоевскій. (Былъ у о. Амвросія и Л. Толстой. После долгой бесѣды со старцемъ, даже онъ — богоборецъ, отзывался об о. Амвросіе, какъ о весьма мудромъ человеке.) Имя о. Амвросія чтилось далеко и за пределами нашего отечества. Онъ наделенъ былъ от Бога величайшими благодатными дарами Божественнаго веденія, разсужденія, прозорливости, любви, утешенія и целенія недуговъ. К его словамъ благочестивые современники относились, какъ к исходившимъ из устъ Самого Бога, и потому онъ былъ для нихъ Божественнымъ и спасительнымъ руководствомъ. Таковымъ онъ долженъ быть для насъ и ныне, темъ болѣе, что мы вместе с Россіей переживаемъ небывалыя бедствія и не видимъ человѣческихъ средствъ для ея спасенія.

Да, приведенныя слова о. Амвросія слишкомъ болезненны для нашего сердца: они могутъ привести насъ къ печальному выводу относительно дальнейшей судьбы нашего отечества. Конечно, истолковательныя слова о. Амвросія, какъ исшедшія изъ его благодатно-просвещеннаго разума, должны исполниться. Вся сущность вопроса заключается только в томъ — когда последуетъ исполненіе этихъ словъ, в данный ли періодъ времени, или же Россія возстанетъ, возродится, а погибнетъ предъ кончиною мира, какъ это явствуетъ изъ истолковательныхъ словъ о. Амвросія.

Будемъ веровать, что моментъ конечной гибели нашей родины еще не насталъ, ибо мы имеемъ пророчество величайшаго угодника Божіяго св. Серафима Саровскаго о томъ, что Россію, ради чистоты православія, ею исповедуемаго, Господь помилуетъ отъ всехъ бедъ и она будетъ существовать до скончанія века, какъ сильная и славная держава. Къ этой чистотѣ своей веры русский народъ безусловно возвращается, несмотря ни на какія кровавыя гоненія, имъ переживаемыя. Ее онъ свидѣтельствуетъ своими великими исповѣдническими и мученическими подвигами. Очевидно, Господь возстановитъ Россію, и она вновь сдѣлается великой и будетъ самымъ могущественнымъ оплотомъ в мирѣ для грядущей борьбы с самимъ антихристомъ и всеми его полчищами.

В такомъ случаѣ на истолковательныя слова о. Амвросія мы можемъ смотреть, какъ на грозный предостерегающій урокъ, или спасительное руководство, которое побуждаетъ насъ всеми нашими силами стремиться къ правой верѣ и благочестію, а в отношеніи нашей родины усердно молиться, чтобы Господь скорѣе освободилъ ее отъ богоборческой власти и возстановилъ в ней предержажщую царскую самодержавную власть, какъ источникъ ея возрожденія.

Впрочем, мы вместе с зарубежной русской Церковью и нашими братьями, страдающими в России, усердно возносим эти молитвы и в силу собственной потребности своего сердца. И один этот факт уже свидетельствует о том, что для Церкви далеко не безразлично, будет ли Россия и впредь возглавляться богоборческой властью.

Точно так же не безразлично для Церкви, будет ли в России после советской власти государственной формой правления не царская самодержавная власть, а конституционная или республиканская, что то же — власть народа или толпы. Православная Церковь не может предпочесть власт народа царской власти по той причине, что народоправство не есть Богоустановленная власт, ее нельзя отнести къ той, о которой сказал Ап. Павел: несть бо власт, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть. ([Рим. 13:1](#)) Говоря эти слова, Апостол имелъ в виду форму существующей («сущей») в его время власти, т. е. царскую самодержавную, или единодержавную власт и все ея разветвления въ лице отдельных начальников, подчиненных царю. Вот почему он просит Ап. Тимофея совершать молитвы, моления, благодарения прежде всего за царя и за всех начальствующих, чтобы провождать тихую и безмятежную жизнь во всякомъ благочестии и чистоте. ([1 Тим. 2:1—2](#)) Только эту царскую власт имеет в виду и другой величайший Апостол Петр, когда призывает христиан ей повиноваться, говоря: повинитесь убо всякому человеку созданию (т. е. всякому, по словам М. Филарета, от Бога устроенному над человеками начальству) Господа ради, аще царю, яко преобладающе: аще ли же князем, яко от него посланным, во отмщение убо злодеем, в похвалу же благодетелем. ([1 Петр. 2:13—14](#))

Совершенно напрасно под апостольскими словами: несть бо власт, аще не от Бога, некоторые подразумевают, наряду с царскою единодержавною властью, власт республиканскую и конституционную. (Несколько лет назад въ русской заграничной прессе был напечатан рядъ статей, в которых даже советская власт признавалась богопоставленной.) Самый текст апостольскаго учения о власти свидетельствует, что здесь все время говорится только о царской самодержавной власти.

За это говорит и здравый смысл: как могли Апостолы разуме ть под Богопоставленной ту власт, которая царскую Богопоставленную власт ниспровергает. А республика есть ниспровержение монархии, даже посредствомъ всякаго насилия, вплоть до кроваваго террора. (Л. Тихомиров. Монархич. государ., ч. 1, стр. 103—104)

Нельзя иначе, как ниспровержениемъ Богоустановленной самодержавной монархической власти назвать и конституцию. Правда, здесь личность монарха сохраняется, но власт захватывается народом, как в республике, чемъ фактически уничтожается Богоустановленный монархический принцип и создается неестественное и тяжелое положение царя, при котором он «царствуетъ», но не управляет. (Ibid., стр. 47—48)

Очень хорошо выявляет несостоятельность такого положения, а вместе с ним и конституционно-государственнаго строя, царь Иоанн Грозный. В ответ на порицание его поступков кн. Курбским, какъ несоответствующих, по свидетельству последняго, народному праву других стран, Иоанн Грозный писал ему: «О безбожныхъ человецех что и глаголати! Понеже тии все царствиями своими не владеют: как им повелять подданные («работные»), так и поступают. А российские самодержавцы изначала сами владеютъ всеми царствами (т. е. всеми частями царской власти), а не бояре и вельможи... Если бы у вас, — говорит Иоанн Грозный Шведскому Королю, — было совершенное королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля въ товарищах не были бы». По словам Грознаго, Шведский король «точно староста в волости». А Польскому королю Стефану Баторию чрез его послов тот же русский Государь заявил: «Мы, смиренный Иоанн, Царь и Великий Князь всея Руси, по Божиему изволенію, а не по многмятежному человеческому хотению». (Л. Тихомиров. Монархич.

государ., ч. III стр. 42 43; 1923 г)

Таким образом, как власть республики, так и конституционной монархии, одинаково, не только не являются Богоустановленной властью, но самое их бытие начинается с ее отрицания. Ясно, что не Божественная воля, выраженная в Св. Писании, а человеческая многомятежная, греховная воля с открытым ниспровержением Богооткровенного и святоотеческого учения о царской самодержавной власти лежит в основе республиканского и конституционного строя.

Поэтому св. Церковь наша не может закрыть своих глаз на отсутствие религиозной основы в демократическом образе правления. Следовательно, она не может быть безразлична к будущему политическому строю нашей страны. Иначе сказать: св. Церковь не может желать водворения в России республиканского или конституционного строя. Она может содействовать восстановлению у нас только исконного государственного строя, каковым была всегда единоличная великокняжеская или царская самодержавная власть Помазанника Божияго, как власть самая близкая к Церкви и родственная ей, ибо она имеет своим основанием Божественное Писание и святоотеческое учение, что является источником и нашей православной веры.

Не может наша Церковь с безразличием отнестись к появлению в будущей России, вместо царской самодержавной власти, той или другой формы демократического правления и по той причине, что конституция и республика не соответствуют религиозно-нравственному идеалу русского народа. Этот идеал, как видели мы, состоит в устремлении русских людей к святости, что то же, к единению со Христом чрез правую веру и любовь со всеми ее христианскими добродетелями. Эта вера и эта любовь, о чем мы говорили выше, были отличительными свойствами русского народа, чем поражали они иностранцев. Эти религиозно-нравственные черты были доминирующими в жизни русского народа до Петра I, показывая, с какой силою стремились русские люди того времени к своему идеалу — или к осуществлению своего, Богом данного ему, высшего предназначения, вследствие чего над ними исполнялись слова Христа: вы есте соль земли, вы есте свет мира; тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на Небесех. ([Мф. 5:13—14, 16](#)) В этом идеале было заложено земное счастье и вечное спасение русского народа, а также его мировая религиозно-нравственная миссия.

Но это «святое святых» русского народа не имеет ничего общего с конституционной и республиканской формой правления. Здесь человеческая личность не может найти поддержки в осуществлении своих высших религиозно-нравственных запросов. Здесь самым главным делом является политическая партийная борьба не на живот, а на смерть, и с точки зрения этой борьбы расценивается личность, которая с ее духовными интересами совсем не нужна демократическому строю, а нужна, как механическая частица государственной машины, как количественная сила. И это понятно. Демократическое государство управляется не этическим, а юридическим началом. (Л. Тихомиров. Монархич. государ., ч. II, стр. 83) А юридический закон, как выразился Пушкин, есть дерево и весьма далек от высших стремлений человеческой личности. Высшим благом здесь является воля народа, для которой не обязательны нравственные начала. (Л. Тихомиров. Монархич. государ., ч. III, стр. 150) И так как демократическое государство основано на количественной силе, то нравственная сила ему даже враждебна. (Ibid., ч. II, стр. 316—317)

Ясно, что конституционный и республиканский государственный строй не может иметь какого бы то ни было соответствия самому высшему влечению русского народа, его религиозно-нравственному идеалу.

Зато монархия в России, как нельзя лучше, соответствует этой идеологии; о чем уже

говорит самое назначение монархической верховной власти, которое состоит в том, чтобы монарх был представителем идеала народной жизни и направлял государственную деятельность сообразно этому идеалу. (Ibid., ч. II, стр. 203)

Как мы уже говорили, это монархическое свое назначение осуществлялось великим князем, а затем царем и на деле. Царь и в своей личной жизни, и в государственной деятельности был выразителем народного идеала. (Конечно, мы не имеем в виду Петра I и Екатерину II) Являясь первым и верным сыном Церкви, он был и покровителем русского народа в удовлетворении его высших религиозных потребностей, будучи в то же время в других областях его жизни по преимуществу олицетворением милости и отеческой любви. В нем человеческая личность подданных находила могущественную поддержку и удовлетворение во всех ее духовных порывах и высших ценностях.

А так как для русского народа духовная сторона его жизни была дороже всего на свете, то отсюда будет понятно, почему русский народ относился с такою великою любовью к своим монархам, всецело им доверялся, отличался беззаветною им преданностью, до готовности полагать за них свою жизнь, и свято охранял права их царской самодержавной власти.

Интересно отметить, что эта преданность русских людей своему царю и царской самодержавной власти не могла поколебаться даже в период смутного времени. А между тем, тогда для русских людей могло быть очевидным умаление авторитета царской власти, которая не могла предотвратить смуты и справиться с нею. Ясно было и то, как омрачена была в сознании народа самая монархическая идея деяниями самозванцев-авантюристов.

Но в допетровскую эпоху русский народ в целом был не тронут в своей вере, он не изменял еще своей идеологии. Поэтому, в то время, как бояре, пользуясь кризисом царской власти, делали попытки ограничить ее — сначала в отношении Василия Шуйского, а затем Михаила Феодоровича, чему благоприятствовало и проявление демократических начал казачьей вольницы, русский народ свято оберегал права царского самодержавия. Постепенно, при посредстве земских соборов (1620—1625 г.г.) он уничтожил все поползновения ограничить власть царя Михаила, как и самые ограничения, которых успели достигнуть бояре. (Ibid., ч. III, стр. 52—55)

Движимый православною верою, русский народ во всех всероссийских бедствиях смутного времени винил не царскую власть, а себя самого. Вот почему он каялся пред царем Михаилом и торжественно клялся ему, давая обещание исправиться. (Л. Тихомиров. Монархич. государ., ч. III, стр. 206—208)

Этот факт является весьма знаменательным. Он показывает, что никакие несчастья смутного времени не могли разлучить русский народ с царем и изменить его взгляда на него, как на своего самодержавного повелителя, как на священного и неприкосновенного главу своего, как на Помазанника Божияго.

Но когда православная вера стала расшатываться в русском народе, то соответственно с этим начал изменяться и взгляд его на царя и его власть. В данном случае нельзя не отметить возстания декабристов, бывшего в 1825 году и имевшего своею целью уничтожение у нас самодержавного строя. Это возстание также является знаменательным фактом, только весьма прискорбным. Оно показало, что в русском народе стало меркнуть русское мирозерцание и религиозно-нравственный идеал его стал заменяться политическим идеалом. Здесь причина изменения взгляда русских людей на царскую самодержавную власть.

И чем больше отходил русский народ от своего религиозно-нравственного идеала, тем сильнее и сильнее заявляло себя в русском обществе конституционное и даже республиканское движение, которое вылилось у нас в «освободительное движение» и окончилось свержением царя и гибелью России.

Несомненно Господь наказал русский народ за его удаление от Него, за то, что он заменил свой религиозно-нравственный идеал, к которому был призван Богом, политическим идеалом с его стремлением к учреждению в России демократического строя, к чему русский народ никогда Богом не призывался.

Несомненно также и то, что за наше покаяние и за великия страдания русскаго народа и за то, что онъ среди всех своих небывалых бедствий сохраняет православную веру, Господь помилуетъ его и дарует нам опять Россию. Но чтобы возродить ее, мы должны опять вернуться к своему религиозно-нравственному идеалу и на основании его возсоздать царскую самодержавную власть.

Итак, не трудно отсюда понять, почему наша св. Церковь не может не содействовать учреждению въ России только исконнаго царскаго самодержавнаго строя, и почему она должна отвращаться отъ появления в России демократических формъ правления, как совершенно чуждых и несоответствующих религиозному идеалу русскаго православнаго народа.

Но не в одном только этом несоответствии заключается суть дела. Демократическия формы правления не только далеки от религиозной русской идеологии, но и враждебны ей. Поэтому, если та или другая демократическая власть установится в России, то Церковь будет поставлена в положение гонимой, т. е. тогда произойдет, если не юридическое, то фактическое отделение Церкви от государства. Это будет означать, что Церковь окажется без помощи со стороны государственной власти и будет поставлена в такія условия своего существования, которыя должны повлечь за собою крайне угнетенное ея положение.

Не надо забывать, что демократических формъ правления у нас требовали представители либерализма, в особенности, его крайнихъ направлений, которые не только совсем порвали съ религиозно-нравственным идеалом русскаго народа, но сделались непримиримыми врагами нашей Церкви.

С другой стороны, будем помнить, с какою ревностію, вместе с Достоевским, отстаивали наш исконный царский самодержавный строй М. Филарет Московский, Еп. Феофан Затворник, о. Иоанн Кронштадтский, о. Амвросій Оптинский и весьма многие достойнейшіе представители православной Церкви и св. нашей Руси. Они открыто осуждали стремление к введению у насъ демократическаго государственнаго строя, ибо хорошо сознавали, что этим воспользуются все враги России, чтобы погубить св. Церковь нашу, а вместе с нею и всю св. Русь.

Вне всякаго сомнения, на отделение Церкви отъ государства русская безбожная интеллигенція во главе с ея руководителями-масонами смотрела, как на главное средство борьбы с Церковію. «Борьба против Церкви,— по свидетельству исследователей масонства,— кончится, когда отделение Церкви от государства станетъ совершившимся фактом, когда Церковь станетъ частным обществомъ». (Нис: «Основныя черты современнаго масонства». Стр. 4)

Таким образом, отделения Церкви отъ государства желали явные враги православной Церкви, как средства ея уничтожения. Но къ осуществлению сего желанія стремятся и скрытые враги Церкви, которые лицемерно, под предлогомъ своих, якобы, забот о благе ея, — в целяхъ приобретения ею полной свободы и независимости от государственной власти, проповедаютъ отделение Церкви от государства.

Конечно, это осуществимо только при введении въ России демократическаго строя, ибо мнение, что отделение Церкви от государства допустимо и при монархической самодержавной власти в России, является абсурдным. Истинный самодержавный монарх не может согласиться на это отделение, ибо самое главное его назначение заключается въ том, что он есть слуга Божий и покровитель Церкви, а не враг ея.

Поэтому отделение Церкви от государства могут у нас провести, по освобождении России, только враги ея, и притом, по учреждении в ней того или иного демократического строя правления, в котором заложена гибель нашей Церкви.

Отсюда ясно, что Церковь не может быть безразличной к тому, какой государственный строй будет в России; она может ради своего собственного блага и ради возрождения своей родины стремиться к восстановлению в ней только одного государственного строя — самодержавной власти царя Помазанника Божияго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Призыв к восстановлению в будущей России истинного самодержавия на основе симфонии властей. Толкование теории симфонии. Ее осуществление в Византии и России.

Будем и мы вместе с нашей Церковью стремиться к получению от Бога этой величайшей Его милости. Но будем всемерно содействовать тому, чтобы самодержавная царская власть была не абсолютистской и деспотической, а истинной монархией. Таковую она и явится, если будет ограничена Церковью в смысле такого к ней отношения, при котором царская власть будет руководиться законами Божественного Писания и св. каноническими правилами. Иначе сказать, истинная самодержавная царская власть та, которая относится к Церкви на основе симфонии властей.

Теория этой симфонии, взятой из II-й новеллы Юстиниана, изложена в Славянской Кормчей, (Православная русская Церковь управлялась на основании греческого Номонорена (называвшагося позднее Кормчею книгою), принесеннаго в Россию из Царьграда вместе с православною верою) в начале 42-й главы. Здесь говорится: «Великая паче иных, иже въ человецех есть дара Божия, от Вышняго дарована человеколюбия Божия, священство же и царство; ово убо Божественным служа сеже человеческими владея и пекийся: от единого же тогожде начала обоя происходят человеческое украшающее житие, якоже ничтоже тако бывает поспешение царству сего ради, якоже Святительская честь: о обоихъ самех тех присно вси Богови молятся: аще бо они непорочни будут во всем и к Богу имуть дерзновение и праведно и подобно украшати начнут преданные им грады, и суще под ними будет согласие некое благо, во еже добро человечестей даруя жизни».

Мы поэтому имеем величайшую заботливость о сохранении истинных догматов и о почитании священства; ве рим, что при почитании его Богъ пошлет величайшия нам блага, утвердит те, которыя уже имеем, и мы приобретем те, которыхъ еще не было до сих пор. Все хорошо идет, если принцип дела правилен и приятен Богу.

«Сему быти веруем, аще священных правилъ блюдение сохранится; их же праведно похваляемии самовидцы Божию славу предаша Апостоли и святии отцы сохраниша же и заповедаша». (М. В. Зызыкин. Профессор Варшавск. Университета. «Патриархъ Никон. Его государственныя и каноническия идеи», ч. I , стр. 85. Варшава, 1931 г. Сравн. ч. I I , стр. 10)

Итак, в начале настоящей симфонии властей указывается, как самая первая мысль, — о различии священства и царства. По терминологии восточных иерархов, здесь слово священство взято, как часть вместо целого, почему подъ словом священство надо вообще разуметь Церковь. Как видно из текста симфонии, это различие выражается в том, что Церковь служить Божественному, небесному, а государство — человеческому, земному. Это различие полагается здесь во главу угла, ибо симфония властей должна исходить из отличия Церкви от государства, въ особенности в представляющих их властях: церковной и царской. Если этого отличия не будет, то о симфонии не может быть и речи. Тогда, при слиянии двух властей в одну, произойдет или цезарепапизм, или папоцезаризм.

Истина о существовании на земле Церкви и государства, как учреждений различных другъ от друга, со своими различными властями, является бесспорной. Она коренится в словах Христа: Воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови, ([Мф. 22:21](#)) и в словах Ап. Павла о суде Церкви, который он противопоставляет суду государства. ([1 Кор. 6:1—7](#))

О ней свидетельствует 30-е Апостольское правило и 3-е правило III Всел. Собора, запрещающия получать епископскую власть чрез светскихъ начальников; а также правила: 11, 6, 12 Антиохийскаго и 117 Карфагенскаго Соборов, запрещающия клирикамъ обращаться в

светския судилища.

Истина о данном различии явствует и из учения св. отцов, которые не только говорили о различии Церкви и государства, но и о превосходстве первой над последним, конечно, в духовном отношении, поскольку небесныя блага, даруемыя чрезъ Церковь, важнее благъ земныхъ, получаемыхъ отъ государства. Вотъ почему св. Иоаннъ Златоустъ говоритъ, что «священство настолькоъ превосходить царство, насколько духъ превосходитъ тело. Духовная власть Церкви поднимается надъ светскою более, чемъ небо надъ землей». (Слово о священстве) «Законъ Христовъ, — говоритъ св. Григорій Богословъ въ своемъ 17-мъ словѣ, — подчинилъ васъ (владыкъ земныхъ) нашей власти и нашему суду, ибо и мы также владычествуемъ, и наша власть даже выше вашей. В самомъ деле, разве духъ долженъ преклоняться предъ матеріей, небесное предъ земнымъ». «Не императорамъ, — учитъ св. Иоаннъ Дамаскинъ, — дана власть связывать и разрешать, но Апостоламъ, преемникамъ, пастырямъ и учителямъ».

Объ этой истинѣ, наконецъ, говоритъ и то обстоятельство, что православная Церковь съ самыхъ апостольскихъ временъ имеетъ свое собственное законодательство, свое управление и свой судъ наряду съ такими же учреждениями въ государствѣ.

Впрочемъ, не эта мысль изложенной теории объ отличіи Церкви отъ государства должна въ особенности остановить наше вниманіе. Намъ интереснее знать — въ чемъ должно состоять самое согласіе или самая симфонія Церкви и государства, частнее — государственной и церковной власти? Какъ мы видели, эта симфонія со стороны императоровъ выражается въ сохраненіи догматовъ и почитаніи священства, въ чемъ они полагали самую главную свою заботу и за что они ожидали отъ Бога величайшихъ благъ.

Такимъ образомъ, въ силу этой симфоніи византійскіе императоры прежде всего дѣйствовали, какъ Божественныя стражи и охранители православной веры, оказывая Церкви свое покровительство въ ея борьбѣ съ еретиками. Эта дѣятельность ихъ принесла Церкви необъятную по своему благотворному значенію услугу въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ, где, по низверженіи еретическихъ ученій, были составлены православныя догматы.

Самыя Вселенскія Соборы могли бы не состояться, если бы византійскіе императоры не принимали такого ревностнаго участія въ дѣлѣ борьбы Церкви съ ересями, и не смотрѣли на эту борьбу и на установленіе догматическихъ истинъ, какъ на первую свою заботу и на главное свое государственное дѣло. «Я до сихъ поръ, — говоритъ св. Константинъ Великій по случаю донатовой ереси, — не могу стать вполне спокойнымъ, пока все мои подданные, соединенные въ братскомъ единеніи, не будутъ воздавать Всесвятейшему Богу истинно-умнаго поклоненія, предписываемаго кафолическою церковью». (Проф. Кургановъ. «Отношенія между церковною и гражданскою властью въ Византійской Имперіи». Казань 1880 г.; стр. 39—41) В рѣчи императора Константина отцамъ Никейскаго Собора мы находимъ такіе слова: «После того, какъ при помощи Бога Спасителя мы разрушили тиранию безбожниковъ, выступавшихъ открытою войною, — пусть духъ лукавый не осмѣливается нападать хитростію и коварствомъ на нашу св. веру. Я вамъ говорю изъ глубины сердца: внутреннія разногласія въ Божіей Церкви въ моихъ глазахъ страшнее всехъ сраженій... Извѣстіе о вашихъ разногласіяхъ повергло меня въ глубокую скорбь.. Служители Бога мира, возродите среди васъ тотъ духъ любви, который вы должны внушать другимъ, заглушите всякія семена раздоровъ». (Лебо. *Histoire du Bas Empire*, т. I, стр. 255—256. *Монархическая государственность*, ч. II, стр. 54—55)

Характерна въ данномъ случаѣ и рѣчь императора Маркиана, которую онъ произнесъ на II Халкидонскомъ Вселенскомъ Соборѣ. «Когда Божественнымъ опредѣленіемъ, сказалъ онъ, мы избраны были на царство, то между столькими нуждами государства не занимало насъ такъ никакое дѣло, какъ то, чтобы православная и истинная вера христіанская, которая свята и чиста, пребывала безсомнительной въ душахъ всехъ... Поэтому мы позаботились созвать съ этимъ именно

намерением святый собор и, кажется, показали вам свое старание, чтобы, очищенная отъ всякаго заблуждения и мрака, как благоволило Божество открыть себя людям и показало учение отцов, вера наша... внедренная в умы всех, сияла блеском своей славы». (Деяния Вселенск. Соборов, т. II, ч. 2. Казань, 1908 г., стр. 54)

Только общепризнанный для подданных авторитет византийских императоров, их твердая и общеобязательная верховная власть могла обеспечить ход соборных заседаний до благополучнаго конца, чему, какъ свидетельствуютъ деяния III Вселенскаго Собора, (Деяния Вселенских Соборов, т. II, 1902 г) всячески мешали еретики и те смуты, которыя они возбуждали, в особенности к моменту этихъ заседаний при обсуждении их еретических учений.

Нельзя было обойтись без покровительства государственной власти для борьбы с еретиками и по окончании того или другого Вселенскаго Собора, даже после утверждения соборных постановлений императорскою властью. Еретики продолжали упорно отстаивать свое лжеучение и смущали народъ открытою еретическою проповедью. Некогда св. Лев Папа Римский писал императору Маркиану: «Мне стало известно, что хотя нечестивый Евтихий по его заслугам находится в ссылке, но в самом месте своего осуждения он еще отчаяннее разливаетъ многие яды злохулений противъ кафолической чистоты, и, чтобы уловить невинных, с величайшимъ безстыдствомъ изрыгаетъ то, чего в нем весь мир ужаснулся и осудил. Итак, я нахожу полное основание, чтобы ваша милость повелела переправить его в более отдаленныя и уединенныя места». (Деяния Вселенских Соборов, т. II, ч. 11, стр. 182)

И византийские императоры пресекали это дальнейшее распространение ересей среди верующих своими распоряжениями. В указе императоров Валентиниана и Маркиана по этому поводу сказано: «По нашему повелению собрались в г. Халкидоне почтенные епископы и ясными определениями научили, что должно соблюдать относительно богопочтения. (Здесь имеется в виду определение II Вселен. Халкидонскаго Собора о наличии в Иисусе Христе двухъ естеств — Божескаго и человеческого, которымъ опровергалось учение монофизитской ереси о наличии во Христе только одного Божественнаго естества.) Итак, пусть прекратится невежественная распря, ибо поистине нечестив и святотатецъ тот, кто, после решения столькихъ епископов, предоставляет что-нибудь собственному мне нию для изследования... Итак, на будущее время, пусть никакой клирик или военный, или какого-либо другаго звания не осмеливается заводить общенародно, в присутствии собравшейся и слушающей толпы, разсуждения о христіанской вере, изыскивая в том поводовъ к безпорядкамъ и зловерию... Не минуетъ наказание презирающихъ этотъ законъ». (Деяния II Вселенскаго Собора, стр. 169)

О том же пресечении государственною властью дальнейшаго распространения еретическихъ учений говорится и в указе императора Маркиана. (Ibid., стр. 170—171)

В этомъ направлении былъ изданъ византийскимъ императоромъ Константиномъ Погонатомъ, ревностнейшимъ приверженцемъ православной веры, вердиктъ (Ibid., том II, стр. 8, Казань, 1908 г) противъ монофелитской ереси после II В. Собора, имъ созваннаго. «После того, какъ все сие такимъ образомъ постановлено (Касательно православнаго учения, что в Иисусе Христе две воли и два естественныхъ действия, в противовесъ монофелитскому еретическому учению, утверждавшему, что во Христе одна воля, сообразная одному Божественному естеству) настоящимъ шестымъ Вселенскимъ Соборомъ (и утверждено подписью нашей державы),— говорится здесь,— повелеваемъ, чтобы никто не предпринималъ чего-нибудь другаго относительно веры, или не придумывалъ новой выдумки въ догмате, или вообще не развивалъ учения, или не заводилъ речи об одной воле и одномъ действии... Если кто презритъ настоящее наше благочестивое объявление, тот, если он епископ или клирик, или одетъ в монашеское одеяние, подвергнется извержению, если же состоитъ в чине должностныхъ лицъ, будетъ наказанъ конфискаціею имущества и лишениемъ пояса, если же находится в состояніи частнаго человека,

будет осужден на изгнание из сего царствующаго и вообще всякаго нашего города и, сверх всего этого, не избежать наказания от страшнаго и праведнаго суда». (Деяния Вселен. Соборов, т. II, стр. 254)

И не одно только упорство еретиков в своихъ лжеучениях побуждало Церковь искать покровительства и защиты у императорской власти. Это упорство соединялось у еретиков с крайнимъ насиліем, вплоть до уголовных преступлений, которыя они совершали в отношении православныхъ людей. (Извѣстно, что во время разбойническаго собора, бывшаго в 449 г., его председатель патриархъ Александрийскій монофизитъ Диоскоръ собственноручно избил до смерти Константинопольскаго Патриарха Флавиана. При его содействіи были совершены и другія убійства. (Деянія Всел. Соборов, т. III. Казань, 1908 г., стр. 241—242).

Великим преступникомъ оказался и другой последователь монофизитской ереси Евтихія — Феодосій. Он с толпой обманутых имъ людей напал на Иерусалим, производил там пожары, убійства почтенныхъ мужей, разбилъ темницы, освободил преступников, чрез подосланную чернь пытался убить Иерусалимскаго Патриарха Иувеналія, убил Скифопольскаго Епископа Севериана и совершил много другихъ гнусных и преступныхъ деяній, чемъ вынудил императора послать противъ него и его разбойническаго отряда войска во главе с знаменитымъ военачальникомъ Дорофеемъ (Деянія Всел. Соборов, т. II, стр. 171—177).

Еще более насилій было совершено еретиками донатистами. Донатисты — последователи Доната, епископа нумидійскаго, который при избраніи Цицилиана в 311 г. отказался признать его за то, что он во время гоненія принужденъ былъ выдать язычникамъ священныя книги для истребленія. Донат назвалъ его отступникомъ и образовалъ свою секту. Он проповѣдывалъ второе крещеніе надъ теми, которые вступали хотя бы из среды православныхъ в его секту. В фарисейскомъ самомнѣніи его последователи считали себя святымъ обществомъ и отделились от Церкви, какъ греховнаго общества. Последователи Доната господствовали в христіанскихъ провинціяхъ северной Африки и в 330 г. уже имели 172 епископа. Въ 348 г. они напали на императорское войско, выступившее противъ нихъ для обращенія, и въ продолженіе 30-ти летъ опустошали Мавританію и Нумидію. Занимались грабежомъ и разбоемъ и подвергали пыткамъ техъ, которые не принадлежали къ ихъ еретическому сборищу. (С. В. Булгаков. Настольная книга для священно-церковно служителей. Изд. 3. Киев, 1913 г., стр. 1614.))

Отсюда понятно, почему Карфагенскій Собор, какъ это видно из его 104-го правила, обратился къ императорской власти с просьбой о вооруженной помощи противъ еретиковъ-донатистов. Но отсюда явствуетъ и то, почему II-й Халкидонскій Вселенскій Собор, с выраженіемъ своей великой признательности за оказанныя императорами Валентиніаномъ и Маркианомъ услуги Церкви в дѣлѣ защиты и торжества православія, писалъ имъ: «Для сильныхъ болезней нужны и сильное лекарство и мудрый врачъ. Поэтому-то Господь всехъ приставилъ ваше благочестіе къ страданіямъ вселенной, какъ наилучшаго врача, чтобы вы исцелили ихъ приличными лекарствами, И вы, христіаннейшіе, принявши божественное опредѣленіе, предъ всеми другими приложили приличную заботливость о Церкви, предписывая первосвященникамъ врачество согласія. Ибо, собравъ насъ отовсюду, вы употребили все средства, чтобы уничтожить случившееся разногласіе и укрепить ученіе отеческой веры». (Деянія Вселенскихъ Соборов, т. III. Казань, 1908, стр. 280)

Вотъ в чемъ, по тексту II-ой новеллы Юстиніана, прежде всего, должна выразаться симфонія властей со стороны императорской власти по отношенію къ Церкви. Поддержаніе Православной веры в ея догматахъ — это самая первая забота императоровъ.

Но, какъ мы видели, теорія симфоніи требуетъ, чтобы византійскіе императоры с такою же величайшею заботливостію поддерживали и все другія проявленія церковной жизни, что обозначено в текстѣ теоріи симфоніи словами: «о почитаніи священства», т. е. Церкви. Под

этими проявлениями жизни Церкви, конечно, надо разуместь прежде всего власть иерархии, в почитании коей симфония даже видит наибольший успех в процветании царства, канонические законы Церкви и, наконец, имущественное благоденствие Церкви при содействии особых гражданских узаконений.

Что касается церковной власти, то ее самостоятельность сознавалась всеми византийскими императорами и, хотя не всегда, но признавалась ими неприкосновенной, которой и они сами в делах веры и нравственности должны были подчиняться. В своей речи епископам на Первом Вселенском Соборе Константин Великий говорил: «Бог поставил вас священниками и дал вам власть судить мои народы и меня самого; поэтому справедливо, чтобы я подчинился вашему приговору; мне и в голову не придет желать быть судьей над вами». (Проф. М. В. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. I-я. стр. 266) А византийский император Маркиан в своей речи епископам на II Вселенском Соборе сказал: «Мы для утверждения веры, а не для показания какой-либо власти, восхотели, по примеру благочестиваго государя Константина, присутствовать на Соборе». (Деяния II Вселен. Собора, т. II, стр. 54)

Самый процесс заседаний на Вселенских Соборах показывает, что византийские императоры признавали власть Церкви от них независимой. Они не были председателями Соборов, не участвовали в решении соборных вопросов, их присутствие на них не было даже обязательным, а их комиссары, бывшие на Соборах, не оказывали никакого давления на церковное решение. Разумеется, их предложения, как представителей императорской власти, имели большое значение, но не настолько, чтобы ими предвосхищалось то или другое соборное постановление. Эти предложения поступали только на обсуждение Собора, на его благоусмотрение, причем он мог даже не делать их предметом своего обсуждения. (Деяния II Вселенскаго Собора, стр. 215)

По свидетельству Иоанна Епископа Смоленскаго, участие императоров на Вселенских Соборахъ было покровительственным, внешним, имевшимъ своею целью «соблюдение порядка, мира и церковнаго благочиния, тогда как только епископы решали религиозные вопросы в качестве Богопоставленных судей... последнее слово всегда оставалось за Церковью». (Проф. М. В. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. 1, стр. 258)

По поводу всего сказаннаго нами об отношении императоров к Вселенским Соборам следует заметить, что на этих Соборах церковная власть проявлялась, как законодательная, как власть высшаго управления всею Церковью и как власть судебная. Следовательно, признавая решения Вселенских Соборов от себя независимыми, императоры тем самым считали власть Церкви неприкосновенной во всех функциях церковной жизни.

Во исполнение идеи симфонии властей о почитании Церкви, императоры считали такими же неприкосновенными и все установленные властью Вселенских Соборов св. каноны. Они смотрели на них, как на священные законы, которым должны были подчиняться все члены Церкви, не исключая и их самих. Эти каноны были в их глазах неизмеримо выше гражданских законов, и они считали для себя священною обязанностью согласовать последние с первыми, заботились о том, чтобы гражданские законы не противоречили церковным, и только тогда считали их имеющими силу.

Так, в одном из постановлений императора Юстиниана сказано: «Церковные законы имеют такую же силу в государстве, как и государственные: что дозволено или запрещено первыми, то дозволяется или запрещается и последними. Посему преступления против первых не могут быть терпимы в государстве по законам государственнымъ».

А в 131-й новелле того же императора Юстиниана указывается, что такими канонами, с которыми должны согласоваться гражданские законы, признаются — правила Вселенских Соборов и все, ими утвержденное, то есть правила св. Апостолов, поместных Соборов и св.

отцов. Кодекс Юстиниана считает императорский закон, по внутренним делам Церкви противный церковным канонам, не имеющим силы. (Проф. М. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. 1, стр. 72)

Точка зрения о согласии закона и канона была постоянным принципом в государственном законодательстве Византии. Поэтому в Эпанагоге (Система Эпанагоги императора Василия Македонянина — памятник IX века, в которой на основании симфонии властей решается вопрос об отношении Церкви к государству, и идеи которой вошли в последующие памятники, например, в Синтагму Матвея Властаря. (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. 1, стр. 80, 313.)) говорится, что противоречащее правилам Церкви не должно быть допускаемо, в силу чего император Левъ Философ сделал постановление об отмене всех законов, противоречащих канонам. (Тихомиров. «Монархическая государственность», ч. I I, стр. 64—65)

Такое отношение византийских императоров к церковной власти и установленным ею священным законам побуждало их, наконец, заботиться и о материальном благоденствии Церкви. История христианской Церкви сохранила до наших дней известие о том богатейшем «дарении св. Константина Великаго», которое он сделал св. Сильвестру Папе Римскому после того, как онъ был им крещен и одновременно исцелен отъ своей болезни. Помимо других важнейших привилегий, св. Константин дал Папе свой собственный дворец в Риме, именуемый Латеранским, и весь город Рим и провинцию с западными областями, а свой трон перенес на восток, в город, назвавши последний по своему имени Константинополем. В той или иной мере дары в пользу Церкви делались и другими византийскими императорами. Конечно, церковное имущество, главным образом, нарастало отъ приношений верующаго народа во исполнение Божественной заповеди о десятинах. Эти приношения поступали в Церковь, как дар самому Богу или Божией Матери и святым, на вечный помин.

Самое главное, на что здесь надо обратить внимание, это то, что означенное церковное имущество закреплялось за Церковью, какъ неприкосновенное и неотчуждаемое, святыми канонами, о чем нами было сказано во второй главе.

Так как все священные каноны византийскими императорами признавались неприкосновенными, то и эти правила в глазах их были такими же, почему церковное имущество ограждалось ими особыми законами и даже с страшными проклятиями по отношению к его захватчикам. (Проф. М. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. I I, стр. 296)

Итак, вот в чем состоит теория симфонии властей. В заключение этой теории выражается вера, что Господь сохранит и еще более ниспошлет византийским императорамъ государственных благъ, если ими будутъ соблюдаться правила, заповеданныя отъ Апостолов и св. отцов. Иначе сказать, здесь говорится о том, что Господь не оставит императоров, а вместе с ними, конечно, и все государство Своими величайшими благами, если они будут руководствоваться в своих отношениях к Церкви симфонией властей, основанной на тех же Апостольских и святоотеческих правилах, требующих от всех верующих и, прежде всего от императоров, защиты православной веры и почитания Церкви с ея властью, законами и имуществом.

В теории симфонии властей не указано, что же должна делать для ея осуществления Церковь по отношению к государству, частнее — церковная власть по отношению к власти императорской. Это вполне естественно. Со стороны императоров для нарушения симфонии властей была опасность увлечься цезарепапизмом. Но церковная власть не могла произвести нарушения симфонии проявлением папоцезаризма, ибо православной Церкви совершенно не свойственны стремления папизма к господству над государством. Идеаль православной Церкви состоит не въ политическом властительстве надъ государствами, а в достижении нравственнымъ подвигом святости и благодати Св. Духа для вечнаго единения со Христом в Его Царстве и

здесь, и на небесах. Это Царство совсем не похоже на политическое, почему Господь и сказалъ Пилату: Царство Мое не от мира сего. ([Ин. 18:36.](#)) Стремление Православной Церкви к политической и государственной власти было бы равносильнымъ стремлению к самоотречению и самоуничтожению. Поэтому никто из представителей церковной власти в Православной Церкви одинаково, как въ Византии, так и в России, никогда не стремился къ папоцезаризму.

Однако, это не значит, что Церковь не участвует в симфонии властей и ничего не должна делать для ея осуществления во взаимныхъ отношениях Церкви и государства. Она очень много делала для этой симфонии. Эта деятельность с ея стороны состояла в том, что она своею православною верою, низведением верующимъ Божественной благодати Св. Духа в таинствах, чрез молитвы и Богослужения, чрез свое церковное просвещение и воспитание возрождаетъ своих сынов от ветхой к новой чистой и святой христианской жизни. Эта жизнь исключает всякое порочное отношение вообще к людям и заставляет верующих, в частности къ императорам, относиться с благоговением, какъ к Помазанникам Божиим, свято исполнять ихъ законы и быть преданными им до самопожертвования. Это Церковь так воспитываетъ своих членов и вместе с тем членовъ государства, что они, в моменты военныхъ опасностей, объединяются вокруг своего Государя, как один человек, представляюгъ изъ себя грозную силу для врага, не боятся смерти и совершают чудеса своим героическим духом. Здесь не в теории, а на практике Церковь свидетельствовала чрез воспитание своихъ духовных чад, до какой высшей меры она участвовала в данной симфонии властей.

Такова была симфония, которая осуществлялась в Византии во взаимныхъ отношениях Церкви и государства в лице ихъ властей. Как видим, она была основною догмою для византийского законодательства и ей приписывалось огромное государственное значение и настолько, что в осуществлении ея видели великое благо для государства, а в нарушении ея — великий для него вред.

С таким значением теория симфонии вошла въ авторитетнейшие церковные акты и въ государственное законодательство и после Юстиниана. Известно, что на III Вселенском Соборе было заслушано послание епископовъ Константинопольскому Патриарху Тарасию, который председательствовал на этом Соборе. Въ послании находятся такая слова: «Он воздвигъ нам рог спасения ([Лук. 1:69](#)) и исправления в доме и богоприятном храме Единороднаго Сына Своего Господа и Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Этот рог — вы, святейший, а также и занимающие по церковному установлению второе место (в Церкви) боговенчанные и богоизбранные императоры. Священство есть освящение и укрепление царства, а царство сила и твердыня священства... первое упорядочивает и заботится о небесном, а второе, посредством правовых норм, управляетъ земным. Ныне поистине средостение правды разрушено, согласие (симфония) одержало верх надъ разногласиями, разъединение уступило место единению и разномыслие изгладилось». (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. 1, стр.312—313)

О таком же величайшем значении симфонии властей говорится в послееюстиниановскомъ памятнике государственнаго законодательства въ Эпанагоге императора Василия Македонянина. Здесь в § 8, гл. 3-й отношение между священством и царством, или между Патриархом и царемъ уподобляется отношению души и тела, и согласное действие, что то же — симфония между ними, определяется, как благо государства. Еще сильнее эта мысль выражена в XII веке в послании императора Иоанна Комнена к папе Григорию:

«Два предмета,— пишет император,— въ продолжении моего царствования я признавалъ совершенно отличными один от другого: это власть духовная (т. е. Священство), которая отъ великаго и высочайшаго Первосвященника... Христа дарована Его Апостолам и ученикам, как благо неизменное, чрез которое по Божественному праву они получили власть вязать и решить всех людей, а другой предмет — это власть мирская (т. е. царство), обращенная ко временному

по Божественному слову: «Воздайте кесарю, что ему принадлежит»- власть, заключенная в своей сфере. Эти две господствующие в мире власти, хотя разделены и различны, но действуют к обоюдной пользе в гармоническом соединении (симфонии), воспомоществуя и дополняя одна другую. Оне могут быть сравнены с двумя сестрами — Марфой и Марией, о которых повествуется в Евангелии. Из согласнаго обнаружения этих властей проистекает общее благо, а из враждебныхъ отношений великий вредъ». (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. 1, стр.313—314)

С такимъ значеніемъ теория симфоніи властей перешла и к намъ в Россію, и притомъ в ранній періодъ существованія нашей Церкви, чрезъ Номоканонъ Іоанна Схоластика. (Теорію симфоніи получилъ во второй половинѣ XIII в. Владимірскій Митрополитъ Кириллъ отъ Болгарскаго деспота Іакова Святослава вместе съ Кормчей въ сербскомъ переводѣ, гдѣ среди главъ I. Схоластика опять было предисловіе къ 6-ой новеллѣ Юстиніана съ теоріей симфоніи. Отсюда эта теорія вошла во все Рязанскія Кормчіи, которыя были положены въ основу печатной русской Кормчей, и теорія симфоніи властей такимъ образомъ оказалась въ качествѣ действовавшаго русскаго права. После она была напечатана въ предисловіи къ изданному въ 1655 г. Патриархомъ Никономъ Служебнику. (Проф. Зызыкин, «Патриархъ Никонъ», ч. 1, стр. 314—315; ч. 11, стр. 97—98).)

Что Юстиніановская симфонія была основною догмою для опредѣленія взаимныхъ отношеній Церкви и государства въ лицѣ ихъ власти и у насъ въ Россіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ действительность русской жизни до техъ поръ, пока симфонія не была нарушена со стороны царской власти во второй половинѣ XVII столѣтія. Эта действительность показываетъ, что и наши великіе князья и цари действовали, какъ и византійскіе императоры, въ духѣ этой симфоніи. Поэтому и они выступали, прежде всего, какъ защитники и покровители православной веры, что особенно обнаруживалось на Соборахъ, которыя созывались ими для ниспроверженія ересей.

Соборъ 1441 г. осудилъ Флорентійскую унію, какъ известно, при ревностнейшей защитѣ православія великимъ Московскимъ княземъ Василиемъ Василичемъ. Еще предъ Флорентійскимъ Соборомъ (1438 г.) вел. князь убеждалъ Московскаго Митрополита Исидора (Митрополитъ Исидоръ — не русскаго происхожденія. Былъ поставленъ въ Московскіе Митрополиты Константинопольскимъ Патриархомъ безъ ведома Русской Церкви и великаго князя.) не ѣздить въ латинскую землю. Но, въ виду упорства Митрополита, сказалъ ему: «Если уже ты непременно желаешь ѣхать на Соборъ, то приноси намъ оттуда наше древнее православіе, которое мы приняли отъ предка нашего св. Владиміра, а новаго и чуждаго не приноси намъ — мы того не примемъ». (Графъ М. Толстой. «Разсказы изъ исторіи русской Церкви». Москва, 1873 г., стр. 262.) М. Исидоръ клятвенно обещалъ исполнить просьбу вел. князя. Но эта клятва была нарушена принятіемъ имъ Флорентійской уніи. Возвратившись въ Москву, М. Исидоръ на первой же литургіи поминалъ Папу, а по ея окончаніи Архидиакономъ было прочитано опредѣленіе Флорентійскаго Собора.

Въ виду этого, вел. князь, тут же въ храмѣ, обличилъ изменника М. Исидора, назвалъ его еретикомъ, велѣлъ низвести недостойнаго Митрополита съ престола и созвалъ вышеупомянутый Соборъ, который не только осудилъ постановленіе Флорентійскаго Собора, но и самого Исидора. (Ibid., стр. 268) Вотъ почему въ «Степенной книгѣ» сообщается, что этотъ князь «единъ обретется Богомъ вразумленный ревнитель по Бозѣ и по Его истинномъ законѣ, который осудилъ унію, позналъ Сидора волкохищнаго ересь, и, скоро обличивъ, посрамилъ его». (Проф. Зызыкин. «Патриархъ Никонъ», ч. 1, стр. 155)

Первый Соборъ противъ жидовствующихъ, бывшій въ 1488 г. и происходившій подъ предсѣдательствомъ Митрополита Геронтія, былъ созванъ великимъ княземъ Іоанномъ III. Трое осужденныхъ на этомъ Соборѣ еретиковъ были по указу великаго князя подвергнуты торговой

казни. Второй Собор против жидовствующих, бывший в 1490 г., происходил под председательством Митрополита Зосимы в присутствии того же великого князя Ивана Васильевича III. Призванные на соборный суд еретики: чернец Захария, Гавриил — протопоп Новгородский и Дионисий — поп Архангельский, были осуждены на заточение, преданы проклятию и извержены из сана. На третьем Соборе против жидовствующих в 1504 г., происходившем под председательством Митрополита Симона, также присутствовал Государь Иоанн III. Присутствовал на нем и его сын Василий, а главным обличителем еретиков был преподобный Иосиф Волоколамский. В целях решительного пресечения ереси Собор вынужден был прибегнуть к крутым мерам по отношению к еретикам, почему виновнейшие из них: Иванъ Волк, е еодор Курицын, Димитрий Коноплев и др. осуждены были на смертную казнь.

На Стоглавом Соборе, бывшем в 1551 г. подъ председательством Митрополита Макария, присутствовал царь Иоанн Грозный. Присутствовал он и на Соборе 1553 г., который происходил под председательством того же Митрополита Макария. На этом Соборе были осуждены еретики: Башкин и Артемий. На этом же Соборе, который продолжал свои заседания и в 1554 г., была осуждена и ересь Феодосия Косого.

На Соборе 1619 г. по делу о справщиках Дионисии, Архимандрите Троицкаго монастыря, старце Арсении Глухом и священнике Иване Наседке присутствовал и Государь Михаил Феодоровичъ вместе с двумя Патриархами: Филаретомъ Никитичем и Феофаном Иерусалимским.

Таким образом, как и византийские императоры, русские великие князья считали своею важнейшею обязанностью заботиться о сохранении во всей чистоте православной веры, что требовалось симфонией властей.

Но последняя, как видели мы, вменяла византийским императорам в их первейшую обязанность почитать священство, т. е. Церковь и, прежде всего, в лице церковной власти. Это почитание со стороны великих московских князей и царей по отношению к церковной власти и проявлялось на вышеупомянутых Соборах. По примеру византийских императоров московские великие князья и цари ограничивали свое участие на Соборах только внешнимъ покровительственным отношением к Церкви. Они только присутствовали на Соборах, но не стремились предвосхищать власть, принадлежащую предстоятелю Церкви, т. е. они не были председателями Соборов.

Так же, как и византийские императоры, наши русские великие князья и государи осуществляли симфонию по отношению к священным законамъ Церкви, святым канонам. Несомненно, постановления Соборов, которые они сами же созывали, имели значение руководства по церковным вопросам не только для всехъ верующих русских людей, но и для них самих. Царь Иоанн Грозный на обсуждение Стоглаваго Собора, бывшего в 1551 г., представил ранее составленный «Судебникъ» и 69 письменныхъ вопросов касательно разных сторон церковной жизни. По поводу всего представленнаго царемъ были вынесены определения Собора в ста главах, которыя обнимали собою все стороны церковной жизни: учение, богослужение, управление, церковный суд, поведение духовенства, монашества и мирян и отношение церковной власти к гражданской. («Стоглавь" сделался сводом узаконений для церковной жизни более чем на сто лет, заменилъ собою «Кормчую Книгу» и был обязательнымъ руководством для всех, не исключая и царей. (Булгаков. «Настольная книга для священно-церковно служителей», стр. 1759).)

В 1621 г., при Михаиле Феодоровиче был созванъ Собор в связи с вопросом: нужно ли перекрещивать жениха царевны Ирины Михайловны королевича Вольдемара, который на перекрещивание не соглашался. В силу личных и политическихъ причин царь Михаил

Феодорович желал этого брака. Но Собор не согласился отменить перекрещивание католика. И царь, как ни тяжело ему было, покорился соборному определению. (Л. Тихомиров. «Монархическая государственность» ч. III, стр. 54—65.)

Если же таково было отношение великих князей и царей русских к определениям местных Соборов, то постановления Вселенских Соборов, выраженные в св. канонах, несравненно больше имели для них авторитета и, тем более, что они были ревнителями православной веры и первыми покровителями Церкви.

Вследствие этого, наши великие князья и цари относились к св. канонам, как к законам Божественным и неприкосновенным. Тот-же Иоанн Грозный на Стоглавом Соборе говорил епископам, что, если бояре или царь прикажут им что-либо делать не по правилам св. отцов, то пусть они не слушаются, хотя бы им угрожали смертью. (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонь», ч. II, стр. 47.)

Так же, наконец, как и византийские императоры, наши великие князья и цари относились, во исполнение все той же симфонии властей, и к имуществу Церкви. Они считали одною из главнейших своих обязанностей заботиться о материальном обеспечении Церкви. Поэтому, начиная со святого Владимира, великие князья и цари, во исполнение Божественной заповеди о десятинах и согласно св. канонам, давали в Церковь свои дары, как Самому Богу, Его пречистой Матери и святым, и ограждали церковное имущество своими уставами и грамотами. (Смотри подробнее о церковном имуществе во второй главе).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Уничтожение симфонии властей византийскими императорами-иконоборцами и Петром I. Нарушение симфонии властей Алексеем Михайловичем. Патриарх Никон, как защитник русской идеологии. Несостоятельность обвинений Патриарха Никона в гордости.

Таким образом, наши русские великие князья и цари так же осуществляли симфонию или согласие властей, как она осуществлялась византийскими императорами.

К несчастью, эта симфония в царствование Алексея Михайловича стала нарушаться, и в этом нарушении Россию надо поставить в аналогию с Византией. Не все византийские императоры в отношении своем к Церкви были подобны св. Константину, Феодосию Великому, Маркиану и Юстиниану. Многие из них нарушали начала симфонии. В особенности этим отличались императоры иконоборцы. В их отношениях к Церкви симфония властей была даже совсем уничтожена, так как они единолично главенствовали и над государством, и над Церковью, причем, вследствие нарушения симфонии и ее основ — православной веры и св. канонов, — они делались жестокими ее гонителями.

В таком уничтожении симфонии иконоборческими императорами Церковь усматривает причину падения Византии. Этот взгляд ее выражается в Четьи-Минеех под 14 числом июня месяца, где мы находим такие слова: «Умножения же ради иконоборныя ереси, и проливания ради кровей безчисленных благочестия исповедников, люто от иконоборцев мучимых, отторжесе запад отъ области царей греческих, поставив себе царя инаго. И нача Греческий царь единою токмо Грециею обладати, и то не целою; понеже и святыи градъ Иерусалим с Палестиною, и Сириею, и Аравию, такожде и Египет с подлежащими тому странами во область Сарацинскую взяты быша. Сия же вся грех ради христиан, от истиннаго благочестия отпадших, к ересем же уклонившихся, и иконы святыя поправших, от Бога попустишася».

Такое уничтожение симфонии властей у нас в России случилось при Петре I. Хотя кровавых гонений против православной Церкви, подобных тем, которые воздвигались иконоборческими императорами, при Петре не было, зато уничтожение симфонии при нем было во всей полноте. Своими противоцерковными реформами, своею личною, противоцерковною жизнью Петр положил среди русскаго народа начало отступления от православной веры в протестантскомъ направлении, по которому шли еще задолго до появления протестантизма иконоборческие императоры. В силу такого отрицательнаго своего отношения к православной вере Петр уничтожилъ и другую основу симфонии — почитание со стороны императорской власти священства или Церкви. Имъ упразднена была самостоятельная церковная власть, святыя каноны им были нарушены, а церковное имущество было отнято в пользу государства. Такое уничтожение Петром симфонии властей, при его искаженной самодержавной, вернее — абсолютистской и деспотической царской власти, так потрясло исконныя начала русскаго народа, что последний, несмотря на все покровительство Церкви русских царей XIX в., уже не мог оправиться и встать на свой заповеданный ему Богом путь осуществления религиозно-нравственнаго идеала — путь святой Руси. Поэтому здесь, в уничтожении Петромъ симфонии властей, и была заложена причина гибели России.

Но ничто в мире не делается сразу. Все происходит в порядке постепенности. В силу этого не сразу произошло уничтожение симфонии Петром. Оно имело под собою почву в виде нарушения симфонии, которое началось в царствование Алексея Михайловича вместе с появлением его «Уложения» в 1649 г. и, в частности, Монастырскаго Приказа.

По «Уложению», Монастырский Приказ былъ учрежден для суда над духовенством, не исключая Митрополитов, Архиепископов и Епископов, по гражданским делам, которыя ранее

были в ведении Церкви и подлежали святительскому суду. Это чисто государственное учреждение, имевшее в своем составе (за исключением начального периода своего существования) только светских лиц, было совершенно независимым от Церкви. В соответствии с этим и судьи Монастырского Приказа назначались царем, получали содержание от государства и увольнялись им без всякого сношения с Церковною властью. (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. II, стр. 261, 263, 265—266.) На практике Монастырский Приказ в своем вмешательстве в Церковныя дела пошел далеко за пределы «Уложения». Он судил духовных лиц иногда и по духовным делам; сталъ участвовать по финансовымъ делам в Церковномъ управлении, назначать на духовныя должности и заведывать частичной конфискацией церковныхъ имуществ, (Ibid., ч. II, стр. 25.) при запрещении «Уложениемъ» в его 42-ой статье XIII главы дальнейшего роста церковныхъ имуществъ чрезъ приобретение духовными властями вотчин. (Ibid., стр. 291—293)

На эту последнюю функцию Монастырскаго Приказа следует обратить особенное внимание, так как, по изследованию проф. Беляева, учреждение Монастырскаго Приказа вызывалось не столько желаниемъ сделать суд для всехъ равнымъ и отменить привиллегию духовенства въ гражданскомъ суде, сколько скрытымъ стремлениемъ передать церковное имущество государству. (Ibid., стр. 294)

Такимъ образом, здесь, в Монастырскомъ Приказе, мы имеемъ передъ собою покушение на уничтожение одной изъ двухъ основъ симфонии. Первая основа — догматы православной веры остаются неприкосновенными царскою властью; зато здесь нарушается вторая основа симфонии — о почитании священства или Церкви, отчего нарушается и вся теория симфонии, по слову Ап. Иакова: иже бо весь законъ соблюдет, согрешитъ же во единомъ, бысть всемъ повинен. ([Иак. 2. 10](#))

Противъ этого нарушения, какъ необъятнаго зла для русскаго государства, вступилъ в борьбу Святейшій Патриархъ Никон, сделавшись, благодаря ей, для насъ величайшимъ защитникомъ симфонии властей и вместе с этимъ — проповедникомъ истинной самодержавной царской власти и поборникомъ русской идеологии. Ввиду такого значенія Патриарха Никона для русской идеологии, мы считаемъ необходимымъ остановиться подробнее на его личности.

Монастырскій Приказъ вызвалъ борьбу со стороны Патриарха Никона единственно потому, что былъ проникнутъ цезарепапистскимъ духомъ, который бояре постарались внедрить в душу царя Алексея Михайловича, желая господствовать надъ Церковью. Когда появилось «Уложение» (1649 г.), царю было только 20 лет, а Патриархъ Никонъ былъ тогда только Архимандритомъ Новоспасскаго монастыря и не могъ противодействовать осуществленію въ жизни деятельности Монастырскаго Приказа. Сделавшись Патриархомъ, онъ смогъ только добиться временнаго приостановленія его действия. Но после ухода П. Никона изъ Москвы в Новый Иерусалимъ, бояре, действуя на слабохарактернаго царя, достигли в полной мере осуществленія назначенія Монастырскаго Приказа во всехъ его расширенныхъ ими полномочіяхъ.

Сознавая всю злобредность для государства и Церкви цезарепапистскаго духа, П. Никонъ, какъ это видно изъ его сочиненія: «Раззореніе», (Свое «Раззореніе» П. Никонъ написалъ в 1664 г. в опроверженіе боярина Стрешнева и Паисія Лигарида. Этотъ замечательный трудъ не былъ известенъ в русской печати. Его перевелъ англійскій писатель Пальмеръ на англійскій языкъ. И уже отсюда содержаніе «Раззоренія» стало для насъ извѣстнымъ, благодаря весьма ценному для русской Церкви капитальному труду почитателя Патриарха Никона профессора Варшавскаго университета М. В. Зызыкина: «Патриархъ Никонъ. Его государственныя и каноническія идеи».) не могъ оставить безъ протеста деятельность Монастырскаго Приказа, направленную къ лишенію самостоятельности Церкви. Прежде всего онъ протестовалъ противъ вмешательства светской власти касательно суда надъ духовенствомъ по гражданскимъ деламъ, отмечая нарушение этимъ

нововведением традиций, которая вели свое начало от византийского и русского государственного законодательства. Вся сила этих традиций, по свидетельству П. Никона, заключалась в том, что они связаны были с заветами устава св. Владимира. «Если кто, говорится здесь, «нарушит мой устав, будет ли то мой сын или слуга, или кто-либо из моего рода или из бояр, и вмешается в церковные дела Митрополита, которые я дал Митрополиту, и Церкви, и Епископам во всех городах, согласно канонам, тот будет судим и наказан. Если кто попытается захватить суд церковный, он лишается имени христианина, и все такие да будут прокляты св. отцами». (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ» ч. I I , стр. 270)

П. Никон не мог оставить без протеста эту судебную деятельность Монастырского Приказа и потому, что видел в ней повод к еще большему вмешательству в церковные дела и захват церковной власти в светские руки с прямым нарушением св. канонов.

В особенности, одним из таких было вмешательство Монастырского Приказа в управление Церковью. «Что же сказать, — пишет П. Никон в «Разрешении», — о Митрополите Питириме, который в епархиях других епископов и по приказу царя и вельмож совершает посвящение? Какого великого проклятия он не заслуживает, согласно тому, что избранный светскою властью низвергается вместе с посвятившим! Но теперь Архиепископы, архимандриты и попы в монастыре избраны самим царем, и Митрополит Крутицкий их посвящает». (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. II, стр. 26)

По поводу такого вмешательства Патриарх Никон заявляет, что для управления Церковью необходимо иметь благодать Апостолов, а не благодать на управление царством. (Ibid., 1 ч. 11, стр. 25) Цитируя слова Ап. Павла и оных убо положи Богъ в Церкви первее Апостолов, второе пророков, третье учителей, Патриарх Никон спрашивает: «Почему же царь не назван на первом месте по высоте царской власти? Каждый должен знать свою меру». ([1 Кор. 12:28—31](#); Проф. Зызыкин. «Патр. Никонъ», ч. II, стр. 27)

В этом захвате царем церковной власти по управлению Церковью Патриарх Никон видит то отступление от Св. Писания и св. канонов, которое будет почвою для появления антихриста. ([2 Сол. 2:3](#)) По его словам, царю следовало бы быть образцом соблюдения св. канонов для всех, и в государственном законодательстве не делать отступления от них. Но это отступление, эта апостасия уже явилась, и потому можно ожидать осуществление предсказаний Апостола о вещах грядущих; исполнения того, что было открыто Богом пророку Даниилу. «Как Мидийская империя, — говорит Патриарх Никон, — была разрушена Вавилоном, а Вавилонская Персидской, а Персидская Македонской, а Македонская — Римской, так Римская должна быть разрушена антихристом, а он — Христомъ». (Проф. Зызыкин. «Патр. Никонъ» ч. II, стр. 24—25).

Очевидно, Патриарх Никон в понятие Римской империи включает и Россию, как продолжение первой в отношении унаследования от нея императорской государственной власти, в которой еще св. Иоаннъ Златоуст видел «удерживающаго от среды», ([2 Сол. 2:7](#)) то есть препятствие для появления антихриста.

Так же сильно протестовал Патриарх Никон и против частичной секуляризации Монастырским Приказом церковного имущества.

Хотя секуляризация, произведенная Монастырским Приказом, была частичной и касалась церковных имуществ епископов Московской области и владений патриарших, тем не менее Патриарх Никон придавал ей огромное отрицательное значение для всего государства. И это понятно, ибо в «Уложении» была проведена мысль, что государство вообще может обращать в свою собственность имущества, которые принадлежат церковным властям и учреждениям. Патриарх Никон ясно видел, что государственная власть своим законодательством намеревается отнять от всей Церкви средство к осуществлению ее высшей задачи — церковного просвещения и воспитания русского народа, и тем предохранить его от гибели.

Отсюда понятно, почему П. Никон в своем протесте против данной секуляризации так настойчиво требовал исполнения государственною властью св. канонів, коими церковное имущество, как собственность Божия, должно быть неприкосновенным и неотчуждаемым. (Кормчая; IV Всел. Соб., пр. 24; VI В. С., пр. 29; 1 пр. Двукр. Соб. и 12 пр. VII В. Соб.)

Ясно отсюда и то, почему П. Никон в том же своем протесте указывал, что захватъ государством церковной собственности влечет за собою страшныя наказания от Бога. Онъ приводил в пример царя израильскаго Ахава, который не много взял из того, что посвящено Богу, но гнев Божий пал на весь Израиль. Указывался им и царь египетскій Шишал, котораго поразил Господь за поход на Иерусалим с целью овладеть сокровищами Иерусалимскаго храма, а также ассирийскій царь Сеннахирим, захотевшій взять город Иерусалим и осквернить его святыню; Господь рукою Ангела поразил за это смертью 185 тысяч ассирийскаго войска. (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. II, стр. 38.)

Впрочем, указывал П. Никон и на те несчастья, которыя случились в России за частичную секуляризацию церковнаго имущества, напоминая о жертвах чумы 1654—55 г.г., о гибели от чумы бояр, оставленных царем в Москве во главе съ князем Пронским, и страшное поражение Василия Шереметьева и князя Ивана Хованскаго. (Ibid., ч. II, стр. 300—301.)

В предчувствии несравненно больших несчастий, ожидавших Россию за отнятие церковнаго имущества и за поглощение государственною властью церковной, П. Никон не мог не обратить вниманія царя Алексея Михайловича на свое страшное сонное видение, бывшее ему в 1661 г. въ Церкви Новоиерусалимскаго монастыря за утреней. Св. Петр, Митрополит Московскій, явился П. Никону и повелел предупредить царя Алексея Михайловича, что Богу не угодны его посягательства на церковное имущество и воспріятіе им на себя архиерейскаго суда; святитель угрожал страшным наказаніем Божиимъ за поступки царя, которое разразится надъ царскою властью в России. Это наказание было показано в видении П. Никону в виде необычнаго огненнаго пламени, исшедшаго изъ Московскаго Успенскаго собора и поглотившаго царскій дворец.

Вообще П. Никон смотрел на «Уложение», как на противоканоническія реформы, которыя должны были вести Россию к гибели. Недаром П. Никон называл «Уложение» проклятою уложенною книгою. (Ibid., ч. II, стр. 317.) Въ Монастырском же Приказе он видел начало расцерковленія русскаго государства, которое совершилось при Петре. Идея оцерковленія России чрез государственное законодательство, непротивное св. канонам и проникнутое духомъ Церкви, или ея верою, была основнымъ мотивомъ деятельности П. Никона и его борьбы съ расцерковленіем, которое осуществлялось чрезъ «Уложение» и Монастырскій Приказ.

Так как оцерковленіе Русскаго государства имело своимъ источником истинную самодержавную власть в ея отношеніи к Церкви на основе симфоніи властей; а расцерковленіе его было ничем иным, как нарушеніем этой симфоніи царскою властью, которая в такомъ случае уже теряла свой истинный характер, то можно сказать, что борьба П. Никона была исповеднической защитой исконной русскаго идеологии. Борьба Патриарха была направлена к тому, чтобы Русское Государство возглавлялось истинною царскою самодержавною властью, при которой только и возможно осуществленіе симфоніи властей и, следовательно, — процветаніе Церкви и государства силою православнои веры.

П. Никону не суждено было оказаться победителем в этой борьбе. Он пал, ибо его идея оцерковленія Русскаго Государства не была принята царем и в особенности окружавшими его боярами. Однако, П. Никон указал нам путь къ возрожденію России в лице истинной самодержавной царскои власти, которая должна относиться к Церкви на основе симфоніи властей.

Поэтому пусть П. Никон будет учителем всехъ русскихъ православныхъ людей в ихъ

стремлении к возрождению нашей родины. Пусть он навсегда останется для нас чистым от того нареkania на его светлый великий образ, которое могло бы подорвать его авторитет в наших глазах, если бы имело под собой достаточное основание. Мы имеем в виду обвинение П. Никона в непомерной гордыне, которое будто бы свидетельствуется съ одной стороны его стремлением к единоличному властительству над Церковью и государством, т. е. наличием в его деятельности идеи папоцезаризма; с другой — его уходом из Москвы в Новый Иерусалим, когда его папоцезаристския стремления не осуществились.

Это обвинение не соответствует действительности уже в силу того одного, что оно исходило от врагов Патриарха и в частности — от раскольников-старообрядцев. Последние возводили на П. Никона, при его жизни и после смерти, многия клеветническая обвинения, в числе коих было и обвинение в чрезмерной гордости. Они говорили, что П. Никон «возгордился на царский чин и власть». Все эти клеветы уже устранены изследованиями профессора Субботина и трудом профессора Зызыкина: «Патриархъ Никонъ».

Обвинение в гордости в особенности распространял и устно, и печатно (в своей «Истории суда над П. Никономъ») самый лютей его враг Газский митрополит Паисий Лигарид, искавший перваго места в Русской Церкви и готовый на все в угоду царю и боярам. Чтобы иметь истинную оценку даннаго обвинения П. Никона, надо знать, что представляет собою личность Паисия Лигарида.

Последни й был совершенно аморальною личностью и послушным орудием бояр в ихъ стремлении низложить Патриарха. Он отличался крайним двуличием и вымогательством денег у царя Алексея Михайловича и бояр. Его книга: «История Иерусалимскихъ Патриарховъ» была направлена против православной Церкви въ целяхъ возвышения папской власти. Патриархи Мелетий Константинопольский и Нектарий Иерусалимский на основании этой книги предали Паисия Лигарида анафеме и отлучили его отъ Церкви. Царь Алексей Михайлович, весьма расположенный к Лигариду и благодарный ему за проведение дела против П. Никона, видел въ осуждении Лигарида осуждение всего подъятаго имъ никоновскаго дела. Поэтому он усердно просил о возстановлении Паисия в сане особой грамотой къ П. Нектарію. Но так как на Иерусалимской кафедре оказался уже с 1669 г. П. Досифей, то последним и послан был ответ. Досифеи, уступая крайней мольбе Алексея Михайловича, снял с Лигарида запрещеніе, но чрез два месяца опять его запретил, зная, что он тайный католик и содомит. (Проф. Зызыкин. «Патриархъ Никонъ», ч. II, стр. 215.)

Разумеется, для опровержения даннаго обвинения П. Никона лучше всего нам обратиться къ исторической действительности и посмотреть, были ли здесь такие факты в отношеніях Патриарха к царской власти, которые обличали бы его въ стремлении к папоцезаризму. Ни одного подобнаго факта мы не найдем. Напротив, действительность говорит о том, что П. Никон везде и всюду проповедывал учение о необходимости положить въ основу взаимоотношеній царской и церковной власти идею симфоніи. Это учение имъ было выражено еще пред самым вступлением в санъ патриаршества, когда 22 июля 1652 г. в Успенскомъ соборе он говорил царю и боярам: «Если вамъ угодно, чтобы я был у вас патриархом, дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви перед Господом и Спасителем нашим и Его Пречистою Матерью, Ангелами и всеми святыми, что вы будете содержать Евангельские догматы и соблюдать правила св. Апостолов и св. отцов и законы благочестивыхъ царей. Если обещаетесь слушаться и меня, как вашего главнаго архипастыря и отца, во всем, что буду возвещать вам о догматахъ Божиихъ и о правилахъ, в такомъ случае я, по вашему желанію и прошенію, не стану более отрекаться от великаго архиерейства». (Ист. русск. Церкви М. Макария, XII; стр. 7.)

Таким образом, в этой речи своей П. Никонъ требовал от царя, бояр и духовенства

соблюдения догматов и св. канонов, на основании которых они должны были определять свои к нему отношения. Но эти догматы и каноны, как видели мы, являются основами симфонии властей.

Еще определеннее П. Никон выразил свое стремление к осуществлению симфонии в речи на Соборе 1564 г., когда сказал: «По словамъ благочестиваго царя Юстиниана, два величайшие дара даровал Бог людям по Своей благодати: священство и царство, из которых одно служить Божественным, а другое правит человеческими (делами), но оба, происходя из одного и того же начала, украшают человеческую жизнь; они тогда только могут выполнить свое призвание, если будут заботиться о сохранении между людьми Божественных заповедей и церковныхъ правилъ». (Ист. русск. Церкви М. Макария. XII, стр. 140.)

То же самое стремление П. Никона ярко было выражено и в том обстоятельстве, что теория симфонии властей была помещена им в предисловии изданнаго им в 1655 г. Служебника. Здесь о царе и Патриархе говорится, как о «Богоизбранной сей и премудрой двоице», которая в лице царя Алексея Михайловича и П. Никона председательствовала на Соборе 1654. (Конечно, царь мог быть на Соборе только в качестве почетнаго председателя. Проф. Зызыкин. «Патр. Никонъ», ч. II, стр. 50, 97—98.)

В своем сочинении: «Раззорение» П. Никонъ ясно различает власть церковную и власть царскую, из коих ни одна не должна подавлять своим вмешательством области другой, но каждая должна блюсти свой порядок за своею собственною ответственностью. «В духовных делах, говорится здесь, воля царя не может стоять выше церковнаго закона, ни в отношении какого-либо дела, принадлежащаго Церкви, царь не можетъ делать установлений или действовать с властью контролирующей. Так же надо понимать и о церковных канонах, которые повелеваютъ соблюдать и поддерживать царские законы. Ни одинъ человек не может противодействовать канонамъ Церкви, учению св. отцов и законамъ царства, или что-либо возражать против них: каждая имеет свой собственный порядок и права, установленныя Богом, и каждая должна поддерживать и защищать свой собственный порядок для себя, на свою собственную ответственность». (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. II, стр. 60.)

На протяжении всей рукописи П. Никона в 900 страниц, переведенных Пальмером на английский язык, нет ни одного слова, которое говорило бы о требовании для Патриарха каких-либо прав въ делах государственнаго управления.

И не только в поучениях, речах и сочиненияхъ П. Никона нельзя найти ничего, что говорило бы о его претензии на участие в управлении государственными делами в какой бы то ни было мере. Этого совсем не было и в его деятельности. В данном случае весьма характерны слова самого царя Алексея Михайловича, которыя свидетельствуют о полном невмешательстве П. Никона в светския государственныя дела. Эти слова произнес царь в 1657 году в ответ на просьбу одного диакона о снятии с него запрещения, наложеннаго на него П. Никоном. «Боюсь, — сказал ему царь, — что Патриархъ Никон отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и паси монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом; зачем же ты ставишь мне препятствие въ отношении к монахам и священникамъ». (Ibid., ч. I, стр. 198.)

Даже титул «Великаго Государя», который П. Никон не соглашался принимать, и государственное регенство в отсутствие царя, принятое по просьбе последняго, на которое П. Никон смотрел, как на службу Государю, абсолютно не говорят о его стремлении къ вмешательству в государственныя дела. И то, и другое свидетельствует не о политической, а о духовной высоте патриаршества, до котораго достигло оно благодаря гениальности П. Никона.

Мы можем в защиту П. Никона сказать еще больше. Он не только не вмешивался въ государственныя дела царя, но и в своихъ церковныхъ делах не стремился к единоличному властительству. Он привлекал к участию в нихъ епископов русской Церкви и того же царя, о

чем свидетельствуют созванные им Соборы. (Соборъ 1654 г. был созван П. Никоном для одобрения предприятия, касательно исправления церковныхъ книгъ. На Соборе 1655 г. было рассмотрено и одобрено исправление Служебника. Собор 1656 г. продолжалъ исправление книг и установил ряд реформ, въ числе коих оказалось запрещение перекрещивать католиков.) «Не допустимо думать, — пишет Голубинский, — что Соборы только прикрывали своеволие П. Никона. На Соборе 1654 г. был и царь, кроме якобы деспотическаго Никона; если Павлу Коломенскому не мешали высказаться против, то не были заграждены уста и другим... Затем на Соборе 1666 г. единодушный голос епископовъ свидетельствовал, что никоновское исправление было делом всех представителей русской Церкви, кроме одного, следовательно, это было делом всей Церкви». (Голубинский. «К нашей полемике со старообрядцами», Богословский Вестник, 1892 г.)

Итак, если в исторической действительности не находится никаких фактических данных обвинять П. Никона во вмешательстве въ государственныя дела, то нет никаких оснований и для его обвинения в непомерной гордости, которая приписывается П. Никону на основании этого мнимаго его вмешательства. Все это обвинение взято из собственнаго ума Лигарида и исходило из злобы врагов П. Никона.

То же самое нужно сказать и относительно обвинения П. Никона в непомерной гордости на основании ухода его из Москвы в Новый Иерусалим 10 июля 1658 г. По мнению С. М. Соловьева, этот уход есть ни что иное, как протест П. Никона против лишения его прежняго значения въ государстве, или — средство давления на царя, имевшее целью заставить удовлетворить честолюбие и гордость Патриарха и вернуть его къ прежнему положению в государстве. Соловьевъ смотрит на свое мнение, как на психологическя причины, побудившия П. Никона удалиться изъ Москвы в Новый Иерусалим. (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. II, стр.99—100.)

Но это психологическое объяснение ухода П. Никона имеет своим источником взгляд на него, как на крайне гордаго человека, все того же Лигарида и потому является пристрастным и несостоятельным.

И по существу своему это психологическое объяснение является слишком не психологичным. В своем «Раззорении» П. Никон пишет: «Если бы Великий Государь царь не обещалъ перед Богом и Матерью Божиею соблюдать заповеди Святого Евангелия, святых Апостолов, и святых отцов, то я бы не помыслил принять такой сан. Но Бог ведает, как Великий Государь царь дал свой обет в Св. Церкви предъ Господом и Богом и всечестным и животворящимъ образом Всесвятейшей Пречистой и Препоблагословенной Девы Матери Божией и Приснодевы Марии, и пред святыми Ангелами, и пред всеми Святыми, и пред освященнымъ Собором, и перед его царским синклитом и перед всем народом. И пока он, Великий Государь царь, сколько мог держался своего обета, повинуюсь святой Церкви, мы хранили терпение. Но когда он нарушил свой обетъ окончательно и стал на нас несправедливо гневаться, как Господу Богу известно, тогда мы, помня свое собственное обещание соблюдать заповеди Божии, данныя при поставлении въ Патриархи собственноручной подписью, войдя въ Святую Церковь в годовщину принесения в Москву святой Ризы нашего Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа, и окончив святую литургию, засвидетельствовали перед Богом... (Имеется въ виду прощальное слово П. Никона пастве, сказанное им 10-VII, 1658 г., по окончании литургии.) безпричинный гнев царя и ушли, помня Божественныя заповеди ([Мф. 10:22](#)): «Когда же будут вас гнать в одномъ городе, бегите в другой, ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, какъ придет Сын Человеческий». И, выйдя из города, помня заповеди Божии: «Когда не принимают васъ и не слушают вас, уходите из дома того, стряхайте прах от ног своихъ». (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никонъ», ч. II, стр. 357.)

Таким образом, как свидетельствует сам П. Никон, он ушел вследствие того, что царь нарушил клятву, перестал слушать его в делах духовных, и в прощальном слове обвинил царя в своем уходе, поставив его в положение гонителя. Как человек в высшей степени умный и гениальный, он, конечно, не мог рассчитывать, что за такое прощальное его исповедническое слово царь вернет его. Скорее он мог ожидать, что царь еще более на него разгневется. Но П. Никон не мог поступить иначе, ибо безкомпромиссно боролся за истину и неуклонно требовал от царя исполнения клятвы, данной им при вступлении Никона на патриаршество, клятвы соблюдать Божественные заповеди и св. каноны и сообразно с этим относиться к церковной власти.

Этому психологическому объяснению проф. Соловьевым ухода П. Никона надо противопоставить истинное психологическое объяснение слова П. Никона, при вступлении его на патриаршество, какое делает проф. Стенли, в целях уяснения смысла того же ухода П. Никона. По поводу требования П. Никонотом от царя клятвы 22 июля 1652 г., проф. Стенли говорит: «В самом (этом) требовании мы узнаем тот же открытый, решительный и непреклонный характер. Властолюбие, ищущее неограниченного господства, никогда не предложит таких требований и притом в минуту своего возвышения. Оно постепенно, незаметно посягает на права других. Такое требование может сделать только человек, глубоко сознающий важность предстоящих ему обязанностей и всю силу препятствий на пути к их выполнению... Какимъ вступил он на кафедру-строгим, решительнымъ и непреклонным, таким через шесть лет онъ оставил ее». (Прибавл. к творениям св. отцов, 1862)

Как видим, психологическое объяснение ухода П. Никона профессором Стенли совершенно исключает возможность объяснять уход П. Никона в смысле его непомерной гордости. Напротив, на основании этого ухода оно говорит о нем, как о мужественном исповеднике Божественных заповедей и своих священных патриаршихъ обязанностей. Проф. Стенли, как чуткий и истинный психолог, чрез уход П. Никона вскрывает въ нем не гордость, а редкий дух исповедничества.

Это мнение проф. Стенли об уходе П. Никона совпадает с мнением Иерусалимскаго П. Нектария. Для нас это патриаршее мнение должно быть особенно ценным. В данном случае высказывается весьма авторитетное лицо, о котором его преемник Иерусалимский П. Досифей отзывался в своем письме к царю Алексею Михайловичу, как о высоком нравственномъ авторитете. Помимо того, П. Нектарий находился вдали от никоновской московской смуты и не был заинтересованным лицом. Он дает положительный отзыв о П. Никоне, несмотря на то, что ему были представлены чрез иеродиакона Мелетия — друга Лигарида от врагов П. Никона самая отрицательная сведения относительно последняго. Вот что писал (от 20 января 1664 г.) П. Нектарий царю Алексею Михайловичу по поводу присланной грамоты. «В сей грамоте мы не нашли ни причины удаления Св. Патриарха вашего Киръ Никона, сослужителя и брата нашего о Христе нашего смирения, ни другой какой вины противъ него, кроме пятилетняго его отсутствия... Итак, просим мы Святейшее Ваше Величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего к советам мужей завистливых, любящих мятежи и возмущения, а наипаче, если таковые будут из духовнаго сана... Несогласия и возмущения в Церкви страшнее всякой войны, ибо раздирают нетленную одежду Христову, которую не разделили и жестокосердые воины во время страдания Христова; раздирать же одежду Христову есть явный знак погибели души, за которую умер Христос... Итак, помысли о сем, миролюбивый государь, последуй кротости Давида, восприими ревность по вере православной и постарайся со тщанием паки возвести Патриарха вашего на престол его, дабы во время священнаго твоего царствования не было положено злого и гибельнаго начала сменять православных и правомыслящих о догматах веры Патриарховъ ваших. Сие есть начало разрушения Церкви нашей въ Константинополе; оно

послужило и донныне служить источником многих зол и сделало насъ посрамленными перед западной церковью. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у вас не обратилось в гибельную привычку. Если Никонъ говорит, что он не отрекался от престола, но от непокорных, то ясно, что он обличает непокорность народа. Итак, покажите к нему достодолжное повиновение, как к строителю благодати, не обыкновенное в Церквах Божиих, но каковое предписывают Божественные законы. Отречение же его, которое, как говорят, онъ сделал в Церкви, может быть принято снисходительнее для соблюдения тишины, темъ более, что он Кир Никон, как мы сказали, отрекался от непокорнаго народа, а не отъ престола». (Проф. Зызыкин. «Патриархъ Никонъ», ч. II, стр. 220—221) Хотя это письмо П. Нектария написано весьма корректно и сдержанно, тем не менее по своему содержанию оно является страшным обвинительным приговором для царя Алексея Михайловича, бояр и всех врагов П. Никона, которые на языке канонических правил рассматриваются в данном случае, какъ непокорная паства или непокорный народ, в силу чего св. каноны предвидят оставление его архипастырями.

Прежде всего здесь выгораживается личность П. Никона от обвинений со стороны его врагов. Затем П. Нектарий обращает внимание царя Алексея Михайловича на то, что в русской Церкви раздирается риза Христова, совершается ужасная церковная смута, которая страшнее всякой войны и виновником которой является сам царь, такъ как он слушает людей завистливых, любящих мятежи и возмущения. Патриарх умоляет царя съ особенной заботливостью и почтительностью возвратить на престол П. Никона и предупреждает его, чтобы П. Никон не былъ смещен с патриаршей кафедры, что будетъ поводом для русских царей так поступать въ русской Церкви и впредь, и что является величайшим злом, от котораго страдала и страдает Константинопольская Церковь.

Нам в данном случае следует обратить особенное внимание в этом письме П. Нектария на то, что им обвиняется в непокорности, что то же — в гордости, не П. Никон, а его непокорная паства, т. е. царь, бояре и прочие враги П. Никона. Последний же представляется в письме, какъ обличитель этой гордости, как мужественный безкомпромиссный духовный их глава.

Кстати сказать, эта непокорность или гордость врагов П. Никона возросла до такой степени, что они не только не вернули П. Никона на его кафедру, но два раза — в 1662 и в 1664 г.г., когда П. Никонъ сам делал попытки вернуться на свою кафедру и приезжал с этой целью в Москву, — царь и бояре изгоняли его.

Итак, попытка проф. Соловьева обвинить П. Никона в непомерной гордости, вследствие его ухода в Новый Иерусалим, не имеет под собою никаких достаточных оснований. Поэтому мы должны смотреть на уход П. Никона въ Новоиерусалимский монастырь, как на средство его архипастырскаго воздействия на царя, имевшее своею целью побудить последняго переменить свое противоканоническое отношение к православной Церкви и установить к ней отношение на почве симфонии. Будем смотреть на его уход, как на исповедничество, так как, если бы он не ушел, то оказался бы в числе тех малодушных людей, которые потворствовали светской власти в ея незаконном и гибельном для государства вмешательстве в церковныя дела.

Будем по данному вопросу единомысленны с П. Нектарием, а не с теми, которые в своихъ обвинениях П. Никона исходили изъ клеветнических воззрений Лигарида, точнее, изъ его недобраго сердца, из котораго, согласно словам Христа, исходят помышления злая. ([Мф. 15:19](#)) Эти помышления всегда видят одно только зло въ людях, доброе превращая в злое.

Есть, наконец, и еще одно основание, в силу котораго мы должны отметить мнение, что П. Никону была присуща непомерная гордость. Этимъ основанием является его подвижническая жизнь, увенчанная исповедническими страданиями и дарами Св. Духа.

К строго аскетической жизни П. Никонъ стремился с самой ранней своей юности. Впоследствии за особенную строгость своихъ монашеских подвигов П. Никон был избранъ

игуменом Кожеезерской пустыни, и ради тех же своих подвигов сделался известен царю Алексею Михайловичу, который во внимание к его истинной подвижнической жизни, а также ради его великаго ума и красноречия, содействовалъ назначению его в архимандриты Московскаго Новоспасскаго монастыря, затем в митрополиты Новгородские и, наконец, по желанию царя, Никонъ был избран Патриархом Всероссийским. Но и будучи Патриархом, Никон продолжал вести аскетическую жизнь, а когда жил въ Воскресенском монастыре, то при постройке монастырскихъ зданій сам носил своими руками наряду с работниками камни, известь, воду и прочее, как простой каменщик. Во время своего заточения он носил на теле тяжелыя вериги.

Конечно, нравственныя страдания, которыя испытывал П. Никон от зависти, ненависти и всевозможных клевет со стороны врагов своих, были для него несравненно тяжелее аскетическихъ подвигов. Трудно удержаться от слез при чтении повествованія о суде над П. Никоном, на которомъ не только отсутствовали достаточныя обвинения къ низложению Патриарха, но имели место и крайне тяжкия оскорбления его невинной личности. (По требованію царя, П. Никон явился на Собор, но по чину патриаршему, т. е. с преднесением креста. Не видя для себя но десять часов простоял на ногах, слушая обвинения из уст царя и давая на них ответы. Когда Митрополит Крутицкий Павел и Архиепископ Рязанскій Иларион стали поносить П. Никона за оставленіе им престола с клятвою (П. Никон оставил престол без клятвы), а Мефодій Епископ Мстиславскій поднял даже руку на судимаго святителя, тогда слезы потекли из очей царя. Государь, видя бояр молчащими, требовалъ улики против Патриарха. Убежденный в своей невинности, П. Никон, обратясь к Государю, сказал: «Государь, девять лет приготавливали то, в чем хотели сегодня обвинить меня, и никто не может промолвить ни слова, никто не отверзает уст... Если же и еще девять летъ будут выдумывать клеветы, то и тогда не найдутъ ничего против меня». Тогда Арх. Рязанскій Иларион опять начал с дерзостью произносить ругательства по отношенію П. Никона, на что последний сказал: «Уста пастыря должны произносить одни благословенія, а не поношенія и неправду». Любящее сердце царя опять не могло вынести горькаго положенія бывшаго друга, иногда возражавшаго, иногда безответнаго. Он сошел съ своего престола, приблизился к П. Никону и тихо стал говорить ему: «О, Святейшій... или, думаешь, забыл я все твои заслуги, мне лично и моему семейству оказанныя во время язвы, и прежнюю нашу любовь?» Затем стал укорять его за посланную им Константинопольскому Патриарху грамоту, въ которой он на него жаловался, наконец, изъявилъ желаніе мира, уверяя в своей любви к нему. Такъ же тихо П. Никон отвечал царю, извинился за указанную свою грамоту Константинопольскому Патриарху и, несмотря на заверенія царя в его прежней любви к нему, чувствовал, что минувшее уже не возвратимо, тут же предрек царю свое горькое осужденіе от Собора.

Это было последнее свиданіе П. Никона с царемъ и последняя с ним беседа. На третьемъ засѣданіи в Благовещенской церкви над вратами Чудова монастыря 12 декабря 1666 года царь не имел духа участвовать в осужденіи, которое давно уже было предрешено. На этомъ засѣданіи П. Никону прочитали обвиненіе, что он «смутил Царство Русское, вмешиваясь в дела не приличныя патриаршей власти,... оставил престол свой за оскорбленіе слуги,... распорядился самовластно въ трехъ монастыряхъ (в Воскресенском, Иверскомъ и Крестном) и давал им наименованія Иерусалима, Вифлеема, Голгофы,... препятствовалъ избранію новаго Патриарха, предавая многих анафеме... Павла, Епископа низверг самовольно и былъ жесток к духовенству, жаловался на царя Восточнымъ патриархам, осуждал соборныя правила, оскорбляя патриарховъ своимъ высокомериемъ».

Не лишнимъ считаемъ отметить, какая страшная судьба постигла судей П. Никона. По свидѣтельству рукописнаго сочиненія Спиридона Потемкина (въ библиотеке Г. Погодина),

современника сему происшествию, оба Патриарха, по возвращении своемъ к пастве, были повешены султаном за то, что безъ его повеления ездили в Россию. Паисий Лигарид, обличенный во многих злоупотреблениях, лишенъ был паствы своей и изгнан из России. Иосиф, Архиепископ Тверской, потом М. Астраханский был мучительно убит казаками. Иларион, Митрополит Муромский и Рязанский был преданъ суду за некоторые предосудительные поступки и отставлен от епархии. Мефодий, Епископъ Мстиславский, был удален от блюстительства Киевской митрополии, и за измену и мятежничество потребован к суду в Москву и под стражею скончался в Новоспасском монастыре. («Начертание жития и деяний Никона, Патриарха Московскаго и всея России», Архимандрита Аполлоса, стр. 72—80, изд. 4, М. 1845 г.) На суде присутствовали два восточных патриарха — Антиохийский и Александрийский.

Этот суд П. Никон назвал незаконным, а греческих патриархов — наемниками. Таковымъ действительно и был этот суд. Все обвинения, въ силу которых Собор лишил патриаршей кафедры и святительскаго сана П. Никона, оставив ему лишь монашество, были известны и Иерусалимскому П. Нектарию. Но последний писал царю Алексею Михайловичу, что не нашел достаточных причинъ к обвинению П. Никона, почему и просил вернуть его на патриаршество. Восточные патриархи, бывшие на суде, были задарены русским правительствомъ и, кроме того, их совершенно изолировали отъ сторонников П. Никона, от которых они могли бы узнать все беззаконие, совершавшееся над ним. При всем том и они колебались по поводу осуждения П. Никона. Наконец, не все русские епископы были согласны на строгое осуждение П. Никона, в особенности Черниговский Архиепископъ Лазарь Баранович, один из самых просвещенных иерархов того времени, уважаемый за свою благочестивую жизнь самим Государем. К нему примкнули на Соборе Симон Архиепископъ Вологодский и Мисаил Епископ Коломенский. Поэтому на втором заседании Собора вместо обвинения все безмолвствовали, несмотря на то, что Государь требовал улики против П. Никона. На последнем заседании Собора ему былъ объявлен приговор, коим он был лишен сана, с сохранением только иночества, и присужден къ заточению на вечное покаяние в Белоезерский Ферапонтов монастырь. По прочтении приговора, тут же восточные патриархи сняли с П. Никона святительские знаки и надели на него простой монашеский клобук. П. Никон спрашивал их, зачем в отсутствие царя и в малой церкви, а не в том соборе Успения, где некогда умоляли его вступить на патриарший престол, ныне несправедливо и втайне его низлагают. Но ответа не получил.

После суда над П. Никоном его нравственныя страдания не прекратились, но еще более стали увеличиваться. Тотчас по снятии с него сана его с ругательствами отвели на земский двор, вручили его приставам, которые осыпали его поношениями. К ним присоединился Архимандритъ Сергей, который страшно поносил П. Никона и не давал ему совсем покоя своим злословием. Съ земскаго двора П. Никон был отправлен в путь в жестокою стужу. По любви к нему с нимъ отправились в место заточения некоторые из его учеников. Новоспасский Архимандритъ Иосиф, провожавший П. Никона до реки Клязьмы, отдал ему свою шубу, чтобы укрыть его от стужи. Прочие, сопровождавшие П. Никона, в течение всего пути не только не имели к нему сожаления, но даже не давали ему хлеба. В силу бедности Ферапонтова монастыря П. Никону были отведены душныя, тесныя кельи, похожая на темницу; приставники жестоко обращались с ним, они наглухо заколачивали окна его келии и в таком стеснении и содержали П. Никона до кончины царя Алексея Михайловича.

Последний всю остальную свою жизнь раскаявался в низвержении П. Никона, посылал ему подарки. А пред смертью посылал к нему просить себе отпустительной грамоты, именуя его своимъ отцом, Великим Господином, Святейшимъ иерархом и блаженным Пастырем. Однако, вернуть П. Никона царь не мог, так как бояре и близкие к Государю лица владели его волею.

Чтобы не допустить этого возвращения, они выдумывали новые обвинения против П. Никона и даже оклеветали его в сношениях с Стенькой Разиным и в нечистой жизни. Нет ничего более для сердца клеветы. Недаром св. Церковь внушает каждому из нас обращаться всегда к Богу с молитвою: избави мя от клеветы человеческия. Поэтому клеветы были для П. Никона высшей мерою всех тех нравственных мук, которыя судиль Господь ему перенести.

Некогда св. Серафима Саровскаго спросили, какъ он мог вынести такой великий подвиг, какъ стояние на камне в течение трех лет? Онъ ответил, что только благодать Св. Духа могла укрепить его для несения этого молитвеннаго подвига... Ясно, что благодать Св. Духа помогла П. Никону нести крест его аскетических суровыхъ подвигов и его тяжких душевныхъ страданий. Безъ сей благодати он не мог бы перенести въ особенности всех тех нравственных унижений, оскорблений, всех гнусных клевет, которыя выпали на его долю после его патриаршаго величия. Но эта благодать гордым не дается от Бога; напротив, Господь противится гордым, лишая ихъ Своей благодати.

Так, жизнь П. Никона в ея аскетическихъ подвигах и безропотных нравственныхъ страданиях свидетельствует, что обвинение его в непомерной гордости является несостоятельным.

Это обвинение опровергается и его истинною любовью к ближним. Она, как свидетельствует историческая действительность, была в П. Никоне поразительной. Народ русский весьма любил его, в особенности за его благотворения бедным и защиту всех обиженных и несчастных, чем онъ отличался, еще будучи Архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, ходатайствуя за беззащитных лично пред Государем. Не забылъ он бедных и обездоленных и тогда, когда былъ Патриархом, о чем свидетельствуют тот плач и рыдания народа, когда П. Никон покидал Москву после 10 июля 1658 года. Этим благотворителем онъ остался и тогда, когда жил в Воскресенскомъ монастыре, и даже в заточении. Таким образом, эта высшая добродетель была в нем постоянной и, как таковая, она не могла быть опять без той же благодати Св. Духа, ибо св. Макарий Великий учит, что естественною безблагодатною любовью является та, которая непостоянна, и, напротив, видит сопричастие благодати Св. Духа в той любви, которая не прерывается, исходя изъ внутренней потребности человеческого сердца всегда любить ближних. Но это сопричастие благодати Божественнаго Духа чрез любовь его къ ближним опять свидетельствует о том же, — что в нем не было гордыни.

Но лучше всего опровергается обвинение въ гордости П. Никона теми сторонами его жизни, въ которыхъ благодать Св. Духа, несовместимая съ гордостью, проявлялась в нем не только чрезъ подвиги и любовь, а непосредственно и, прежде всего, как особая печать Божественнаго избранничества. Она отмечалась людьми. Передают, что П. Никон, еще будучи юношей, предаваясь иноческимъ подвигам в монастыре св. Макария Желтоводскаго, был под духовнымъ руководством одного благочестиваго иерея Анании (в иночестве Антония). Последний предрек Никону Патриаршество. То же самое предрек ему одинъ мордвин, воскликнув: «Ты будешь царь или Патриархъ». О том же получил он предсказание от Новгородскаго Митрополита Аффония, исполненнаго святости и благодати, когда былъ посвящен им в игумена Кожеезерской обители.

Эта благодать Божественнаго Духа дивно хранила П. Никона с самых младенческих лет. Он былъ малым ребенком, когда мачеха, видя, что онъ уснул в печке, заложила ее дровами и запалила их, желая сжечь ненавистнаго Никиту (так звали П. Никона в миру). Но посторонняя женщина, посланная Богом, услышав крик младенца, вовремя выхватила его из пламени невредимым и тем спасла ему жизнь. Дивный промысл Божий сохранил Никона от потопления на Белом Море, близ Соловецкой обители, пред Онежскимъ устьем. Приставши на своей утлой ладье къ острову Кию, он водрузил крест на нем въ память своего спасения от потопления.

Впоследствии, будучи Патриархом, он построил на о. Кие Крестный монастырь. Та же промыслительная десница Божия спасла его отъ смерти в 1650 году во время новгородскаго бунта, когда Никона, уже бывшаго в сане Новгородскаго Митрополита, до такой степени избивали камнями и дубьем за укрывательство в архиерейском доме новгородскаго воеводы князя Хилкова отъ озверевшей толпы бунтарей, что у него хлынула изо рта, носа и ушей кровь и все считали его уже умершим. Но Господь даровал ему прежнее здравие и силу.

Благодать Св. Духа проявлялась в П. Никоне и как дар прозорливости. Когда вышеупомянутый Архимандрит Сергей дерзко досаждал ему после суда, он сказал ему с горечью в сердце, что и его сошлют в заточение. И, действительно, Сергей был сослан по повелению царя в заточение на покаяние в Толгский монастырь. Когда П. Никона, уже умирающаго, везли на струге по Волге и причалили к берегу против Толгскаго монастыря, то Архимандриту Сергию явился П. Никон въ сонном видении и сказал: «Встань, братъ Сергей, простимся». Архимандритъ тотчасъ поспешил к П. Никону, пал ему в ноги и со слезами испросил себе прощение. Давши прощение Архимандриту Сергию, П. Никон уже не мог больше говорить и тут же скончался, приняв Св. Тайны от своего духовника. Благодатный даръ прозорливости П. Никон обнаружил и предъ получением указа от царя Феодора Алексеевича, который возвещал ему свободу и возвращение въ любимую им св. Воскресенскую обитель. Об этомъ указе ни П. Никон и никто из окружающих его ровно ничего не знали; однако, накануне получения указа Патриарх повелел своей братии собираться в путь в Воскресенский монастырь. Наконец, П. Никону был присущ и дар целения недугов. Этот дар проявлялся в нем особенно в периодъ заточения, когда благочестивые люди приходили и приезжали к нему, испрашивая молитв в своихъ болезнях. Но с особенной силой исцеления стали совершаться после его смерти от его гроба въ Новоиерусалимском монастыре.

Ясно, что у П. Никона не могло быть непомерной гордости, ибо она несовместима с благодатию Св. Духа, которая была присуща ему с самыхъ младенческих лет и проявлялась в нем въ очевидной и поразительной мере до самой его кончины. Ему были присущи обычныя человеческия немощи, которыя коренились не в преступной и страстной воле, а в его природном пылкомъ характере. При этом П. Никон отличался строгой взыскательностью к подчиненным, при нарушении ими своихъ обязанностей. Эта строгость переходила даже в суровость, когда П. Никонъ сталкивался с прямым нарушением Божественныхъ законов. Все эти черты его личности, проявляясь в отношении к людямъ недуховным и строптивым, были для нихъ невыносимы. Но если деятельность, сопровождаемая такими чертами, исходит из ревности по Боге, то она высоко ценится в очах Божиих. Такою ревностию и отличался П. Никон, ибо все его действия показывают, что центром его жизни была не личная слава, а слава Божия, благо русской Церкви и государства, о чемъ свидетельствует и его учение.

Во всякомъ случае, не гордость и властолюбие П. Никона, коих у него не было, могли быть причиною трагедии, происшедшей в России от его размолвки с царем Алексеем Михайловичем. Истинной причиною смуты было властолюбие бояр, съ желанием господствовать в государстве и въ Церкви; также личная зависть и ненависть их к П. Никону, который был для нихъ слишкомъ сильнымъ препятствием для осуществления ихъ властолюбивыхъ замыслов.

Такимъ образом, какъ деятельность, так и жизнь П. Никона свидетельствуют о том, что намъ следует не обвинять его в непомерной гордости, а благоговейно преклоняться перед ним, чтить его вместе с простым верующимъ русскимъ народом, как праведнаго и благодатнаго светильника русской Церкви, и всемерно содействовать тому, чтобы в возрожденной России он был причислен к лику святыхъ Российской Церкви.

В данный же момент и на будущее время, въ целях возрождения России, мы должны следовать святымъ заветам П. Никона, как своего учителя, и стремиться к восстановлению у нас

истинной самодержавной царской власти, которая будет таковою, если в основу своего отношения къ Церкви она положит начала симфонии властей. Иначе сказать, мы должны стремиться возсоздать ту царскую самодержавную власть, которая будет находиться в самом близком единении съ православною русскою Церковью, свидетельствуя это единение своею защитою православною веры отъ всех ея врагов — безбожников, еретиков, раскольников и сектантов, оказывая ей, какъ господствующей религии в русском государстве, свое почитание, о котором говорится в теории симфонии властей.

Эту царскую самодержавную власть мы должны стремиться возсоздать не только потому, что такое стремление будет истинным покаянием въ нашем тяжком грехе уничтожения одного изъ исконных начал русской жизни и попустительства к сему уничтожению. Это стремление одновременно соответствует и истинной русской идеологии, которая есть ни что иное, как православная вера и основанная на ней русская жизнь во всех ея областях, начиная съ личной и кончая государственной, почему русское государство и должно возглавляться царскою самодержавною властью. Идеология русскаго человека никогда не допустит, чтобы в основе государственной жизни была власть не Богопоставленная, т. е. не основанная на православной вере, власть конституционная и республиканская.

Конечно, русская идеология в последнее время была весьма сильно извращена, вследствие отступления русскаго народа от православной веры. Но ныне народ наш возвращается к ней своими великими страданиями. А вернувшись къ православной вере, он вернется и к царской самодержавной власти, как основанной на этой вере. Русский народ в особенности любил и почитал тех из своих великих князей и царей, которые отображали в своей личной и государственной жизни его идеологию и являлись истинным оплотом православной веры. Поэтому весьма многих из них, чрез Церковь свою, народ причислил к лику святых. И теперь, при возрождении России, народ наш, познавши горьким опытом всю разрушительную силу неверия и зная, что только истинная самодержавная царская власть в России может быть могущественным оплотом православной веры, как основы и личного спасения, и процветания государства, возстановит ее, будет ценить ее, будет особенно любить и почитать ея достойныхъ представителей, как выразителей идеологии народа.

Для православнаго сознания русскаго человека является неоспоримой истина, что вера православная была основою не только личной духовной жизни, но была в основе могущества и славы нашей родины; отступление же от веры было причиною, как нравственнаго падения русскаго народа, так и гибели внешней мощи России. Лишь въ православной вере надо искать нам возрождение России.

Вот в чем состоит русская идеология. Если она, по милости Божией, воплотится в жизни, то произойдет истинное возрождение России. Тогда она вновь засвидетельствует пред всем миромъ о спасительном значении православной веры въ нашей жизни во всех ея областях. Тогда, осуществляя свою идеологию и возрождая свою Родину, русский народ покажет на себе всю жизненную силу непреложных, Богооткровенныхъ слов Ап. Павла: верою сотвори (Моисей) пасху и пролитие крове, да не погубляяй перворожденная, коснется их. Верою преидоша (израильтяне) Чермное море аки по сусе земли; егоже искушение приемше египтяне истопишася. Верою стены Иерихонския падоша, обхождением седмих дней. Верою Раав блудница не погине съ сопротивльшимися, приемши соглядателей съ миром, (и иным путем изведши). И что еще глаголю? Не достанет бо ми повествующу времени о Гедеоне, Вараце же и Сампсоне и Иеффаи, о Давиде же и Самуиле, и о (других) пророцех, иже верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острея меча, возмогоша отъ немощи, быша крепцы во бранех, обратиша въ бегство полки чуждих. ([Евр. 11:28—34](#)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, что некоторые из читателей нашей книги сделают такое возражение: если гибель России произошла в силу отступления русского народа от православной веры, вызванного, главным образом, противоцерковными реформами самодержавного царя Петра Первого, то зачем же призывать русских людей к восстановлению у нас царской самодержавной власти? Ведь может опять на русском престоле появиться царь, который, подобно Петру, отступит от православной веры и, пользуясь своею самодержавною властью, вновь будет содействовать гибели России.

Вот что по этому поводу мы должны сказать. Если не все цари были достойными, и не все соответствовали по своим убеждениям и жизнедеятельности Божественным законам, то это вовсе не значит, что мы должны отрицательно относиться к самому институту царской власти. Все, что делал и делает Господь для нашего земного благополучия и спасения, является идеально хорошим, ибо от Господа не может произойти что-либо плохое и несовершенное, почему в Божественном Писании и сказано: Вся, елико сотвори Господь добра зело. ([Быт. 1:31](#))

Царская самодержавная власть есть Богоустановленное учреждение и, как таковое, является идеальным. Вследствие этого, с нею не может сравниться то или другое демократическое правление, как плод человеческого греховного соизволения.

Если некоторые священнослужители являются весьма недостойными пастырями, то это не значит, что нужно упразднить самое священство, учрежденное Богом для нашего спасения. Некогда Епископ Феофан Затворник в своих письмах говорил, что, если бы благодать всегда искала только достойных пастырей, то люди оставались бы без крещения и лишились вечного спасения. То же самое следует сказать относительно царя и царской власти. Недостатки Петра и других царей не должны быть препятствием для русского народа к восстановлению в будущей России царской самодержавной власти, как источника благоденственной и спасительной жизни народа.

К тому же мы должны всегда иметь веру, что действия Божественного наказующаго промысла, если мы ими вразумляемся, тем именно и отличаются, что они оканчиваются нам во благо. Наказание за грехопадение прародителей лишением их общения с Богом и райскаго блаженства окончилось тем, что мы теперь, в силу искупительной жертвы Спасителя, при вкушении Тела и Крови Его входим в поразительное общение с Ним; и еще в земной жизни соединяемся съ Господом нашим Иисусом Христом для вечнаго райскаго блаженства. Такого теснаго и блаженнаго единения с Богом, вплоть до нашего обожения, не имели прародители в раю до своего падения. Св. Се меон Новый Богослов свидетельствует, что въ евхаристическом таинстве мы получаем от Бога такая блага, о коих в Свящ. Писании сказано: ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его. ([1 Кор. 2:9](#); Творения св. Се меона Нов. Бог., Вып. I, Слово 52-е, стр. 444—445)

Такая вера в действие наказующаго Божественнаго промысла применительно к данному моменту жизни России, конечно, укрепляется нашим сознанием, что русский народ заслуживает подобнаго отношения к себе со стороны промыслительнаго Божественнаго милосердия, такъ как под влиянием великих страданий онъ возвращается ко Христу, к своей православной вере.

Разумеется, русский народ не только долженъ иметь веру в благия последствия для России тяжкаго ея наказания Богом. В своей личной, общественной и государственной жизни ему необходимо теперь ревностно оберегать свою православную веру, чтобы не допустит въ будущем появления на самодержавном престоле царя, который стал бы ее вновь ниспровергать. Поэтому народ наш должен неуклонно осуждать безбожие и всякия отклонения от православной веры и всемерно способствовать тому, чтобы в его будущем государственном

законодательстве въ осуществление мысли Епископа Феофана Затворника, был закон, сурово — вплоть до смертной казни карающий пропаганду атеистических воззрений и в особенности кощунство. (Избрание писемъ Святителя Феофана. Вып. е II. Письмо 1144, стр. 142—143. Москва, 1900 г) Тогда Господь, ради такой ревности о Боге, не допустит появления у нас царя, который своим отрицательным отношением къ православной вере поставил бы нашу Родину подъ опасность ея новой гибели.

В тех же целях предотвращения появления въ будущей России подобнаго царя, при учреждении въ России царской самодержавной власти, Церковь может установить правило, при котором царь свободною волею усугубил бы ограничение своего самодержавия Божественными Законами, о верности которым он торжественно свидетельствовал при своем короновании чрез исповедание православнаго учения.

Впрочем, иного выхода для нас, какъ православныхъ христиан, в данном случае не может быть. Ведь мы должны все делать на основании своей православной веры. Последняя же устами Вселенских Соборов требует нашего отношения к Священному Писанию, какъ къ Богодухновенному, и потому повелевает считать его главнейшим руководством не только въ области религиозной и нравственной, но и государственной. И если для государственнаго правления Св. Писание признает одну только форму — самодержавную власть царя — Помазанника Божияго, то ни о какой другой власти, как не основанной на Божественном Откровении, мы не должны думать.

Та же самая православная вера побуждает насъ желать возглавления нашего отечества этою царскою властью, когда чрез Божественныя заповеди повелевает нам ее почитать, молиться о ней Богу и ей повиноваться Господа ради.

Поэтому без всяких колебаний будемъ стремиться к возстановлению в будущей России самодержавной власти царя Помазанника Божияго.

И так как это стремление наше является основанным на православной вере, то самъ Господь будет нашим помощником в этомъ святом и патриотическом деле. Он Своею Божественною благодатию осуществит его на благо России. Чрез нашу православную веру Онъ возродит ее и покажет вновь на русском народе всю силу его веры, о которой некогда Его возлюбленный ученик и Апостол Иоанн Богословъ сказал: сия есть победа победившая мир, вера наша. ([1 Ин. 5:4](#)).